

БЫЛЬ

ЧУСОВСКИХ ГОРОДКОВ

Краеведческий
сборник

БЫЛЬ

ЧУСОВСКИХ ГОРОДКОВ

Краеведческий сборник

Выпуск 2

Составитель

Н. В. Никулина

298532

Верещагинская ЦБС
Пермской области

Пермь

Издательство «Пушка»

2012

АБ

УДК 94(470.53)
ББК 63.3(2Рос-4)
Б 95

Книга издана при финансовой поддержке
администрации Чусовского муниципального района

Б 95

Быль Чусовских Городков: Краевед. сб. / сост. Н. В. Никулина. – Пермь : Изд-во «Пушка», 2012. – 400 с., ил.

«Быль Чусовских городков» – это второй сборник, посвященный историческому прошлому родного края и его сегодняшней жизни. Авторы материалов – старожилы Чусовских городков, члены клуба «Земляки», и те, кто живет далеко от Прикамья, но остается верен своей маленькой родине. В сборнике соседствуют исторические документы, фрагменты книг и газетных публикаций, воспоминания старожилов и людей, волею судеб появившихся в этом краю, стихи верхнегородцев и их живописное творчество. Вся книга свидетельствует о том, что на уральской, пермской земле есть подлинные патриоты-энтузиасты, для которых нормой жизни стало уважение к минувшему. Их труд несомненно вызовет интерес у читателя.

ISBN 978-5-98799-113-8

© Коллектив авторов, текст. 2012
© Издательство Пушка, оформление. 2012

К ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогие друзья!

Перед вами – второй выпуск краеведческого сборника «Быль Чусовских Городков». В его создании принимали участие многие мои земляки. Их мнения, предложения и рекомендации были учтены при составлении книги. Благодарна Александру Ивановичу Воробьеву, Наталье Алексеевне Драчинской, Жаннете Александровне Баше, которые, не имея возможности постоянно работать над выпуском, тем не менее оказали весьма существенную поддержку. Особая благодарность за ценную помощь в работе Юрию Владимировичу Герасимчуку. Хочу обратить внимание читателей на то, что этот выпуск я не выношу на их суд. Я просто предлагаю ознакомиться с материалами, которые сочла возможным и нужным представить здесь. Многие вопросы истории края остались не затронутыми. Будет ли следующий выпуск? Не знаю, как распорядится судьба. Возможно, кому-то покажется странным, что в сборник включены статьи, не касающиеся напрямую нашего поселка, например статья Ю. В. Герасимчука «Строгановы». Не надо забывать: мы – это Россия. История рода Строгановых – это часть истории России, все бароны и графы этой фамилии являются потомками Семена Аникиевича – хозяина Нижнего Чусовского поселка. У читателя может возникнуть вопрос: для чего помещена в сборнике статья «Памятник Ермаку, покорителю

Сибири», напечатанная в газете «Пермские губернские ведомости» сто с лишним лет назад? Для того чтобы напомнить: Ермак – гордость не только Прикамья, но и всей России. А вот памятник легендарному герою ни Прикамье, ни Россия установить не удосужились. Памятники Ермаку «вырастают» там, где есть деньги и предприимчивые люди. Так было, так есть... так будет? На Дону казацкий атаман Ермак Тимофеевич числился по переписи в то время, когда наш земляк Ермак уже погиб в Сибири.

Сборник – краеведческий, а не литературно-художественный, хотя здесь помещены лирические стихи. Авторы «Поэтических строк» представлены не только как писатели-литераторы (пусть даже не титулованные), но, главное, как наши современники. Надеюсь, что они донесут потомкам «дух», т. е. духовность нашего времени. Пусть не покажутся читателю легковесными стихи Светланы Мелентьевой и Нины Кононенко: ведь за каждой их строкой своя жизнь, своя, только им известная, боль. Николай Яковлевич Иванов, например, свои стихи для печати не предназначал: это, по существу, субъективные заметки, стихотворные дневники, если угодно.

Говорить о стихах Валерия Мефодьевича Виноградова – занятие неблагодарное, их надо читать. И слава Богу, что этот человек считает лучшими годы, прожитые у нас в Городках. А вот об Иване Васильевиче Кононенко, которому автор посвятил стихотворение «Веселая горка», сказать можно и, наверное, даже надо. В последние годы существования СССР он, рискуя своей жизнью, ценой здоровья собственных детей, доставил в Москву подписи крымчан, протестующих против строительства в Крыму атомной электростанции. А ведь это тот самый тоненький крымский мальчик, который, чтобы заработать, летом 1952 года после окончания шестого класса пас стадо коз в Городках вместе со своим младшим товарищем по несчастью Васей Бендеровым (а этот – после пятого класса!). Прав осинский поэт Герман Иванович Митягин, утверждая, что стихи – это тоже краеведение.

1. СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ДОКУМЕНТЫ

Пермская губерния. Век XIX¹

Пермская губерния принадлежит к группе Приуральских, и одна часть ее находится на восточной стороне Уральского хребта, другая на западной, т. е. принадлежит и Европе и Азии. На севере к ней прилегает губерния Вологодская, на востоке – Тобольская, на юге – Уфимская и на западе – Вятская. По географическому положению губерния находится между 61°56' (исток р. Малой Печоры) и 55°23' (дер. Мухаметева) северной широты, следовательно, имеет протяжение от севера к югу до 6½ градусов или 975 географ. миль.

Топографической съемки в пределах губернии не производилось, даже и межевание еще не совсем окончено, следовательно, величина площади может быть представлена лишь

¹ Список населенных мест Российской империи. Т. XXXI. Пермская губерния. СПб., 1875. Раздел «Общие сведения о губернии. Географическое положение и пространство губернии».

приблизительно. Арсеньев в своих Статистических очерках России (Изд. 1848 г. С. 157) величину площади определил в 6073 кв. мили; по вычислению академика Швейцера (*Areal-Bestimmung des Kaiserreichs Russland*, s. 51.) она равна 6050,12 кв. милям; наконец, по измерению, произведенному г. Стрельбицким (Статистич. Временник, изд. Центр. Статистич. Комит., 1871 г., вып. I. С. 20) по новейшей специальной карте, площадь губернии определена в 6034,36 кв. миль, с озером Маяном. Последнему измерению мы и будем следовать при всех наших соображениях настоящего обозрения. Таким образом, принимаем пространство губернии в 6034 кв. мили за абсолютное, увидим, что оно занимает 6,4% площади Европейской России с княжеством Финляндским и Привисленскими губерниями и 1,6% всей Российской Империи. По величине площади Пермская губерния превосходит все губернии и области Европейской России, за исключением Архангельской и Вологодской, а из числа губерний и областей Азиатской России меньше Пермской губернии: Амурская и Уральская области и все губернии Кавказского наместничества. Что же касается сравнения площади Пермской губернии с площадями иностранных государств, то она более в отдельности Великобритании с Ирландиею, Норвегии и собственно Пруссии и немногим уступает Баварии, Бельгии, Греции, Дании, Голландии, Португалии и Швейцарии, взятым вместе.

В административном отношении площадь Пермской губернии разделена на 12 уездов, которые по пространству своему далеко не равномерны, что можно видеть из следующей таблицы:

Пермский	484,24 кв. мили	23430,4 кв. верст
Верхотурский	1153,31	55804,5

(...) В 18 верстах от Верхнего Чусовского Городка вверх по течению р. Чусовой, с левой ее стороны, впадает р. Шушпанка.

От ее устья вверх по течению в 4 верстах есть место, называемое Села; здесь, по преданию, жил некогда народ Чудь. Место это, занятое ныне сенокосами, довольно возвышенно и выдается от близлежащей горы мысом, постепенно понижающимся к речке. Самые места Чудских жилищ означаются ямами, вроде односторонней улицы, расположенными на значительном пространстве. Неподалеку от места Села, на другой стороне речки, есть место под названием «могильники», где, по преданию, было их кладбище. Замечательна тут одна обширная яма, о которой рассказывают, что это была одна общая могила всех Чудских жителей. На правой стороне р. Усьвы, впадающей в Чусовую пониже ручья Симонихи, в 5 верстах от села Камсинского, в древности было на горе Чудское жилище, известное под именем «городища». Доселе на нем заметны земляные валы квадратной фигуры, и оно заросло лесом. По течению той же речки Усьвы, в 3 верстах ниже дер. Басковой, заметны Чудские могилы, а самое жилище их неизвестно. На горе близ дер. Заозерья находится также древнее Чудское кладбище, но следов самого жилища не видно, потому что места эти заросли лесом. Городище в дер. Верейной, замещенное ныне обывательскими домами, находится на краю мыса очень высокой горы, почти вертикально возвышающейся с левой стороны р. Чусовой, с прочих же трех сторон окружено земляным валом, возвышающимся до 1 ^{1/2} саж., несмотря на ежегодные осыпки. По преданию, здесь жил какой-то князек. В земляном валу были поставлены железные верей, отчего и сама деревня получила свое название. В расстоянии версты от этого городища на другом мысу такой же горы, при дер. Родниковой (часть дер. Верейной), находится другое городище, которое с севера защищено утесом, с восточной – оврагом, а с остальных двух сторон – земляным валом. В $\frac{3}{4}$ версты от дер. Верейной, на правом берегу р. Чусовой, лежит Чудское кладбище, называемое ныне «могилицы». В дер. Тюриной (часть дер. Плесовой), на мысу той же горы, простирающейся по течению р. Чусовой, находится опять же городище, которое с восточной и западной стороны

окружено глубоким оврагом, с северной – утесом горы, возвышающимся вертикально над р. Чусовой, а с южной – земляным валом, имеющим донные высоты около сажени (См.: Записки Археолог. Общ-ва. 1856. Т. VIII, С. 210.).

(...) Строгановы тотчас же воспользовались данною им грамотою, и в том же 1558 г. они приступили к основанию в Перми городка, для которого им было дозволено в Соль-Вычегодске сварить 30 пудов селитры (См.: Акты Археограф. Экспедиций. Т. I. № 254.). Через два года на правом берегу Камы, при впадении в нее р. Пыскорки, был уже построен городок Канкор или Кам-горт, что означает на языке пермяков «Камское селение», а через 6 лет они основали на правой же стороне Камы, 20 верстами ниже Канкора, Орловские соляные промыслы, а городок при них назван Кергеданом (См.: Записки Казанск. Экономическ. Общ-ва, 1858. Ч. II. Отд. III. С. 20; Дополн. к Акт. Историч. Т. I. № 117.). Оба эти городка находились в пределах нынешнего Соликамского уезда: первый около села Пыскарского, а второй – где ныне Орлов-городок. Вместе с построением городков Строгановы сами переселились во вновь пожалованную им землю, перевели туда рабочих и людей, сведущих в соляном деле, и стали принимать к себе не тяглых и не письменных людей. Со всех сторон начали стекаться к ним люди, искавшие приюта и даже скрывавшиеся от преследования закона или грозной руки царя Иоанна Васильевича. Насколько оживился доселе пустынный край, видно из Соликамской летописи (См.: *Берх В.* Путешествия в города Чердынь и Соликамск. С. 203.), где говорится, что «в 1563 г. по указу Великого Государя отдано именитому человеку² Григорию Строганову крестьян Соликамских, Обвинских и Косьювских 2322 двора во владение». Но, распространяя свои владения и устраивая соляные варницы, Аника за все царские милости не забывал и укрепления в крае христианства. С 1558 по 1560 г.

² «Именитыми людьми» Строгановы стали с 1610 г.

успел построить у своего жительства, на правом берегу Камы, при устье Нижней Пыскорки, Свято-Преображенский монастырь с той целью, чтобы поступившие в него иноки не переставали «молити Бога и Пречистую Его Матерь и всех Святых, да умножатся лета Государю царю Ивану Васильевичу, всяя Руси самодержцу, и детям его Ивану и Федору Ивановичам многолетное здравие», чтобы не переставали также «молити Бога и о всех православных христианах и за упокой и за род Строгановых», как значится в оставшихся монастырских грамотах (См.: Журн. Министер. Народн. Просвещ. 1857. Т. XCIII. С. 238.).

Обладея берегами Камы, Строгановы не переставали искать соляных рассолов и в других местах, им не жалованных. Таковые они отыскиали на р. Чусовой, которая, по заявлению Якова Строганова, другого сына Аники, так же, как и Кама-река, оставалась незаселенною и не приносившею Царской казне никаких доходов. Между тем Строгановы не смели занять без царского указа эти пустопорожние места и потому обратились с новою просьбою о пожаловании им земель по р. Чусовой. В 1568 г. им была жалованная грамота на всю р. Чусовую и на р. Каму, от устья Чусовой на 20 верст вниз ее течения до Ласьвинского бора (р. Ласьва, правый приток Камы в Оханском уезде). Все привилегии и льготы, которые были даны первою грамотой Григорию Строганову, повторены и в новой грамоте Якова Строганова, но льготы эти давались лишь на десять лет (См.: *Миллер Г. Ф.* Описание Сибири. царства. С. 80. Примечание.). Яков Строганов тогда же завел соляные промыслы на р. Чусовой, а для охранения их поставил Чусовские Городки (См.: Доп. к Акт. Историч. Т. I. № 119.), ныне село Пермского уезда. Около того же времени, вероятно, был построен и Сылвенский острожек³ на р. Сылве, о котором уже упоминается в 1581 г. (См.: Пермский сборник. Кн. I. С. 17. Где находится этот острожек, неизвестно.).

Инородцы, как видно, относились враждебно к Строгановым и неоднократно нападали на их владения. В 1572 г.

³ Сылвенский острожек – сейчас с. Троицкое на р. Сылве. – Прим. сост.

восставшие башкиры, черемисы, остяки и вотяки приходили на р. Каму и около Канкора и Кергедана побили русских торговых людей; но Яков и Григорий Строгановы, послав за ними погоню, смирили бунт их и снова взяли с них присягу в верности Государю (См.: *Muller, Sammb. Russ. Geusch. T. VI. S. 228; Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. IX. С. 377. Примеч. 656.*). В следующем, 1573 г. Сибирский царевич Маметкул, сын Солдата Кучума, приходил войною на р. Чусовую, вторгнулся в Пермь Великую, не доходя только 5 верст до острога, побил много народу и убил Государева посланника Третьяка Чебукова, шедшего в Киргиз-Кайсацкую Орду.

В 1574 г. Яков и Григорий Строгановы получили новую жалованную грамоту на обладание Зауральем по рр. Тоболу, Оби и Иртышу в течение 20 лет (См.: *Миллер Г. Ф. Описан. Сибирск. царства. С. 87 в Примечании.*). Это обстоятельство имело важное значение для дальнейшей судьбы Пермского края, так как оседлый русский элемент с востока должен был сдерживать беспокойную татарскую орду, кочевавшую в приуральских степях и беспокоившую не только русских, но слабых инородцев Вогулов, Остяков и других, которые уже отчасти свыклись со своею участию и платили дань. Строгановы, получив во владение Зауралье, не могли решиться со своими слабыми силами перенести тотчас же туда свою деятельность, как это они сделали на берегах рр. Камы и Чусовой; там они должны были встретиться с сильнейшими врагами, Татарами, которые уже не раз проявляли свою силу. Им нужно было добыть войско, но откуда? В это время пришлось то благоприятное обстоятельство для Строгановых, что началось преследование правительством Волжских казаков-разбойников, которые, во избежание лишения дорогой им свободы, разбежались в разные стороны, кто на Терек, кто на Урал (Яик), а сильная шайка под предводительством известного атамана Ермака Тимофеева бросилась в необитаемые места р. Камы. Бегство это случилось в 1577 г. (См.: *Миллер Г. Ф. Описан. Сибирск. царства. С. 93.*). По другим источникам, Ермак со своею вольною явился на

Каму в 1579 г. и притом по призыву самих Строгановых для охранения Перми Великой (См.: *Карамзин Н. М. Истор. Государств. Российск. Т. IX. С. 381.*). Как бы это ни было, но приход Ермаковой дружины на Каму был весьма приятен для Строгановых, которые снабдили ее всем необходимым для дальнейшего следования в Сибирское царство Кучума. Ермак со своею дружиною двинулся по р. Чусовой осенью 1578 г., но, не зная дороги, свернул на р. Сылу, на которой и принужден был зимовать на месте, которое еще в прошедшем столетии было известно под именем «Ермакова городища» (См.: *Миллер Г. Ф. Описан. Сибирск. царства. С. 97.*). Весною 1579 г. он опять вошел в Чусовую, поплыл вверх ее надлежащим уже путем. На пути своем, как гласит предание, Ермак в одной из Чусовских пещер... сложил свои сокровища, которые, по мнению Миллера (См.: *Описан. Сибирск. царства. С. 101.*), могли состоять из мягкой рухляди, добытой во время зимовки на Сыле, а отчасти из вещей, оставшихся после грабежей на Волге; камень и пещера до сих пор носят название Ермака. Поднявшись по р. Чусовой, Ермакова дружина вступила в р. Серебрянку (правый приток Чусовой в Кунгурском уезде), на которой около ручья Кокуя и зазимовала, построив для себя зимовья. Весною воины хотели перетащить свои суда на р. Тагил, но, встретив затруднения, бросили их на дороге, между рр. Серебрянкою и Баранчею (приток Тагила). Паллас (См.: *Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. II. Кн. I. С. 260.*) говорит, что в его время (в 1770 г.) еще были видны следы хижин и остатки судов. Дойдя с р. Серебрянки до р. Жаровли (приток Баранчи), Ермак построил плоты и на них спустился по Жаровле и Баранче в Тагил, на котором в 4 верстах ниже устья Баранчи, при устье р. Медведки, остановился и, сделав укрепление для защиты от набегов инородцев, принялся за постройку судов. Это место и до сих пор называется Ермаковым городищем и лежит в Верхотурском уезде, в 16 верстах от Нижне-Тагильского завода, на возвышенном холме. Городище состоит из прямоугольного рва, шириною

в 2 саж. и глубиною в несколько аршин...; внутри пять ям (См.: *Паллас П. С.* Путешествие... Ч. II. Кн. 1. С. 260; Пермск. Губенск. Ведом., 1855. № 28.). Посадив свою дружину на суда, Ермак благополучно вышел в р. Туру, близ устья которой зимовал, а в 1581 г. покорил Сибирь и тем заслужил полное прощение за все прежние содеянные преступления.

В то время как Ермак воевал в Сибири, Перми угрожали инородцы. В 1581 г. князь Пелымский, набрав войска из Сибирских Татар, Остяков, Вогуличей, Вотяков и Башкирцев, напал на Чердынь, Кай-городок (в Вятской губернии), Камское усолье и на поставленные Строгановыми Чусовские Городки и Сылвенский и Яйвенский остроги, выжег посады и села, умертвил и пленил множество христиан (См.: *Карамзин Н. М.* Истор. Государств. Российск. Т. IX. С. 383. Примеч. 671.). Иоанн IV, получив от Чердынского наместника донесение об этом нападении, написал гневную грамоту к Строгановым, в которой обвинял их в этом набеге Пелымцев, говоря: «...то сделалось Вашей изменою: вы Вогулич, и Остяков, и Пелымцев от нашего жалования отвели и их задирали и войною на них приходили, да тем задаром с Сибирским салтаном ссорили нас, а с Волжских атаманов к себе призвав, воров наняли в свои остроги без нашего указу, а те атаманы и казаки прежде всего ссорили нас с Ногайскою ордою, послов ногайских на Волге на перевозах побивали и нашим людям грабежи и убытки чинили». Далее, под опасением опалы, а для казаков виселицы, предписывалось немедленно послать казаков в Чердынь, для защиты Перми от набегов Сибирских инородцев (См.: Дополн. к Актам историч. Т. I. № 128.). Но мы уже видели, что в это время казаки были давно уже за Уралом, и счастливое покорение Сибири успокоило Царя, который остался доволен и казаками и Строгановыми. Позднее, в 1582 г., вогуличи опять напали на город Чердынь, но все дело ограничилось лишь избиением нескольких жителей (См.: *Берх В.* Путешеств. в города Чердынь и Соликамск. С. 206.).

Между тем по обе стороны Уральского хребта находились плодородные земли, еще не тронутые рукою пахаря, и вслед-

ствие этого крестьяне внутренних губерний добровольно шли на пустопорожние места, зная, что их труд будет обеспечен хорошим урожаем и выгодным сбытом. Все это вместе взятое и было причиною быстрого заселения Пермского края, так что уже в 1781 г. при открытии Пермского наместничества, границы которого совпадают с границами нынешней Пермской губернии, здесь считалось жителей 798 950 душ обоего пола (См.: *Арсеньев В. К.* Статист. очерки России. С. 125.).

Считаем небезынтересным представить здесь состояние Пермского наместничества в 1781 г. (См.: Перм. губери. ведом. 1855. № 23–29.):

Пермский уезд. На пространстве 20 433 квадр. верст было заводов и сел с церквями 16, деревень помещичьих 526, казенных 11, иноверческих 3; в них жителей 27 711 душ, из коих иноверцев 911. Народонаселенность эта преимущественно сосредоточивалась в юго-западной части уезда. Пространство по берегам Камы от впадения в нее р. Чусовой и до той точки, где р. Сытва пересекает границы Пермского и Кунгурского уездов, тогда уже заключало в себе много заводов, сел, деревень. Из заводов на этом пространстве значились: Мотовилихинский, Югокамский, Верхне- и Нижне-Юговские, Курашимский, из сел обозначены: Верхние и Нижние Муллы и по берегам р. Сытвы: Троицкое, Насадское и Сергинское. К востоку за Сытвой до Чусовой и дальше к Уральскому хребту все пространство почти было незаселенное, так что заводы Лысьвенский, Кузье-Александровский и особенно Бисерский и Архангело-Пашийский не имели вокруг себя никаких деревень и находились почти в необитаемой пустыне. Население средней части уезда сосредоточивалось по берегам Чусовой, на которой уже были Нижний и Верхний Чусовские Городки, села Калино и Камасино, кроме того, севернее Заоградское или Экономическое⁴. В северной части уезда население расположилось по рр. Каме и Косью; на Каме были два завода:

⁴ Имеется в виду село Успенское.

Добрянский и Висимский и одно село Полазное, на Косье два села – Благовещенское и Пермское. Вся восточная половина к Уральскому хребту почти совсем не была заселена.

Соликамский уезд. На пространстве 27 617 кв. верст сосредоточивалось заводов и сел с церквями 28, заводов 5, деревень помещичьих 560, казенных 214, жителей 22 932.

Около села Рождественского еще в прошедшем столетии вырывали из городища разные вещи из меди, хрусталя, бисера, цветных камней, попадались также золотые и серебряные кольца и прочие женские украшения. Серебряные и медные вещи, а также и земледельческие орудия находились около села Купросского (См.: *Рыков П. И.* Древние записки. 1770. С. 75, 78.). В собрании Пермских древностей г. Ешевского (См.: *Пермский сборник*. Кн. I. С. 139, с рисунками) находятся следующие вещи, встречающиеся на правом берегу Камы в дачах Пожевского завода: выпуклая бляха из красной меди с грубыми изображениями лося, двух каких-то мелких животных и птиц, украшения с пояса, сделанные из меди или какого-то белого сплава, бронзовые украшения с двумя лошадиными головами, обращенными в разные стороны, бронзовая трубочка; украшения из красной меди вроде якоря с ушком наверху, бронзовый наконечник стрелы. Некоторые из этих вещей сходны с теми, которые встречаются в Казанской губернии около Билярска. На месте Чудского городища по р. Юсьве (приток Иньвы) найдено медное изображение птицы с распростертыми крыльями и человеческим лицом; другое же женское лицо изображено на груди, сзади ушей (См.: *Пермский сборник*. Кн. I. С. 141.).

Пермский уезд. В городищах близ д. Трандиной, на р. Калиновке, находимы были металлические изображения лошадей (См.: *Пермский сборник*. Кн. I. С. 140.). В Чусовских Городках и их окрестностях по временам откапывали не только древние монеты, но и языческие истуканчики. При развитии земли под постройку д. Верейне, по р. Чусовой, находимы были остовы людей, опоясанных кожаными ремнями с серебряными пряжками, и разные вещи: две сребропозолоченные с камешками

и бусами, медная привеска с пятью цепочками, состоящими из шести колечек и имеющими на концах колокольчики, бубенчики с погремушками, величиною с грецкий орех; все они, вероятно, принадлежали к женскому убору. У Чудского городища на Масленной горе, верстах в 25 от села Ильинского, также находили разные вещи, из коих более замечательны: вылитое из медной композиции и внутри пустое изображение человека, сидящего верхом на седле, с вызолоченным лицом, бородою и руками; другой идол с изображением на композитной дощечке барельефом трех человек; женская голова на подобной дощечке; еще женская голова с финифтью, привешиваемая, подобно первой, к чему-нибудь за скважины; изображение голов барана и козла, соединенных между собой рогами; изображение какого-то животного с хоботом; три изображения с женскими головами и железный трезубец. Кроме этих предметов древнего языческого богослужения были находимы вещи, принадлежащие к женским уборам и ратному делу. Из них замечательны: серебряная под золотом дощечка с пятью камнями; четыре больших медных кольца; что-то вроде пряжки с изображением человека; просверленный кусок янтаря; неограниченный сердолик с фигурами и куски самоцветных камней, пуговицы с изображением женских голов, остатки от копий и стрел, остатки железной кольчуги, завезенной, вероятно, из Руси (См.: *Отечественные записки*. 1841. Т. XVIII. С. 63; *Записки Император. археолог. общ.* 1856. Т. VIII. С. 230.).

Статистическое обозрение населения Пермской губернии в религиозном, умственном, нравственном и гражданском отношениях

Проповедь св. Евангелия на дальнем северо-востоке, населенном язычниками, начата еще в XIV в. скромным иноком Стефаном, впоследствии первым епископом Великопермским, причисленным православною церковью к лику святых. Имя главное пребывание в Усть-Выме, ныне бедном селении

Яренского уезда Вологодской губернии, он по рекам Вычегде, Сысоле и Лузе проникал до самых пределов Чердынских. Но чем ознаменовалась его деятельность в этом отдаленном крае нынешней Пермской губернии — неизвестно; даже некоторые полагают (о распространении христианства в крае взято из прекрасных статей архимандрита Макария (Журн. Минист. Народ. Просв. Ч. ХСIII) и Крупенина (Пермский сборник. Кн. I), что св. Стефан вовсе не касался нынешней Пермской губернии, первым просветителем считают Иона, крестившего Великую Пермь и князя их в 1462–1463 годах. Вообще успехи христианства в этом новообращенном крае были довольно медленны. Причины этой медлительности заключались сколько в противодействии упорного язычества, столько же и в том, что Русские, постепенно водворявшиеся в этих краях, не могли, по своему таинственному ничтожеству, иметь благотельного влияния на языческих туземцев. Русские в ту пору состояли из людей гулящих, вольницы, образовавшейся вследствие внутреннего неурядиства Руси: это были люди, недовольные существующим порядком, почти отверженники общества, которым нечего было терять на родине и которые на чужбине искали улучшения своей жалкой доли. Самое духовенство тогдашнее, находясь на низкой ступени образования, из корыстных целей потворствовало своим прихожанам, так что в 1501 г. митрополит Симон в послании Пермскому духовенству (См.: Акты историч. Т. I. № 112. С. 258.) горько укорял его в несоблюдении пасторских обязанностей и в том, что оно мало заботилось о наставлении новопросвещенных. Крещеные Пермьки, по свидетельству Герберштейна, еще в XVI столетии поклонялись кумирам, отправляли языческие тризны, совершали незаконные браки между близкими родственниками и вообще нарушали постановления церкви.

Христианство вообще распространялось с севера к югу и шло рука об руку с водворением русского населения. В Соликамском уезде на распространение христианства между Пермьками благотельное влияние имело пожалование земель Строганову,

Общий вид на село Верхние Городки с севера. 1912 г.
Фото С. М. Прокудина-Горского

который тогда же устроил, кроме церквей своих в городках, монастырь Пыскорский, иноки коего старательно проповедовали Евангелие. Южнее, в Пермском уезде, ревностным проповедником в половине XVI века является св. Трифон Вятский, который поселился на р. Мулянке, около нынешнего села Верх-Мулянского (ныне пос. В. Муалы. — Прим. сост.). Он, обратив в христианскую веру местных Остяков, удалился на р. Чусовую в Строгановский Чусовской Городок, где и основал Успенский мужской монастырь, из которого ушел в Вятскую губернию; там он устроил в 1580 г. Успенскую церковь и потом монастырь, известный под именем Вятского Трифонова монастыря.

В Зауралье христианская религия стала распространяться в конце XVI века, т. е. с построением города Верхотурья, в котором, кроме церкви во имя Св. Троицы, был основан монахом Ионою Пошехонцем мужской Никольский монастырь. Позднее, с первой половины XVII столетия, прославился в слободе Меркушинской Верхотурного уезда из русских дворян некто трудолюбивый Симеон. Происходившие от него чудеса после его смерти заставили митрополита Тобольского Игнатия в 1695 г. свидетельствовать гроб праведного; мощи найдены нетленными и в 1702 г. с подобающей честью перенесены в Верхотурье.

Раскопки Нижнего Чусовского Городка

Из отчета о раскопках в Пермской области в 1977 г.

Нижний Чусовской Городок был обследован впервые в 1973 г. отрядом Камской Археологической экспедиции под руководством В. П. Денисова и повторно в 1975 г. под нашим руководством. В 1975 г. было установлено, что в западной части Городка культурный слой достигает мощности 2–3 м, и в нем хорошо сохраняется дерево, благодаря тому, что основная часть культурного слоя сильно насыщена водой. В нижней части культурного слоя на зачистке 1975 г. были найдены красноглиняные рельефные изразцы второй половины XVI – первой половины XVII в., что свидетельствует о том, что культурный слой хорошо сохранился с самого начала основания Городка. Городок пригоден для больших раскопок в период наименьшего уровня р. Чусовой – при сбросе воды в Камском водохранилище.

В 1976 г. планировалось провести раскопки Городка. Однако они не состоялись из-за высокого уровня воды в Чусовой. В 1977 г. уровень воды в Камском водохранилище резко упал, и обнажилась большая часть площади Городка. Это создало возможность снять более подробный план Городка, осмотреть сооружения, обнажившиеся на затопленной его части, и провести небольшие разведочные раскопки. Особый интерес к этому памятнику вызван тем, что это – наиболее сохранившийся в настоящее время в Верхнем Прикамье русский город XVI в., из которого в 1581 г. начал свой поход Ермак.

Городок возник в 1568 г. на основании царской грамоты, выданной солепромышленнику Я. А. Строганову, получившему в свое владение земли по обоим берегам от устья р. Чусовой более чем на 90 верст вверх по ее течению. Сначала он назывался слободой и был построен на левом берегу Чусовой на «пустом месте» в 50 верстах от ее устья у места выхода соляных рассолов. Выше по Чусовой находились уже земли, принадлежавшие ман-

си – «вогульские улусы». В 1580 г. на правом высоком берегу Чусовой напротив городка возник Успенский монастырь.

По переписи И. И. Яхонтова в 1579 г. Городок был уже центром сельскохозяйственной округи, в которую входило 5 русских деревень и 16 починок¹. За Успенским монастырем значилась вся слобода, деревня Мыс и однодворный починок. В слободе Чусовой (как она тогда называлась) появились первые укрепления в виде стоячего острога, – т. е. Городок стал первым военно-административным пунктом русской колонизации в бассейне р. Чусовой.

В 1581 г. из Городка вышел в поход отряд Ермака, снаряженный Строгановыми. На рисунке, помещенном в Кунгурской летописи, изображен момент выхода отряда. На нем видно, что площадь Городка имела форму вытянутого вдоль левого берега Чусовой неправильного треугольника. На ней плотно располагались деревянные строения. Ниже площади Городка в Чусовую впадал один приток, а выше – второй приток. Лес в ближайших окрестностях Городка, видимо, был вырублен в военных целях; оставшийся располагался вдоль берегов обоих притоков, окаймляя Городок с востока в форме полуовала.

В 1623 г., по переписи М. Ф. Кайсарова, Городок уже имел укрепления в виде стен, составленных из городней с тремя воротами и четырьмя «глухими» (непроезжими) наугольными башнями. В арсенале Городка было 362 ствола огнестрельного оружия (пушечки, пищали, самопалы), 200 луков, 2000 стрел. В Городке находились две деревянные церкви, дом Строгановых, а на верхнем и нижнем посадах – 60 дворов посадского населения. За кремлем на посаде было 10 лавок, 6 варниц и на речке Сылвенке стояло две колесные мельницы. Выше по Чусовой к Городку примыкал починок на Ваневом лугу². Среди

¹ Дмитриев А. А. Пермская старина. Вып. 1. Пермь, 1889. С. 100, 114–115, 122.

² Мухин В. В. Ермак Тимофеевич. Пермь, 1957. С. 19.

фамилий упоминается Шадрин³. Эта фамилия и сейчас встречается в Чусовском Городке, так же как и фамилии Ермаковы и Кучумовы, возникновение которых, возможно, связано с походом Ермака.

В 1647 г., по переписи П. К. Елизарова, в Городке на посаде было 65 дворов, в том числе один двор «государев таможенный», а в 1678 г., по переписи Ф. Ф. Бельского, число их выросло до 102 дворов⁴. В Городке началось каменное строительство, и среди ремесленников уже упоминаются кирпичники. Солеварение в нем продолжало развиваться. В переписи упоминаются наемные трубные мастера⁵. В конце XVII в. в Городке был построен каменный двухэтажный дом Строганова.

В первой половине XVIII в. солеварение Городка продолжает развиваться. В 1757 г. здесь действовало 7 варниц; сохранились и остатки укреплений. В 1757 г. перед алтарем каменной церкви, построенной в 1753 г., упоминается «оградная стена» и в ней «два погреба с перерубом и на них верхняя два кладовая амбара из домовых клетей, стоящих в оградной стене». Всего таких клетей было 12⁶.

К 1762 г. соляные рассолы у Городка иссякли, а в 1764 г. солеварение полностью прекратилось. Это вызвало затухание городской жизни, сокращение населения. В 1799 г. количество дворов сократилось до 72, в 1834 – до 47, в 1850 – до 43⁷. Торговля была перенесена в Верхний Чусовской Городок, а Нижний Чусовской превратился в обычное небольшое сельское поселение, просуществовавшее до 1950 г., когда его перенесли

на высокую часть левого берега в связи с созданием Камского водохранилища.

Опросом местных жителей установлено, что Ванев луг, упоминаемый в переписи 1623 г., в настоящее время находится в 11 км выше по р. Чусовой. Речкой Сылвенкой местное население раньше называло старицу р. Чусовой. Очевидно, она имела два устья: на иллюстрации Кунгурской летописи они обозначены как два самостоятельных притока. Еще до создания водохранилища старица никогда не пересыхала, и Городок фактически находился на острове. Старица существовала и прежде, и через нее был перекинут каменный переходный мост, который называли «плитой». На этой старице в 1623 г. и находились две колесные мельницы, которые действовали и позднее⁸. При осмотре окрестностей Городка на противоположном берегу старицы обнаружили огромные пни спиленных деревьев, которые идут по самому краю берега, образуя форму полуовала, именно так, как они изображены на иллюстрации Кунгурской летописи⁹.

В 1977 г. был снят точный топографический план площади городка и пронивелирована вся его поверхность. Высота площадки оказалась на уровне 3–4 м от среза воды. По рассказам местных жителей, до 1950 г. уровень воды был на 3–4 м ниже уровня воды 1977 г., и по западному краю Городка проходила линия железной дороги – узкоколейки¹⁰.

Прежде площадка находилась на высоте 6–8 м от воды, т. е. высота ее была примерно такой же, как и высота строгановского Орла-городка над уровнем Камы.

Если в 1975 г. длина площадки по берегу р. Чусовой прослеживалась на протяжении около 500 м, то в 1977 г. – уже на протяжении 760 м, а ширина была почти такой же, как и в 1975 г. – 205 м (в 1975 г. – около 200 м). Последнее было вызвано тем, что

³ Вероятно, Шадрин. – Прим. сост. А. А. Дмитриев. Пермская старица. Вып. IV. Пермь, 1892. С. 110–114.

⁴ Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. IV. Пермь, 1893. С. 95–116.

⁵ ГАПО. Ф. 597. Оп. 1. Д. 22.

⁶ Брайцева О. И. Строгановские постройки рубежа XVII–XVIII вв.

⁷ ЦГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Ч. 111. Д. 3373. Л. 52–52об., 53.

⁸ На этих старицах мельниц быть не могло.

⁹ Там спилены старые тополя.

¹⁰ Широкая колея 152 ± 4 мм.

выходы старицы в Чусовую были запружены приготовленным к сплаву лесом, и уровень воды в ней понижался медленней, чем в Чусовой. Общая площадь Городка в 1977 г. определилась как почти 68 тыс. кв. метров.

Понижение уровня воды в реке привело к тому, что на ее берегу оседало много леса и обнажились остатки деревянных и каменных построек. На противоположном высоком берегу хорошо была видна разрушающаяся церковь Успенского монастыря XIX в.

При тщательном осмотре края берега р. Чусовой и края берега старицы обнаружили остатки не менее 15 сооружений. В северо-западной части площадки найдены остатки нескольких деревянных срубов, а также, видимо, остатки мостовой, сложенной из нешироких толстых плах, лежащих на длинных тонких лагах. Плахи плотно подогнаны друг к другу, лаги расположены на расстоянии 0,5–0,6 м друг от друга. Обнажившаяся часть мостовой (длина ее около 6 м) идет в направлении от края мыса к ее центру. В нескольких местах мостовая перекрыта нижними венцами небольших срубов – клетей. Такие же срубы встречаются и юго-западнее мостовой у самой воды, почти до середины площадки – до того места, где в наиболее высокой ее части находится фундамент каменного сооружения.

На берегу реки, ниже по течению от каменного фундамента, встречается много обломков большемерного кирпича и красноглиняных и поливных изразцов. Очевидно, здесь находились остатки какой-то крупной постройки, – возможно, хоров самих Строгановых. Здесь же найдены фрагменты московской чернополивной керамики и ранней русской керамики с волнистым и решетчатым орнаментом. На берегу, выше по течению от каменного фундамента церкви, видны вертикально вбитые сваи, на которых лежат остатки почти квадратного сруба, рубленного «в обло». Возможно, это остатки башни. Ниже по течению реки до самого южного края мыса не видно почти никаких сооружений, кроме небольших срубов у подножья высокой части площадки и у самой воды на краю мыса.

В юго-восточной части площадки на северном берегу старицы видны выходы соляного рассола на поверхность, фундамент рассолоподъемных башен из вертикальных свай и рассолоподъемные трубы, собранные из отдельных тесаных плах. В одной из деревянных труб сохранилась железная труба небольшого диаметра.

На том же берегу старицы на возвышенной части площадки хорошо видны почти квадратные и прямоугольные выкладки из каменных плит, которые, очевидно, были основанием фундаментов жилых или хозяйственных построек. Все они идут вдоль берега старицы по одной линии и, очевидно, обозначают направление улицы посада. Всего обнаружено восемь таких выкладок.

В 4–6 м к северу от этой линии, ближе к северо-западной части мыса, параллельно ей находятся еще две такие же выкладки, возможно, от второй улицы.

После осмотра площадки Городка можно предположительно реконструировать его планировку. Кремль городка (сам «городок»), вероятнее всего, находился в центральной части мыса на берегу р. Чусовой. Именно в этой части, наиболее возвышенной, располагаются остатки двух каменных фундаментов и предполагаемых хоров Строгановых. По переписи 1623 г. известен периметр стен, защищавших кремль, – 220 сажен (примерно 546 м). Наличие четырех башен говорит о том, что кремль имел четырехугольную форму. Вероятнее всего, длинные стороны прямоугольника шли параллельно реке и имели длину около 200 м, а короткие – перпендикулярно реке и имели длину около 70 м. По характеру растительности такой прямоугольник слабо прослеживается с противоположного высокого берега р. Чусовой.

Перепись 1623 г. упоминает верхний посад. Остатки посадских строений видны в северо-западной части мыса (выше кремля по течению реки) и в юго-восточной его части (ниже по реке). Очевидно, это и были те две части посада – верхний и нижний, о которых говорит перепись. Соляные варницы и трубы находились в крайней юго-восточной части мыса, за пределами посада, что

тоже соответствует данным переписи. Это предположение предстоит проверить при проведении больших раскопок на Городке.

Следует подчеркнуть еще одну особенность городка, выявленную в 1975 г. и подтвержденную во время осмотра в 1977 г. Нижняя часть невысокой террасы, на которой стоит городок, имеет выкладку из крупных каменных плит, среди которых встречаются вертикально вбитые сваи. Очевидно, это следы намеренного укрепления берега от его размывания во время половодья. Точно такой же способ укрепления берега был обнаружен на раскопках Орла-городка. Очевидно, опыт строительства этого городка, возникшего на четыре года раньше, был перенесен и в Чусовской Городок.

В 1977 г., кроме немногих вещей, найденных в раскопе, на обнажившемся берегу Чусовой в основании площадки Городка был собран большой вещественный подъемный материал, состоящий из 229 предметов.

Среди орудий труда обнаружены железный сошник, обломок железного серпа и железные ножи, свинцовые пули, два небольших ядра (диаметр 4 см) от пищали, обломок железной сабли и три пищальных кремня, двурогий железный светец, рыболовное грузило – кибас, поплавков от рыболовной сети, сделанный из плотно скрученных слоев бересты, медные перстни, медные шпильки от оклада икон, куски оконной слюды, костяные бусы, бляшки. Интересна находка верхней части рукояти, украшенной перегородчатой эмалью голубого цвета в сочетании с желтым и красным цветом. На основании рукояти есть стилизованное изображение крупной птицы. Эмали такого типа характерны для строгановских мастерских XVII–XVIII вв. Найдены крупные фрагменты керамики и изразцов. На ряде образцов имеются фрагменты хорошо известных сюжетов: изображение воина и руки с кривой саблей. На одном фрагменте есть изображение мужчины с бородой и усами.

Почти все изразцы обнаружены в одном месте – в 100 м к западу от фундамента каменной церкви, на месте предполагаемых хором Строгановых.

Г. П. Головчанский, Н. Е. Соколова

Обследование Строгановских поселений на реке Чусовой¹

Летом 1955 г. отрядом КАЭ Пермского государственного университета и Пермского областного краеведческого музея было проведено комплексное изучение Верхних и Нижних Чусовских Городков, а также поселения Успенка. Верхний Чусовской Городок впервые был обследован В. А. Обориным в 1981 г.², однако выяснить степень сохранности культурных слоев памятника и провести полномасштабное их изучение в то время не представлялось возможным: территория древнего поселения была занята хозяйством лесосплава и плотбищами. В начале 1990-х гг. хозяйства лесосплава на территории правобережной поймы р. Чусовой в районе Верхнего Чусовского Городка были ликвидированы. Это позволило Г. П. Головчанскому в 1994 г. обследовать местность для определения наличия и сохранности культурного слоя XVII–XIX вв.³ Результаты разведки свидетельствовали о необходимости проведения полномасштабных археологических работ на этом памятнике.

Стационарное исследование Верхних Чусовских Городков в 1995 г. проводилось впервые, поэтому экспедицией было предпринято не только археологическое, но и этнографическое

¹ Статья напечатана в межвузовском сборнике научных трудов «Исследования по археологии и истории Урала». Пермь, 1998.

² Оборин В. А. Отчет о раскопках Урольского городища в Чердынском районе и Н. Чусовского городка в Чусовском районе Пермской области в 1981 г.: Машинопись. Пермь, 1981. Хранится в кабинете археологии Перм. ун-та.

³ Головчанский Г. П. Отчет о археологической разведке в Чусовском районе Пермской области в зоне затопления Камского водохранилища в 1994 г.: Машинопись. Пермь, 1995. Хранится в кабинете археологии Перм. ун-та.

изучение поселения: велись беседы со старожилами, сбор фотографий, осуществлялась подробная фотофиксация современного состояния памятника.

Поселение было основано Строгановыми на правом берегу р. Чусовой в месте впадения в нее р. Усолки. Дата возникновения поселения точно не установлена, но по традиции, сложившейся с XIX в., временем появления Городка считают первое десятилетие XVII в. Письменные источники по истории городка сохранились в незначительном количестве; почти полностью отсутствуют сведения о городских пожарах, строительстве и перестройках в первое столетие существования Городков.

В настоящее время поселок Верхние Городки располагается на левом высоком берегу р. Чусовой, куда он был перенесен в 1950-е гг. в период строительства Камской ГЭС. К этому времени поселение почти полностью оставалось деревянным, за исключением нескольких зданий: церкви и дома Строгановых постройки XVIII в. Ко времени раскопок 1995 г. на месте старого поселения располагались сенокосные луга, а прибрежная часть была занята деревянными зданиями ремонтных мастерских.

Наиболее старая центральная часть поселения засыпана мощным, до 1–2 м, слоем гравия, который перекрывает остатки разрушенного каменного дома Строгановых и фундамент церкви. Береговая часть довольно активно размывается р. Чусовой, из берега выступают срубы, перекрытые культурным слоем до 1,5 м, а на мелководье встречается подъемный материал XVII–XIX вв.: монеты, изразцы, посуда.

По сведениям, полученным от местных жителей, удалось установить местоположение старого, видимо, мансийского кладбища, которое располагалось на территории, заселенной русскими уже в XVIII в., на расстоянии 150–200 м к северо-западу от дома Строгановых. В настоящее время большую часть кладбища перекрывают гравийные отвалы, но, по словам местных жителей, в 40–50-е гг. XX в. из берега постоянно вымывало скелеты в долбленых колодах, что несомненно указывает

на древность кладбища. Известно, что до прихода русских поселенцев территория Городков была занята мансийскими племенами, большая часть которых в XVI–XVII вв. переселилась на восточный склон Урала. Поэтому предположительно кладбище существовало не позднее начала XVII в.

Местные жители находили захоронения и на территории поселка, которая начала застраиваться в XVIII–XIX вв. Возможно, упоминаемое кладбище являлось первым городским русским кладбищем XVII в.

Было также установлено, что рассолоподъемные трубы издавна располагались на левом берегу р. Усолки и были видны на поверхности вплоть до середины XX в. Часть их вновь использовалась для добычи соли в годы Великой Отечественной войны. В настоящее время все они затоплены водами р. Чусовой.

Для изучения состояния культурного слоя на территории памятника были заложены четыре шурфа и раскоп общей площадью 36 кв. м. Большинство шурфов дало незначительный материал конца XVIII–XIX вв. Наиболее интересным оказался раскоп 1 (16 кв. м), на окраине мыса, образованного заливом р. Чусовой, к северу от центра бывшего поселения. Раскоп занимал участки Д/20–23. Мощность культурного слоя на раскопе достигала 2,0 м.

В верхней части слоя, до глубины 1,0 м, были зафиксированы остатки усадьбы XVIII–XIX вв., сгоревшей в пожаре 1830 г. Были обнаружены развал печи (частично) из большемерного кирпича на глине, остатки деревянного настила пола и крыльца. К слою усадьбы относятся немногочисленные находки: покрытые сильной патиной фрагменты бутылей из зеленого стекла, которые характерны для уральских городов этого периода, бусина глухого лазоревого стекла, фрагмент печного рельефного полихромного изразца с растительным орнаментом, а также керамическая посуда. Дату пожара подтверждает тот факт, что в культурном слое полностью отсутствуют фрагменты керамической посуды, покрытой зеленой и коричневой поливой, которые характерны для второй полови-

ны XIX в. Наибольший интерес представляют находки, относящиеся к более раннему периоду и обнаруженные ниже слоя сторевшей усадьбы. На участке Д/22 на глубине 1,08–1,27 м от современной поверхности зафиксирована деревянная изгородь из 12 столбушек диаметром 0,1–0,16 м. Столбушки в большинстве случаев располагались вплотную друг к другу и были наклонены в северо-восточном направлении. Они прослежены до уровня 1,72–1,84 м от современной поверхности. На столбушках видны незначительные следы огня. По всей видимости, столбушки являются частью изгороди усадьбы, погибшей в пожаре, упоминание о котором пока не обнаружено⁴.

К этому слою относится большинство находок на раскопе, среди которых изделия не только из керамики, но и из кожи и дерева. Все эти изделия находились в слое влажной щепы. Так, на участках Д/20 и Д/22 на глубине 1,5–1,8 м от современной поверхности найдены поршни из сыромятной кожи (жители городков называют их «коты») для детей и взрослых. На участке Д/23 на глубине 1,2–1,3 м обнаружены изделия из дерева: запор от калитки в виде обточенной палочки, деталь ткацкого станка в виде тонкой прямоугольной дощечки с закругленными концами. Однако большую часть коллекции также составляет керамическая посуда. Всего в слое было найдено 40 сосудов. Обращает на себя внимание тот факт, что 12 из них относятся к довольно раннему типу, характерному для уральских городков XV–XVII вв. Это горшки, особенностью которых является небольшой уступ при переходе от шейки к тулову. Подобная посуда в слоях второй половины XVIII в. встречается крайне редко и почти полностью отсутствует в слоях XIX в. К раннему типу можно

⁴ О пожаре 1830 г. в Верхних Чусовских Городках сказано в книге: Павел Николаевич Кропачев. Биография и семейная хроника его (Пермь, 1898. С. 8): «В мае 1830 г., в воскресенье, во время обедни от упавшей с божницы у крестьянина Березина зажженной свечи воспламенился пороховой огонь моментально охватил дом. Пожар уничтожил 140 домов...» (Прим. сост.).

отнести еще 6 сосудов, имеющих высокое плечико и перегиб (типа ребра) в средней части тулова. Аналогичная посуда также встречается в ранних слоях уральских поселений.

Необходимо отметить полное отсутствие стекла в нижних слоях и наличие там большого количества слюдяной окончины. Предположительно, нижние слои, где была выявлена деревянная изгородь, можно отнести к XVIII в.

Обследование и раскопки Верхних Чусовских Городков позволили выявить мощные культурные напластования в наиболее старой части города, также хорошо сохранившиеся изделия из кожи и дерева, что делает раскопки этого русского поселения необычайно информативными.

Нижние Чусовские Городки основаны в 1568 г. Строгановыми. Памятник располагается на острове у левого берега р. Чусовой в 3,5 км к западу от деревни Чусовские Городки⁵. Первоначально памятник находился на левом берегу р. Чусовой, но после того, как в 50-х гг. XX в. было заполнено Камское водохранилище, оказался на острове. Остров подвергался постоянному размыву рекой, большая часть памятника затоплена, что обуславливает его аварийное положение. Памятник неоднократно исследовался: в 1977 и 1981 гг. В. А. Обориным было вскрыто 88 кв. м площади⁶. Однако это составляет лишь

⁵ Здесь авторы допускают две ошибки: во-первых, Верхнечусовские городки никогда не числились деревней, это было село, с 1931 г. – поселок; во-вторых, слово «городки» пишется с маленькой буквы только, если говорится о двух селениях: Верхние и Нижние Чусовские городки. В названиях применительно каждого из селений слово «Городки» пишется с большой буквы: Верхние Чусовские Городки и Нижние Чусовские Городки. (Прим. сост.).

⁶ Оборин В. А. Отчет о раскопках в Пермской области в 1977 г.: Машинопись. Пермь, 1978. Хранится в кабинете археологии Перм. ун-та; Оборин В. А. Отчет о раскопках Урало-Камского городища в Чердынском районе и Н. Чусовского Городка в Чусовском районе Пермской области в 1981 г.

незначительную его часть: регулярное изучение памятника затруднено из-за высокого уровня воды в Камском водохранилище.

Малый уровень воды летом 1995 г. позволил провести новое обследование памятника для определения наличия и степени сохранности культурного слоя XVI–XIX вв.

Большая часть памятника расположена низко – 1–2 м над уровнем р. Чусовой – и размывается во время разливов реки. Находки, вымытые из культурного слоя темно-серого цвета, встречаются прямо на поверхности всего памятника, а также у подножия размытого берега.

На поверхности памятника различимы остатки каменных фундаментов дома Строгановых и церкви, контуры усадеб Городка. Однако высокая трава и камыш делают невозможным занесение их на план памятника летом и ранней осенью.

В подъемном материале обнаружены две медные монеты – деньги 1738 и 1749 гг.

На всех участках памятника Нижние Чусовские Городки в большом количестве отмечены фрагменты русской гончарной неорнаментированной керамики XVII–XX вв. В подъемном материале найдено 17 фрагментов венчиков, из них 15 относится к типу горшков со слабо отогнутым венчиком, толщина стенок их составляет от 7 до 11 мм. Выявлен также фрагмент венчика закрытого сосуда с загнутой внутрь стенкой, а также фрагмент декоративного чернополивного с растительным орнаментом горшка первой половины XX в. Кроме того, был обнаружен фрагмент носика умывальника из белой глины.

В музее при библиотеке в пос. Чусовские Городки хранится фрагмент стенки сосуда, орнаментированный розеточным штампом, имеющий в тесте примесь песка и ракушки, относящийся к родановской культуре. Он найден, как и четыре фрагмента изразцов, в Нижних Чусовских Городках. Это поливные изразцы с зелено-сине-желто-белой эмалью, растительным орнаментом в виде тюльпанов и пальметок. Изразцы типологически схожи с изразцами орлинского и соликамского производства XVII в.

Село Успенское. Высокий берег реки Чусовой. 1912 г.

Фото С. М. Прокудина-Горского

На памятнике обнаружены фрагменты стеклянных бутылок XIX в., покрытые сильной патиной, изделия из металла: железный крючок для двери, железная пряжка для ремня, медная пряжка конской упряжки, фрагмент железного ножа.

Результаты разведки свидетельствуют о том, что памятник Нижние Чусовские Городки продолжает интенсивно разрушаться разливами реки. Учитывая неоспоримое значение памятника для истории колонизации и освоения края, считаем целесообразным продолжить полномасштабное археологическое изучение Нижних Чусовских Городков.

Археологическая территория села Успенка никогда не исследовалась. Целью работ 1995 г. было определение степени сохранности и состояния культурного слоя памятника и зоны его охраны.

Село связано с именами Строгановых и Трифона Вятского. Последний прибыл в эти места, избранные для «иноческих подвигов», в 1572 г. и обосновался на правом высоком берегу р. Чусовой, напротив Нижнего Чусовского Городка: «обрете преподобный место прекрасно на горе высоце, и возлюбил место оно, и помоляся... постави себе хижину малу, и многие пакости от бесов тут подеят... и посем водрузи

на месте том часовню... и молитвами отца Трифона устроен быть монастырь на том месте»⁷. Миссионерская деятельность Трифона продолжалась здесь до 1579 г., когда по вине преподобного Трифона сгорают 3 тыс. сажень дров. Его сбрасывают с горы, заключают в темницу и изгоняют из этих мест. Поселение Успенка, возникшее при Успенском монастыре в 1572 г., находится на высоком правом берегу р. Чусовой и занимает центральную часть современного села. По переписи И. Яхонтова 1579 г. можно судить о развитии освоенных русскими земель на р. Чусовой. Нижний Чусовской Городок уже становится центром сельскохозяйственной округи, включавшей в себя 5 деревень и 16 починков. Сам Городок обретает первые укрепления в виде стоячего острога. Основанный Трифоном Вятским Успенский монастырь по переписи имеет к тому времени уже слободу, деревню Мыс и однодворный починок⁸.

Поселение Успенка, возникшее при Успенском монастыре в 1572 г., находится на высоком правом берегу р. Чусовой и занимает центральную часть современного села. Культурный слой памятника разрушается в результате хозяйственной деятельности человека: строительства, нефтеразведки, возведения коммуникаций. Поэтому перед исследователями ставилась цель выявить остатки культурных слоев XVI–XIX вв.

В результате разведки был локализован фундамент часовни Трифона Вятского, поставленной «в половине горы между двумя оврагами на том месте, где, по преданию, был сброшен с горы преп. Трифон»⁹, и разрушенной в 40-х гг. XX в.

⁷ Житие преподобного отца нашего Трифона Вятского чудотворца, с предисловием и примечаниями В. Я. Струминского // Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. Пермь, 1889. Вып. 9. С. 65.

⁸ Дмитриев А. А. Пермская старина. Пермь, 1889. Вып. 1. С. 101, 114–122.

⁹ Осокин И. М. Места подвигов преп. Трифона Вятского в Пермском крае // Труды Пермской губернской архивной комиссии. Пермь, 1902. Вып. 5. С. 89.

Безусловно, особый интерес для археологического зондажа представляла наиболее сохранившаяся территория близ Успенской церкви конца XVIII в., выстроенной на месте старого Успенского монастыря. Всего в с. Успенке было заложено 4 разведочных шурфа общей площадью 20 кв. м.

Шурф I (4 кв. м) был заложен у восточной стороны Успенской церкви, в 3 м от алтарной части к востоку. Местоположение шурфа обуславливается тем, что остальная часть площадки испещрена ямами перекопов, оставшихся после разрушения хозяйственных ям, существовавших в этой части памятника в 40–50-е гг. XX века. В ходе работ была выявлена следующая стратиграфия. Сначала идет слой дерна, мощностью до 0,02 м, под ним выходящий из южной стенки и вклинивающийся на 0,8 м слой дресвы мощностью до 0,16 м, а также слой серого суглинки с гравием, уходящий под описанный слой дресвы, мощностью до 0,23 м. Далее залегает мощный слой гравия, слегка пересыпанного серой супесью. В этом слое был обнаружен фрагмент русской неорнаментированной гончарной керамики XVII–XVIII вв. На глубине 1,27 м появилась сложенная из плит песчаника и большемерного кирпича конструкция, напоминающая саркофаг, после чего шурф был немедленно законсервирован и зарыт в соответствии с методикой проведения полевых исследований Института археологии РАН. Толщина плит конструкции достигала 0,06 м. Появившийся в ходе изучения резкий запах разложения позволил сделать представление о том, что захоронение в саркофаге было осуществлено не ранее конца XIX – начала XX в. Однако не исключена возможность того, что плотный слой гравия законсервировал погребение, без доступа воздуха не подвергнувшееся разложению. Примечателен тот факт, что поверх саркофага были обнаружены более поздние погребения, состояние которых можно признать неудовлетворительным: кости захоронений большей частью разложились в рыжий порошок. С целью выяснения состояния и содержания саркофага нужно срочно провести полномасштабные археологические изыскания в этом районе.

Шурф II (4 кв. м) был заложен в 38 м к юго-востоку от восточной части Успенской церкви. В ходе работ была прослежена следующая стратиграфия. По западной стенке шурфа II отмечен слой дерна мощностью до 0,02 м. Сразу под ним, занимая центральную часть шурфа, идет каменная кладка ограды Успенской церкви. Под слоем дерна, в частях, не занятых каменной кладкой, обнаружена пачка перемежающихся слоев серого суглинка и желтого песка мощностью до 0,33 м. Под ним идет слой серого суглинка – погребенной почвы. Из-за невозможности продолжения дальнейших изысканий ввиду обнаружения в центральной части шурфа II ограды Успенской церкви при достигнутой максимальной глубине 0,61 м шурф был законсервирован в соответствии с методикой проведения полевых исследований Института археологии РАН.

Шурф III (8 кв. м) был заложен в 21 м к западу от западной стороны Успенской церкви. В ходе работ прослежена его стратиграфия: сначала идет слой дерна мощностью до 0,02 м, ниже которого залегал слой серого суглинка с кирпичной крошкой мощностью до 0,28 м. Под ним находится слой битого песчаника и известковой крошки мощностью до 0,1 м. В него вклинивается слой битых кирпичей, углей и железного лома мощностью до 0,18 м. Далее располагается слой серого суглинка, достигающий мощности 0,36 м, с многочисленными находками русской неорнаментированной гончарной керамики XVII–XIX вв. Под ним находится рыжая материковая глина.

Шурф IV (4 кв. м) был заложен в 45 м к северо-западу от западной стенки Успенской церкви. В шурфе прослежена стратиграфия: слой дерна до 0,02 м, под ним слой рыжей глины мощностью до 0,5 м, вклинивающийся слой темно-серого суглинка с галькой мощностью до 0,49 м, далее – слой рыжей материковой глины.

Исходя из результатов разведки – визуального осмотра памятника и данных, полученных в процессе шурфовки, – мы можем определить площадь памятника в 4 га. Исследования показали, что памятник Успенка находится в аварийном состоянии:

он разрушался и разрушается жилыми помещениями и хозяйственными постройками. Вместе с тем в центральной части села, у Успенской церкви, сохранились не полностью разрушенные археологические слои предположительно XVII–XIX вв. Нам кажется целесообразным проведение здесь масштабных аварийных археологических раскопок.

Н. В. Никулина

«Дивные деревянные храмы»

О некоторых строгановских зданиях на берегах Чусовой, не дошедших до нашего времени

«Архитектурная планировка населенных пунктов Чусовского края, находившихся по берегам Чусовой, выстраивалась с привязкой к береговой линии.

Архитектура чусовских сел и деревень только на первый взгляд может показаться обычной и незатейливой. неброская ее красота подобна человеку, внешне похожему на других, но особенность и неповторимость которого проявляется лишь при более тесном знакомстве с ним. Только остановившись и приглядевшись, можно увидеть индивидуальность, своеобразие, “изюминку” архитектурного облика тех мест, где мы живем.

К сожалению, историческое время неумолимо – оно превратило в прах дивные деревянные храмы XVII века и некогда радовавшие глаз своей непримитивной изысканностью деревянные дома – хоромы богатых жителей чусовских сел. Не сохранились и деревянные крепости, возведенные в Нижне- и Верхне-Чусовских городках представителями рода Строгановых, долгие годы охранявшие покой чусовских жителей от разбойничьих набегов»¹.

¹ Николаев Ю. К. Земля Чусовская. Березники, 2002. С. 90.

Грустная и досадная констатация фактов. Неужели мы так ничего и не узнаем о «дивных деревянных храмах», украшавших некогда Верхний Чусовской Городок? Неужели не узнаем, что значит «обычная и незатейливая архитектура чусовских сел»?

Трудно найти сейчас человека, который бы хорошо помнил, какой была Христорождественская церковь в Верхнечусовских Городках. Во время моего детства в церковном здании располагался клуб. Длинное кирпичное побеленное строение его стояло как раз напротив мельничного моста через Усолку, почти перпендикулярно реке Чусовой, т. е. было ориентировано по линии северо-восток – юго-запад, как и строили обычно храмы. Со стороны Усолки из пристроенного деревянного крытого крыльца с довольно высокой лестницей люди входили в «вестибюль» – бывший алтарь; отсюда через дверь, где когда-то располагались царские врата в иконостасе, попадали в громадное фойе. Здесь стоял бильярдный стол с зеленым сукном, а у стены – высоченное трюмо в резной раме. В свое время это помещение было основной, храмовой частью церкви под пятью куполами. В клубе, помнится, справа – будочка кассира (с окошечком в алтарную часть), слева – лестница на второй и третий этажи, где размещались районная библиотека, фотография, радиоузел; прямо – вход в зрительный зал (в стародавние времена это была трапезная² холодной, летней церкви). Сцена нашего клуба и закулисье располагались под колокольной (здесь всегда было темно), а за ними, в бывшей трапезной теплого храма, – жилые комнаты работников культуры, комнаты для репетиций. В самой дальней части клуба (в наиболее позднем пристрое трапезной) стоял, а точнее, лежал котел цилиндрической формы – здесь в первые годы нефтяного бума в районе располагалась общественная баня.

² Трапезная – невысокая пристройка с западной стороны церкви, которая служила местом общественных собраний. Это не церковная столовая, как можно было бы предположить, зная значение слова «трапеза».

Храм Рождества Христова в селе Верхние Городки. [1912 г.]

Фото С. М. Прокудина-Горского

В феврале 2002 г. я попросила Марию Федоровну Миросину рассказать, какой запомнилась ей Христорождественская церковь. Свой рассказ она начала с очень примечательной фразы: «У меня такое впечатление, что рядом стояли две церкви». И пояснила, почему. «Вход с паперти в церковь находился со стороны строгановского дома (во времена моего детства в строгановском доме находился райисполком, а еще раньше – волостное правление – Н. Н.), с площади, в первом, теплом, довольно большом помещении (т. е. там, где позднее сделали баню – Н. Н.) зимой проводили венчание, службы, потолок невысокий, весь в росписи, а дальше – два алтаря, слева и справа (это основная храмовая часть под колокольной, слева – придел Николая Чудотворца, справа – Казанской Божией Матери – Н. Н.); между ними – проход в холодный храм. Дверь между холодным и теплым храмами на зиму закрывали, а с наступлением лета служба шла в холодной церкви. Здесь и помещение было больше, и потолок выше, тоже в росписи; в сторону Усолки открывали закрытую на зиму дверь (в эту дверь летом зрители выходили после киносеанса – Н. Н.). Особенно запомнилось

яркое освещение в холодном храме: в течение всего дня солнечные лучи падали откуда-то сверху и, преломляясь, освещали все помещение дополнительно, кроме того что свет лился из больших окон первого этажа» (храмовая часть под пятиглавием освещалась окнами двух, а может быть, и трех этажей. Позднее между этажами были сделаны перекрытия – Н. Н.).

Даже сейчас, более чем через пятьдесят лет после переселения Городков, многие люди сетуют на то, что и райисполком, и клуб, да и весь поселок были снесены, и винят в этом местных «коммунистов». Надо понимать значение Камской ГЭС для страны и помнить, что, во-первых, по проекту место расположения и клуба, и райисполкома должно было оказаться под водой; во-вторых, в переносимых и вновь строящихся домах десятилетиями поселка надо было срочно класть печи, а раздобыть кирпич в то время весьма и весьма проблематично – из зоны затопления переселялись не только Городки. Печи, сложенные из «церковного» кирпича, и через пятьдесят лет не требовали ремонта. Правда, и отделить один кирпич от другого стоило великого труда, т. к. большая их часть была намертво схвачена раствором. Говорят, что при разборке на многих кирпичах были видны следы пяти яиц: четыре по углам и один в центре.

Разбирали старинные кирпичные здания в 1952–1954 гг. местные жители (по выписке) и специальная бригада рабочих из Кунгура. Вот тогда-то вновь заговорили о подземных ходах и кладе.

Во время обеденного перерыва к рабочим, разбиравшим клуб, которые тут же, сидя на солнышке, обедали и отдыхали, подошел нездешний человек. Покурили, поговорили. Подошедший предложил «сотрудничество пятьдесят на пятьдесят»: он покажет, где клад, рабочие его раскопают, сокровища разделят пополам. Рабочим искать клад было недосуг. Неизвестного больше никто не видел.

К директору клуба Анатолию Павловичу Митрофанову «приходил человек, якобы неведомый, просил позволе-

ния открыть что-то вроде кладовой и кое-что оттуда взять, а остальное, мол, ваше. Но сделать это он хотел так, чтобы никто не видел. Митрофанов такого разрешения не дал, и человек ушел, сказав: “Ну, и ищите сами”»³.

Четверо молодых здоровых мужиков, возглавляемых самим А. П. Митрофановым, самым тщательным образом обследовали все подполье и «определили искомое»: «Глухо, замуровано, добраться туда без специальной техники невозможно – монолит. Мы... почти всю ночь долбили ломом ужасно крепкую стену из красного кирпича, продолбили дыру сантиметров 15–20 и выдохлись. Вот там, за этой прочной стеной, и была та самая скрабница. Но нам это занятие надоело, забили туда пороху, провели шнур, зажгли... Бабахнуло, вылетела затычка... и все осталось по-прежнему. И долго выходил дым. Теперь я жалею, что до конца не пробили и не проникли в эту заколоченную кладовку. Может, она там и теперь где-то есть, заваленная щебнем и мусором...»⁴.

Немало нашлось свидетелей, которые, будучи еще мальчишками, побывали в подземных ходах между клубом и райисполкомом. Они рассказывают, что стены, пол и потолок были выложены кирпичами, и ребята ходили там в полный рост. Кое-кто добирался до строгановского дома с берега Чусовой. Лаз в подземный ход находился между срубам из толстенных бревен, остатки которых можно видеть по сей день.

Свод подземного хода от северо-западного угла церкви к Чусовой обвалился, по-видимому, вскоре после переселения поселка на левый берег, ибо здесь примерно в 1995 г. вдруг образовалась глубокая канава, которую засыпали в течение нескольких лет. Об этом мне рассказывали несколько человек.

Устройство подземных галерей, ведущих от каменных палат и церковей за пределы населенного пункта, являлось одной из характерных черт архитектуры Прикамья XVII – первой

³ Из письма В. М. Виноградова автору.

⁴ Там же.

половины XVIII в. Об этом говорит известный специалист в области истории архитектуры Прикамья XVI – начала XX в., кандидат наук А. С. Терехин: «Воеводский дом» в Соликамске – уникальное здание. Это – соединение жилого дома и крепости. Внутри двухметровых по толщине стен проложены тайные ходы, соединявшиеся с подземными галереями, идущими к реке Усолке, в Кашкин лес (за два километра от дома) и в Богоявленскую церковь (предположительно). Существует мнение, что такие подземные ходы были в Кунгуре и Чердыни»⁵. Были потайные ходы в двухметровой толщины стенах и верхнечусовского строгановского дома, но об этом мы расскажем позже.

В архитектуре нашей Христорождественской церкви можно найти многие характерные черты, отмечаемые специалистами и в других строгановских храмах: расположение входа и колокольни с западной (в данном случае с юго-западной) стороны строго по продольной оси храма; перенесенные в камень композиции деревянной клетской церкви, с размещением колокольни над храмовым помещением; своеобразная трактовка завершающих глав – барабаны куполов делались многоярусными, по принципу «восьмерик на четверик» (нередко количество восьмериков в одном барабане достигает трех), шши глав очень тонкие; появление оригинальных декоративных элементов – орнаментальных кирпичных поясов в виде «жучка», полихромных изразцов; широкое использование металла для конструкций и частей зданий – связей, куполов, плит, ставней, дверей и т. д. В стены внутри помещений для усиления звука были замурованы глиняные горшки⁶.

Особо надо сказать о теплом храме Христорождественской церкви. А. С. Терехин пишет: «Можно отметить и еще одну закономерность. Нередко храмовое помещение у части церк-

вей возводилось в XVII–XVIII вв., а колокольня достраивалась в XIX в., в стиле русского классицизма (церкви Верхнечусовских Городков, Петропавловский и Кафедральный соборы Перми и т. д.)»⁷.

Здесь следует уточнить: в Городках колокольня не «достраивалась», а взамен обветшавшей к 1868 г. старой колокольни «складена новая колокольня по архитектуре Московской Симановской, которая будет стоить 10 тыс. руб. сер(ебром) и в настоящем году имеет быть кончена, на каково устройство старостой Кропачевым пожертвовано 100 тыс. кирпича на сумму [1000 руб.]»⁸.

Что касается Кафедрального (Спасо-Преображенского. – Прим. ред.) собора в Перми, то здесь следует привести архивную запись: «При распространении Пермского теплаго Кафедрального собора и при перекрытии на оном крыши Кропачевым пожертвовано листового железа 100 пудов на 250 рублей серебр.»⁹

В верхнечусовском клубе, где-то за киноэкраном, т. е. под колокольней, в кирпичную стену некогда была вмонтирована мраморная доска с указанием даты постройки колокольни и с именем мастера («то ли Ефим, то ли Ефимов, но в 1953 г. [строению] ста лет еще не исполнилось»). Говорят, именно под этой доской, расколовшейся при ее снятии, нашли план («на бумаге, как калька») подземных ходов, там же было указано место клада.

А как выглядела первоначальная, «обветшавшая» колокольня, которую пришлось заменить? Достоверных данных найти не удалось. Можно только предположить, что, как и в большинстве строгановских церквей того времени, при строительстве нашей была перенесена композиция клетской церкви с шатровым завершением. И, конечно же, колокольня эта, размещенная

⁵ Терехин А. С. Архитектура Прикамья XVI–XIX вв. Пермь, 1970. С. 22–24.

⁶ Там же. С. 24.

⁷ Там же. С. 21.

⁸ ГАПК. Ф. 196. Оп. 1. Д. 53. Л. 9.

⁹ Там же. Л. 2.

над кубическим храмовым помещением, была ниже, нежели заменившая ее построенная «на манер» Московской Симонской «тишанием прихожан и церковного старосты Павла Николаевича Кропачева»¹⁰.

Чаще всего в Прикамье строили одноглавые трапезные церкви, «...где к почти кубической храмовой части примыкает с запада низкая трапезная. Основное помещение церкви перекрыто сомкнутым сводом, поверх ее четырехскатная крыша, а в центре – завершающая луковичная глава.

Трапезная покрыта двускатной крышей. Над входом возвышается колокольня. Она представляет собой восьмерик, несущий на себе звонницу и увенчанный главой. Колокольня по своим формам напоминает подобные постройки новгородской архитектуры... Соединение храма с колокольней – прием, заимствованный из архитектуры центральных областей России. Но и здесь было найдено свое решение: колокольня ставилась строго по продольной оси церкви. Так же располагался и вход...»¹¹.

«Параллельно с описанным выше типом одноглавой трапезной церкви, как правило, зимней, строят храмы, в которых основная часть увенчана пятиглавием (иногда главы делались декоративными), а пристроенная колокольня имеет шатровое завершение. Такие церкви имели большие размеры по сравнению с одноглавыми и использовались только в летнее время... В свободных церквях... летняя и зимняя части соединялись в едином здании...»¹².

Вспомним слова М. Ф. Мирошиной: «У меня такое впечатление, что рядом стояли две церкви...»

В Христорождественской церкви было три престола: один в холодной, под пятиглавием, во имя Рождества Христова, и два – в теплой, под колокольней. В 1840 г. в приделе теплой

церкви с южной (точнее, с юго-восточной) стороны – престол Казанской Божией Матери, а с северной (северо-западной) – только еще «предположено быть» престолу во имя Николая Чудотворца.

Здесь для несведущих надо особо отметить, что престол – столик, который устанавливается в алтарной части церкви перед царскими вратами и на котором совершаются таинства¹³. Он не может быть уничтожен в случае упразднения или сношения церкви. Если все-таки последнее случается, например, по ветхости или в случае пожара, то на том месте, где стоял престол, устраивается часовня. Если же на том месте строят новую церковь, то престол устанавливается и освящается вновь. Престол – основная часть алтаря, он покрывается особым покрывалом – антиминсом, накрываемым во время обряда освящения храма. Поверх антиминса накладывается еще покров – срачица (в переводе с древнерусского – одеяние). Вся долгую жизнь храма престол обязательно должен быть накрыт этими покрывалами, которые называются «святыми одеждами». Если по какой-то причине они удаляются с престола, то для возвращения ему прежней святости необходимо вновь совершить обряд очищения, т. е. освящения храма. О размерах святого престола напечатан указ Св. Синода от 13 сентября 1734 г. в Черниговских Епархиальных Ведомостях: «...Во всех греко-российского исповедания церквях престолы проставлять равномерные, а именно: дабы каждый был в высоту аршин шести вершков, и с доскою в длину аршин восьми вершков, в ширину аршин четырех вершков».

В 1911 г. в Перми были отпечатаны большие книги для составления церковных «Летописей». Священников обязали заполнить следующие разделы: история храма; перечень «замечательных» культовых предметов; существование местных крестных ходов; наличие приписных церквей и часовен,

¹⁰ ГАПК. Ф. 196. Оп. 1. Д. 53. Л. 9.

¹¹ Терехин А. С. Указ. соч. С. 20, 21.

¹² Там же. С. 21.

¹³ Дааль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., 2001. С. 322.

кладбищ, учебных заведений; состав причта; история прихода и его прихожан.

«Летопись церкви и прихода Христорождественской церкви Верхне-Чусовских Городков, составленная священником Илей Любимовым на 27-ми листах, датировано 27 апреля 1912 года» находится в Государственном архиве Пермского края¹⁴. Полного представления об истории церкви «Летопись...» не дает, но интересные сведения встречаются. Меня заинтересовала следующая запись.

«...По словам старожил, на торговой площади села, где теперь находится каменная часовня в честь святителя чудотворца Николая и в память об избавлении царской семьи от окружавшей опасности в 1888 году, находилась деревянная церковь, которая в 1830 году сгорела. Когда эта деревянная церковь была построена, неизвестно, но нужно думать, что она была построена в честь святителя Николая, судя по тому, что на этом месте построена часовня в честь означенного святого».

Мои сверстники с трудом вспоминают закопченное здание кочегарки районной больницы, которая стояла на берегу Чусовой между школой и пожарной. Когда-то эта кочегарка и была часовней.

Каменная часовня была настоящей красавицей. Она имела апсиду – полукруглый пристрой с восточной стороны, – внутри которой располагался алтарь.

Приведенная выше выписка из «Летописи...» свидетельствует, что: 1) торговая площадь в селе находилась на берегу Чусовой ниже по течению от строгановского дома и Христорождественской церкви; 2) часовня была построена после 1888 г.; 3) на месте часовни раньше стояла церковь во имя Николая Чудотворца.

В 1988 г. праправнук Павла Николаевича Кропачева, Павел Павлович Кропачев, проживающий ныне в Перми, рассказал мне, что на торговой площади, недалеко от строгановского

¹⁴ ГАПК. Ф. 196. Оп. 1. Д. 53.

Рисунок 1726 г., опубликованный в книге А. А. Введенского «Дом Строгановых в XVI–XVII веках». 1962 г.

дома, стоял чугунный памятник царю Александру II, и показал фотографию, на которой видна часть пьедестала этого памятника, равная росту взрослого человека. На той же фотографии видна и часовня Николая Чудотворца, запечатленная с юго-восточной стороны. Некоторое представление о том, как выглядела церковь, стоявшая некогда на месте часовни, дает перепись М. Кайсарова 1623–1624 гг.: «...храм Николая Чудотворца древян клецки вверх шатром...». Ясно, что храм деревянный, но что означают слова «клецки вверх шатром»?

Ответ на вопрос я искала долго. И нашла.

«Ограниченный материал строгановского деревянного зодчества» представлен А. А. Введенским, который опубликовал рисунок 1726 г. из хранящегося в Отделе рукописей библиотеки Академии наук УССР собрания сольвычегодского летописца Евгения Болховитинова. А. А. Введенский предполагает, что изображенные на рисунке три церкви и колокольня,

«по-видимому, были в черте строгановских сольвычегодских хором...». О церкви Прокопия – устюжского чудотворца автор говорит так:

«...Примечательна деревянная архитектура и второй церкви – Прокопия устюжского чудотворца, “где погребали сначала именитых людей Строгановых строителей храмов сих”, как гласит надпись под рисунком сольвычегодского летописца». Здесь безымянный для нас строгановский архитектор создал воздушную многоярусность центрального купола тремя ниспадающими рядами покато́й кровли и предвосхитил мотив украинского барокко XVII века в архитектуре...»¹⁵. Церковь Прокопия Устюжского Чудотворца была отстроена в 1603 г. и сгорела в 1726-м от пожара, возникшего во время грозы.

Вполне логично предположить, что на рисунке, опубликованном А. А. Введенским, изображены типы церквей, которые возводились и в других строгановских вотчинах, в том числе и в чусовских. Вполне вероятно, что церковь Прокопия Чудотворца в Сольвычегодске и церковь Николая Чудотворца в Верхних Чусовских Городках были «близнецами». Глядя на рисунок, понимаешь, что такое «клецки вверх шатром» – деревянные клети (срубы) возвышались (строились) одна над другой – получался «шатер» из клетей.

О храме Николы Чудотворца Кайсаров делает такую запись: «...а в нем образ местный Николы Чудотворца в деянии, обложен серебром басьменным золочено, венец и цати сканные с финифти, а в цате и в плащах 25 камышков разных цветов; образ Святая Святых на золоте; образ Василий Великий, да Василий Блаженный, поля и венцы резаны на дереве золочено; образ Рождество Христово на золоте в киоте, киот резной же; образ пречистые Богородице с Превечным Младенцем на золоте; образ Пречистые Богородице Неопалимые Купины на золоте; образ многих святых, венцы и в промежках и поля

резные; образ Страсти Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа на золоте в деянии; образ Пречистые Богородице Одигитрие на празелени; двери царские и сень и столбцы на рези золочены; дейсус с праздники и с праотцы на красках, а венцы и поля на рези на левкасе, цата и венцы по левкасу золочены; двери северные, а на них написан Иван Лествичник в чудесах на золоте, а в олтаре на престоле бархат рытой; на престоле образ Пречистые Богородицы Одигитрие на золоте, по полям резь; евангелие на престольное печать литовская, обложено бархатом золоченым, евангелисты и застезки серебрены золочены, да в окладе у евангелия 6 камышков и раковин; крест воздвигательный деревян, ризы камкася белая иордань полотняная, оплечье бархат рытой на красной земле, стихарь кушачной, оплечье бархат рытой по таусинной земле, уларь того же бархату, патрахель бархат рытой по красной земле с полузолотьем; двои сосуды церковные, одне оловянные, а другие деревянные; книги: устав печать московская, трефолой письменной 12 месяцев, минеи письменные в десть и пол-десть, апостол печать литовская, псалтирь и часовник печатные; да на аналое образ средняя пядница Никола Чудотворец обложен басьмою, венец и цата сканные, а в венце и в цате 6 камышков разными цветами; перед дейсусом паникадило медное немецкое. Да в пределе образ Максима Исповедника; дейсус на празелени; образ местной Максима Исповедника в деянии на золоте; образ Николы Можайского на золоте; образ Пречистые Богородице Одигитрие на золоте; престол обложен сатынью; до по другую сторону в пределе образ Прокопия Устюжского Чудотворца в чудесах на золоте, дейсус на празелени; престол обложен выбойкою...»¹⁶.

Из переписи видно, что храм этот был самый богатый. У современного читателя может возникнуть множество вопросов,

¹⁵ Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М., 1962. С. 198–199.

¹⁶ Писцовая книга М. Кайсарова 1623–1624 гг. по Великопермским вотчинам Строгановых // Дмитриев А. А. Пермская старина. Вып. IV. Пермь, 1892. С. 137–138.

например: что такое «цата сканная с финифти», «празелень» и пр., и пр. Я же, отметив, что почти все иконы были «на золоте», а венцы, поля, промежки, царские двери, столбцы – «резанные на дереве золочено» или «на рези золочено», задалась вопросом, что означают слова «образ местный»?

В храме было два придела (придел – небольшая бесстолпная пристройка с южной или северной стороны фасада православного храма или специально выделенная часть основного здания, имеющая дополнительный алтарь для отдельных богослужений). В одном из них находились два образа Максима Исповедника, из чего можно сделать вывод (предполагаю, но не утверждаю), что это был придел во имя Максима Исповедника. Особое внимание надо уделить тому факту, что церковь находилась в вотчине Максима Яковлевича Строганова, а один из образов Максима Исповедника «в деянии на золоте» – местный.

В честь какого же святого был освящен второй придел?

«...Да по другую сторону в пределе образ Прокопия Устюжского Чудотворца в чудесах на золоте» (!)

Именно то обстоятельство, что один из приделов самого богатого верхнегородковского храма был посвящен Прокопию Устюжскому Чудотворцу, позволяет мне сделать предположение, что храм Николы Чудотворца в Верхнем Чусовском Городке и храм Прокопия Устюжского Чудотворца были «близнецами».

А теперь обратим внимание на «местные образы» в этой церкви. Их было два: образ Максима Исповедника «в деянии в золоте» в приделе, о котором сказано выше, и образ Николы Чудотворца, в честь которого и назван храм. Последняя икона была украшена не только тонким позолоченным серебром, крученой серебряной и золотой проволокой с финифтью, но и 25 драгоценными камнями («25 камышков розных цветов»). Это самая богатая икона.

В русской иконописи в конце XVI – начале XVII столетия широкое распространение получила Строгановская школа

иконописи, которая зародилась в Москве, позднее были созданы мастерские в Сольвычегодске. «Иконные горницы» были и во дворе Никиты Григорьевича. А. А. Введенский предполагает, что были они и в пермских вотчинах, а это Верхний Чусовской Городок¹⁷. «Энергичная деятельность этих иконных горниц двух братьев падает на 80–90-е годы XVI и первые два десятилетия XVII века; со смертью же обоих братьев их мастерские приходят в упадок...». В первой тетради книги «Памятники Московской древности» (1845 г.) написано: «...Максим Яковлевич знал иконописное искусство и сам занимался им, как свидетельствуют подписи на образах 7100 и 7113 годов»¹⁸.

7100 г. по нашему летосчислению – 1592-й, а 7113 г. – 1605-й. Максим Яковлевич умер в возрасте примерно 67 лет в 1624 г. Пока мне не известно, на каких иконах сохранились «надписи на образах 7100 и 7113 годов». Можно предположить, что именно сам Максим Яковлевич писал некоторые образа для церквей своего вотчинного городка, ведь Верхний Чусовской Городок так и назывался – Максимов городок. Сам он, Максим, или другие мастера его «иконной горницы» написали для церкви Николы Чудотворца два местных образа, мы не узнаем уже никогда, ибо во время пожара 1830 г. храм погиб в огне. Вполне можно допустить, что и в две другие стоявшие тогда в его городке церкви Максим Яковлевич написал по иконе.

По переписи Кайсарова числятся в Верхнем Чусовском Городке «храм теплой о 5-ти верхах клетски Рождество Христово, а в нем образ местный Рождество Христово на золоте; образ Пречистые Богородицы Одигитрии на золоте, а у нее прикладу 4 серги серебряные с камышками плохими, да ожерелейцо

¹⁷ Введенский А. А. Указ соч. С. 197.

¹⁸ Родословная г. Строгановых. Составлена Ф. А. Волеговым и дополнена А. А. Дмитриевым. С. 176–199 // Пермский край. Сборник сведений о Пермской губернии... Т. 3. Пермь, 1895. С. 182.

низано жемчужком мелким; образ праздники Владычни; образ Николы Чудотворца на празелени в чудесах; престол обочен выбойкою. Да в пределе образ Климонт папа Римский стоящий на золоте; образ Пречистые Богородице Одигитрии на празелени; образ Похвала Пречистые Богородице с праздники на золоте; престол обочен выбойкою, дейсус и двери царские и сень и столпцы на золоте»¹⁹.

Как видно, и этот храм блистал золотом, хотя количество икон меньше (четыре в основном храме и три в приделе), да и украшены они не так богато («с камышками плохими») и придел только один, но зато храм «о 5-ти верхах», т. е. увенчан храм пятью куполами. Он тоже «клетски».

На уже упоминавшемся рисунке 1726 г. изображена пятиглавая строгановская деревянная клетская церковь. Вернее всего, что именно на месте этой деревянной церкви в 1773 г. была возведена каменная Христорождественская, ибо испокон веков ставились на Руси новые церкви на месте предыдущих. Поэтому есть все основания предполагать, что на месте установленного летом 1999 г. поклонного креста у слияния Усолки и Чусовой стояла 400 лет назад такая же церковь, какая изображена на рисунке 1726 г. «Изящество пяти куполов с доминирующим центральным куполом-шатром... чарует верностью и красотой пропорций. Скрамная резьба, бахромой обрамляющая карнизы, завершает впечатление совершенства форм народного творчества»²⁰. Церковь, изображенная на рисунке 1726 г., была отстроена в 1596 году и сгорела во время грозы в 1726 г. Когда была отстроена пятиглавая деревянная церковь в Верхних Чусовских Городках, мы, наверное, уже никогда не узнаем; когда она была сломана, найти пока тоже не удалось. Хотя известно, что в феврале 1825 г. «за рубку дров из лому от деревянной церкви 52 сажень по шестьдесят копеек сажень крестьянину Семену Иванову Южакову заплачено

тридцать один рубль дватцать копеек»²¹. В получении сих денег вместо Южакова расписался крестьянин Иван Воеводин. Да 26 февраля 1828 г. крестьянам Голицыных Никите Петрову Порошину, Петру Максиму Суб(б)отину, Максиму Петрову Красных уплачено 27 рублей 60 копеек «за сечку дров из церковного старого лесу за сорок шесть сажень за каждую из сажень по шестьдесят копеек»²².

В 1623 г. Верхний Чусовской Городок украшали две церкви; о двух уже сказано, а третья...

«...да под колоколы храм свою апостола Иакова Алфеева, да придел великомученицы Евфимии Прехвальные, а в них: образ местной св. апостола Иакова в чудесах на золоте; образ Пречистые Богородицы на золоте; образ Единородный Сын на золоте; дейсус на золоте; у тово же храму придел мученицы Евфимии в чудесах на золоте; образ Пречистые Богородицы с Превечным Младенцем на золоте; двери царские и сень и столпцы на золоте; престол обочен выбойкою; да на колокольнице 7 колоколов; да на той же колокольнице часы»²³.

На рисунке 1726 г. изображена и колокольня-звонница «благородной шатровой формы, в основании обрамленная бочкообразной деревянной колоннадой, облежавшей колокольню вокруг»²⁴. Не подобная ли стояла в Верхнем Чусовском Городке? Только еще и с часами!

Вопрос: где? Думаю, что на листе изображены колокольни Христорождественской церкви. «Летопись...» 1912 г. ни словом не обмолвилась о существовавшем некогда храме св. апостола Иакова Алфеева, почему? Вероятно, составители «Летописи...» не располагали такими сведениями. О. Илья Любимов отмечает, что «сохранились сведения самые

¹⁹ Писцовая книга М. Кайсарова... С. 138.

²⁰ Введенский А. А. Указ. соч. С. 198.

²¹ ГАПК. Ф. 196. Оп. 1. Д. 3. Л. 2 об.

²² Там же. Л. 29 об.

²³ Писцовая книга... С. 198.

²⁴ Введенский А. А. Указ. соч. С. 198.

скудные и смутные»²⁵, церковные документы (метрические книги, клировые ведомости и исповедные расписки) имеются только с 1780 г.

Напомню: если на месте упраздненной или снесенной церкви строили новую, то престол устанавливали и освящали вновь. В храме св. апостола Иакова Алфеева было два престола: один в самом храме, другой в приделе, и в теплой церкви (под колокольней) Христорождественского храма – тоже два.

Считаю, что в 1773 г. строгановскими зодчими был возведен каменный Христорождественский храм на месте двух дсереянных: пятиглавого храма Рождества Христова и храма колокольни св. апостола Иакова Алфеева.

Вполне допускаю, что я в чем-то ошибаюсь. Ведь даже маститые специалисты знают: «Сегодня мы еще далеки от того, чтобы с достаточной полнотой представить картину развития народного зодчества даже в позднем средневековье, не говоря о раннем. История деревянной архитектуры, если она будет написана, непременно явится итогом общего труда архитекторов, археологов, историков, этнографов, искусствоведов»²⁶. Я не хотела уподобляться вчерашней школьнице, готовой взяться за любую работу, поскольку уверена, что может и умеет «все», но...

Я явственно «вижу» сказочной красоты старинный русский Верхний Чусовской Городок с четырьмя церквями: три из них новенькие высокие (не ниже 35–40 м). Красавицы стоят недалеко одна от другой ниже устья Усолки, а выше по течению Чусовой, на небольшой горке, – «золушка». Эта, последняя, между мельницей и Сорокиным мостом – обычная клетская, каких на Руси было тысячи. Построена она русскими поселенцами еще до появления Строгановых на Чусовой. А рубил ее, может быть, сам Спиридон Сорокин, дом-то себе он совсем близехонько поставил. Рядом и Латкин обосновал-

ся, да и другие поселенцы. И местечко это, выше устья Усолки (в мое время это улица Мельничная), стало называться Слободкой²⁷, через 300 лет – это Старая Слободка, а еще позднее Старо-Слободской называлась улица, которая начиналась отсюда, в отличие от Ново-Слободской. Новой Слободкой в начале XX в. называли часть села, располагавшуюся на левом берегу Усолки, справа от улицы Трастовой (Поповского тракта).

Откуда такая уверенность в существовании четвертой, а точнее, самой первой церкви? Проанализированы и сопоставлены не менее десятка архивных материалов, письменных источников, устных рассказов, и вывод получается такой: более пятисот лет назад здешние первопоселенцы, выходцы с Руси, строились в долине реки Усолки, затем, в дострогановские времена, – на берегу Чусовой, чуть повыше устья Усолки, у соляных ключей. Здесь и поставили они первую русскую православную церковь и назвали ее в честь Покрова Божией Матери, ибо вплоть до 30-х годов XX в. возле третьего от Сорокина моста дома по левой стороне улицы стояла квадратная кирпичная белая стена часовни Покрова Божией Матери. В народе ее называли Покровской. Напомню, что, по В. Далю, часовни «ставятся в виде памятника, или на распутьях, или на родниках, или над престолом бывшей церкви». Часовня стояла совсем рядышком с домом, принадлежавшим церкви. (Этот дом был предоставлен приехавшему в сентябре 1916 г. псаломщику Мокшину, регенту церковного хора.)

С появлением Строгановых заселялась территория по Чусовой ниже устья Усолки. Именно здесь, обнесенные городской стеной, стояли церкви, строгановские жилые дома и всевозможные мастерские. Еще ниже селились посадские люди – этот уголок между Митейной горой и рекой Чусовой назывался Вагино, т. к. здесь жили выходцы с реки Ваги. Правый берег Усолки начали застраивать, по-видимому, только после пожара

²⁵ ГАПК. Ф. 196. Оп. 1. Д. 53. Л. 10.

²⁶ Миальчик М. Н., Ушаков Ю. С. Деревянная архитектура русского Севера. Л., 1981. С. 11.

²⁷ Слобода – село свободных людей (Даль В. И. Толковый словарь... Т. 4. СПб.; М., 1882. С. 221).

1830 г.: Кропачёвы, Юргановы, Куимовы, Чудиновы, другие Кропачёвы. Многие же дома по улице Большой (позднее Румянцевская) были построены в конце XIX в., а Новая Слобода-ка обустроивалась в основном в начале XX в.

Даже в конце XVIII в. гражданская застройка во многих русских городах, не говоря уже о городках и селах, оставалась деревянной. Каменными были лишь церкви. Но знатные и богатые люди наряду с церквями строили и каменные жилые здания («палаты»). Примером их могут служить воеводские дома в Соликамске, Кунгуре, хоромы Строгановых в Усолье, в Нижних и Верхних Чусовских Городках²⁸. В книге О. И. Брайцевой «Строгановские постройки рубежа XVII–XVIII веков» приведена карта расположения строгановских построек. Наряду с Соль-Вычегодском, Москвой, Нижним Новгородом и др. здесь отмечены Верхний и Нижний Чусовские Городки. «Здания, возведенные на далеком друг от друга расстоянии, поражали современников новизной архитектурных форм, пространством, яркой освещенностью интерьера»²⁹.

Для нас особый интерес представляют строгановские постройки Чусовских Городков. Жилые строгановские дома в Верхнем и Нижнем Чусовских Городках были построены в конце XVII в. и простояли до середины прошлого, XX в., когда они были разобраны перед пуском Камской ГЭС и заполнением Камского водохранилища.

В те далекие времена непременным атрибутом вотчинных усадеб Строгановых являлись три элемента: жилые хоромы, храмы, торговая площадь, — которые и являли собой единый градостроительный ансамбль. Обязательной составной частью усадьбы были бани (мыльни), погреба, амбары и поварни. Несколько в стороне располагались хлебные амбары, кузницы и избы дворовых людей. Так было и в Чусовских Городках.

²⁸ Терехин А. С. Указ. соч. С. 22.

²⁹ Брайцева О. И. Строгановские постройки рубежа XVII–XVIII веков. М., 1977. С. 14–15.

Жилой дом Строгановых в Верхнем Чусовском Городке был каменным двухэтажным, прямоугольным в плане, размером 32х11 метров. Традиционная трехчастная ячейка в доме была увеличена на одно помещение, что явно свидетельствует о стремлении к анфиладности. Внутренние стены, будучи той же толщины, что и наружные, делили дом на четыре неравные части, отчего окна размещались неравномерно, и их положение на фасаде казалось, в некотором роде, случайным. Но диктовалось это удобством освещения. Увеличенные в размерах оконные проемы, соотношение ширины и высоты которых выражено пропорцией 1:2, улучшали освещенность внутренних помещений. Сандрики (архитектурные украшения в виде карниза или небольшого фронтона над оконными проемами) и наличники окон имели оригинальную форму, аналогов им не встречалось (по мнению специалистов) в дошедших до нас сооружениях. В местах сопряжения поперечных и продольных стен и по углам фасад обрамляли лопатки (плоская вертикальная полома, выступающая на стене здания, которая имеет конструктивное или декоративное значение), имитирующие концы бревен при рубке деревянного дома «в обло». Дом имел подклет, являющийся, по существу, самостоятельным этажом. Тяга (профилированный выступ, членивший стену по горизонтали) делила фасад на первый и второй этажи, карниз образовывался напуском кирпича, под ним фриз, выполненный из ажурного лекального кирпича и ряда небольших плоских кронштейнов. Окна второго этажа обрамлялись наличниками, состоящими из тяг и кокошников простого рисунка. На окнах подклета имелись металлические

Дом Строгановых.
Нижние Чусовские Городки

решетки. Лестница, ведущая на второй этаж, располагалась в отдельном крыльце с западной стороны. Расположение комнат анфиладное. Дом стоял на самом берегу Чусовой, простираясь своим длинным фасадом вдоль реки.

Строгановский дом в Нижнем Чусовском Городке и по градостроительному положению, и по планировке (верх – для жилья, подклет – для прислуги и хозяйственных нужд) аналогичен дому в Верхнем Чусовском Городке. В плане он был тоже прямоугольным, но делился поперечными стенами на три части. Размер дома составлял 21х11 метров. Лестницы располагались в отдельной пристройке в виде крыльца, примыкающего к дому с южной стороны. Сходная планировка и тот же, что и у дома в Верхнем Чусовском Городке, декор позволяют предполагать, что оба дома построены в одно и то же время и одними мастерами. Были, однако, между домами и заметные отличия. Построенный в Нижнем Чусовском Городке как двухэтажный, в середине XIX в. дом был надстроен двумя деревянными (из лиственницы) этажами и обшит снаружи досками. Второй этаж на фасаде, обращенном к Чусовой, имел открытую веранду. По углам дома стыки досок были декорированы деревянными рустами (руст – грубо обтесанный камень) в виде профилированных камней.

Описание строгановских жилых домов в Верхнем и Нижнем Чусовских Городках сделано Ю. В. Герасимчуком по материалам архитектора В. А. Матвеева, исследовавшего строения в 1930 г. Работа В. А. Матвеева и альбом с фотографиями построек (пять из них – строгановские дома в Чусовских Городках) сейчас находятся в архиве библиотеки Академии художеств в Санкт-Петербурге (предположительно в фонде института живописи и архитектуры имени И. Е. Репина), но хранилище оказалось настолько «засекреченным», что в 2001 г. работники архива не позволили Ю. В. Герасимчуку сделать ксерокопии фотоснимков, ссылаясь на то, что это «авторская работа». Быть может, со временем другим красавцам повезет больше.

На рисунке, опубликованном в книге О. И. Брайцевой, справа от каменного строгановского дома виден небольшой деревянный дом. Глядя на него, вспоминаю горячую речь Сергея Ивановича Зыкова, который наблюдал за раскопками пермских археологов под руководством В. А. Оборина: «Не там ищут они первый строгановский дом, не там! Он стоял на месте овощных ям Дома инвалидов!» Не тот ли дом изображен на рисунке Д. П. Сухова? Теперь это место скрыто под водой.

А Городки, Верхние и Нижние, с их церквями и домами старожилов сняты мне до сих пор.

Август 2002 г.

2. СТРОГАНОВЫ И ЕРМАК – ВЕЧНАЯ ТЕМА

Ю. В. Герасимчук

Строгановы

Строгановы. Кто же они такие? В отечественной исторической литературе есть достаточно упоминаний о Строгановых, но до сих пор нет полного и объективного исследования, которое могло бы объяснить феномен этого рода. Простые новгородские мужики в XIV в. неустанными трудами и попечением о благе Отечества превратили свой город в богатейший в России, а род крупнейших землевладельцев, солепромышленников и заводчиков – в прославленный дворянский род, давший стране виднейших представителей чиновной и военной знати. Слова, предпосланные содержанию книги П. Н. Петрова «История родов русского дворянства»: «Книга интересна как пример подвигов лучших представителей дворянства, жертвовавших собой и всем, что им было

дорого, во славу и на пользу отечества», – в полной мере относятся к роду Строгановых.

История его весьма необычна. Начав как относительно скромные землевладельцы, они со временем становятся процветающими торговцами, предпринимателями и промышленниками, затем крупнейшими в России землевладельцами и видными государственными деятелями, снискав себе известность и достигнув высоких званий и чинов в гражданской и военной службе.

Обозначив себя в XIV в., строгановский род ширился и креп, обретая все большее влияние и умножая свои богатства. Корнями своими Строгановы восходят к Никите – правителю Пскова со времен Дмитрия Донского. Оказав поддержку Москве в ее борьбе с Новгородом за Заволочье¹, они были пожалованы щедрым земельным наделом в Двинской земле. В царствование Ивана Грозного появился в Сольвычегодске праправнук Никиты – Лука Спиридонов (Спиридонов – по деду. – Ю. Г.), что связано с расширением его земельного владения после подавления восстания пермских народов и их окончательного покорения. Само пожалование последовало после того, как Лука заплатил выкуп Золотой Орде за вызволение из плена великого князя московского – Василия II Темного, захваченного татарами в битве под Суздалем в 1445 г. В чем историки расходятся во мнении на этот счет, так это только в оценке суммы выкупа, хотя большинство склоняется к тому, что выкуп составил 200 тыс. руб. серебром².

¹ Заволочье – территория в бассейне Северной Двины и Онеги за «волоками», связывающими Онежское озеро с Белым и рекой Шексней. В XI–XIV вв. между Новгородом и Московским княжеством. С падением новгородской независимости Заволочье (с XIV в. – Двинская земля) в 1478 г. вошло в состав Русского централизованного государства.

² Один рубль XV в. равен по стоимости 100 руб. в конце XIX – начале XX в.

Десятки раз после этого Строгановы помогали русским государям и центральному правительству, предоставляя в их распоряжение заимообразно, а чаще всего безвозмездно значительные, а порой и громадные денежные суммы или тратили их сами на те же цели. Следует отметить, что щедрость Строгановых не оставалась незамеченной, и в ответ они пользовались целым рядом привилегий, были многократно пожалованы земельными наделами, получали высокие чины и звания. Показательна в этом плане грамота Василия Ивановича Шуйского от 29 марта 1610 г.: «Помните, в прежних временах великого князя Василия Васильевича окупали из полону, какой великой чести сподобились, а вы только нас ссудите немалыми деньгами, и вашей дачею служилых людей пожалуем, и мы вас також чести и повышения можем воздати», – так царь, напоминая Максиму Яковлевичу и Никите Григорьевичу о заслугах их предков, просит займы, ввиду истощения казны, 10 тыс. рублей.

Сын Луки – Федор (отец знаменитого Аники), являлся уже законченным наследником земельного владения и промыслов отцовских. В 1488 г. Строгановы, перебравшись из Новгорода (там, в том же году, родился Аника), поселяются в Вычегде, где в 1515 г. основывают первые соляные промыслы³.

Самую бурную деятельность по хозяйственному освоению земель, равно как и приобретению новых владений, развил Аника Строганов (1488–1570). Умный, сметливый,

Неизвестный гравер.
Портрет Аники Строганова.
1780-е гг. Бумага, резец

³ Есть все основания считать Строгановых зачинателями добывающей химической промышленности в России. – Прим. авт.

напористый, обладающий твердою волей, целеустремленностью и организаторскими способностями, он уже в 18-летнем возрасте самостоятельно вел все дела, связанные со строительством и обустройством варниц, добычей, транспортировкой и продажей соли, устройством рыбных промыслов и железоделательного производства, торговлей с заморскими купцами и инородцами, разысканием новых путей для торговли на Урале и в Сибири. Его усилиями и стараниями было построено большое количество варниц на Кольской губе. В 1557 г. Аника, будучи в Москве, добивается приема во дворце и убеждает правительство в целесообразности освоения Уральских и Сибирских земель и присоединения их к России.

Успешная деятельность Аники, его сыновей и внуков, позволявшая им поставлять соль, пушнину, хлеб, рыбу и платить при этом значительные налоги в казну, убедила правительство, и по царским грамотам в период с 1519 по 1574 г. Строгановым было пожаловано в общей сложности 10 382 347 десятин земли (почти 11 млн гектаров) в Перми Великой и за Уральским хребтом – в Сибири. Для сравнения укажем, что даже через триста лет, когда территория русского государства стала несравнимо большей, общий объем дворянского землевладения в европейской части России (а это 30 тыс. помещичьих семей) составлял 73,1 млн десятин, а все российское крестьянство в ту пору (данные за 1877 г.) владело 75 млн десятин земли.

Давая Строгановым грамоты на Уральские и Сибирские земли (1558, 1568, 1574, 1579 гг.), Иван Грозный вел свою большую игру. Ливонская война, длившаяся четверть века, в которой московскому государю одновременно противостояли Литва, Польша, Дания и Швеция, необходимость постоянно отражать набеги татар на южные и юго-восточные рубежи привели страну к полному разорению. Жалуя землями Строгановых на Урале и в Сибири, разрешая им строить на тех землях города и острожки-крепости, содержать ратных

Первая Грамота Ивана Грозного о пожаловании Григория Аникеевича Строганова землями в Перми Великой. 1558 г. (ныне хранится в Ильинском краеведческом музее)

людей и лить пушки, царь стремился тем самым укрепить восточные границы государства. Осуществлялось все это исключительно за счет Строгановых. Освоение же новых земель обещало по окончании льготных лет (в разное время льготы давались на 20 или на 10 лет) приток в казну немалых средств от налогов.

Приступив к освоению земель в бассейне рек Камы и Чусовой, Строгановы построили там ряд городков: Конкор, Кергедан, Чусовской городок верхний, Чусовской городок нижний ⁴, а также Сылавенский и Яйвенский острожки.

Следует отметить, что в те времена только удельные князья и несколько самых знатных бояр имели право владеть укрепленными городками. Интересы государства заставили

⁴ В подтверждение выводов о том, что Верхние Чусовские Городки основаны в 1568 г., которые изложены в краеведческом сборнике «Быль Чусовских Городков» (Вып. 1), свидетельствуют лишний раз две выдержки из жалованной грамоты Ивана и Петра Алексеевичей от 25 июня 1692 г. о подтверждении всех прав и преимуществ, дарованных роду его (Григория Дмитриевича Строганова. – Ю. Г.) со времен царя Ивана Васильевича. Итак: «Да за Иваном и за Максимом детьми Строгановыми отца их Максимовская вотчина городок Чусовской, на усть речки Усолки, ЕДУЧИ (здесь и далее выделено Ю. Г.) на Чусовую. ВВЕРХ на ЛЕВОЙ СТОРОНЕ...» И далее: «...122 год (1614 г. по современному летоисчислению. – Ю. Г.), дед же наш блаженные памяти великий государь и царь и великий князь Михайло Федорович всея России самодержец пожаловал Максима Яковлевича Строганова его Максимовой ВОТЧИНОЙ – городок Чусовой на Усолке».

Первая цитата ценна тем, что совершенно точно и недвусмысленно указывает местоположение Чусовского Городка Верхнего (будущих Верхне-Чусовских Городков. – Ю. Г.). Вторая, отсекая самой датой грамоты 1616 г. как возможную дату основания Чусовского Городка Верхнего, делает необоснованной и другую – 1610 г., ибо уже в 1614 г. он был «Максимовой ВОТЧИНОЙ», стало быть, достался ему в наследство от отца – Якова Аникиевича, умершего до 1579 г.

сделать для Строгановых исключение. В то же время ими были построены два монастыря: Пыскорский – на Каме и Успенский – на Чусовой.

Развивая промыслы, способствуя распашке земель, что позволяло наращивать производство зерна, Строгановы постоянно нуждались в рабочих руках. Вопреки запрету, они смело принимали людей, бежавших из центральных районов России, разоренных войной, предоставляли им работу, тем самым давая толчок возникновению новых починков и деревень. Только в Сольвычегодских землях на Строгановых работало несколько тысяч человек, а родовой их дом обслуживало более 600 дворовых людей. Уже в то время Строгановы вели меновую торговлю с инородцами, проживающими за Камнем. Обменивая дешёвые товары, а зачастую и просто безделушки на дорогую пушнину, они имели значительные барыши. Несколько странными выглядят гневные порицания некоторых современных историков: они осуждают Строгановых за эти общепринятые тогда способы обогащения, но достаточно вспомнить, что в ту средневековую пору сами цари не гнушались собственноручно рубить головы, а право сильного торжествовало.

В 1572 г. для оказания помощи в отражении набега Крымского хана Давлет-Гирея на Москву Строгановы наняли на свои деньги тысячу вольных казаков, что в немалой степени способствовало разгрому татар у Молодей ⁵. Взять и разорить в очередной раз Москву крымчанам не удалось.

Перебравшись на Урал, Строгановы разведали новые пути в Сибирь. Тогда-то у них и вызрел план проникнуть в зауральские земли и хозяйствовать там постоянно. Получив в 1574 г. царскую грамоту, разрешавшую Строгановым

⁵ Молоди – селение на р. Рожая, в 50 км южнее Москвы. После разгрома под Молодями Турция и Крымское ханство отказались от попыток отторгнуть от России присоединенные в 50-е годы XVI в. Поволжские земли.

строительство крепостей в Сибири на Тоболе, Иртыше и Оби, Семен Аникиевич, Максим Яковлевич и Никита Григорьевич (два последних – внуки Аники) в 1581 г. (возможно, в 1582-м) пригласили волжских казаков в свои уральские вотчины. Официально, для сведения центрального правительства, Ермак с дружиной прибыл на Урал для защиты строгановских владений на Каме и Чусовой, неоднократно подвергавшихся нападениям со стороны мансийских, пелымских и других племен. Прибыв на Чусовую, казаки действительно защитили Строгановские земли от воинов Алея, сына сибирского хана Кучума, который, встретив отпор на Чусовой, увел свое войско на север, к Чердыни.

Желая раз и навсегда обезопасить себя от восстаний и набегов племен, проживающих в Приуралье и пользующихся поддержкой Пелымского хана Абыгерима и самого Кучума, Строгановы решаются, на свой страх и риск, без ведома и согласия центрального правительства, снарядить экспедицию в Сибирь с целью разгрома Кучума. Формально Строгановым было дано право воевать с сибирскими племенами, но в тех исторических условиях неудача могла сильно осложнить обстановку еще и на восточных рубежах государства, чего, естественно, не хотели допустить московские правители.

Все истории согласны в том, что:

а) идея присоединения Уральских и Сибирских земель к Русскому государству принадлежит Строгановым, которые внушили ее московскому правительству;

б) ведя торговлю с племенами, проживающими за Уральским хребтом, они разведали и хорошо знали пути, ведущие в Сибирь из Западного Приуралья;

в) Ермак с дружиной прибыли в строгановские вотчины на Чусовой по их приглашению;

г) обеспечение казаков всем необходимым для похода было осуществлено Строгановыми, снабдившими их, кроме всего прочего, толмачами (переводчиками) и проводниками.

В этой связи любопытными представляются некоторые соображения, высказанные Р. Г. Скрынниковым в его книге «Ермак» (М.: Просвещение, 1992).

Стараясь умалить роль Строгановых в организации похода Ермака, автор на основании правильных посылок делает совершенно неверные выводы. Дело, разумеется, не в том, что его выгоды не согласуются с общепринятыми. Это нормально, если доказательно. Но именно с доказательствами у Скрынникова далеко не все в порядке. Он сплошь и рядом противоречит сам себе. Убедительно и неоднократно подчеркивая, что Ермак и большая часть его дружины до прибытия к Строгановым были вольными казаками, отдававшими себя службе московскому государству, например, в Русско-Турецкой и Ливонской войнах, автор, обращаясь к сибирскому походу, утверждает совершенно противоположное. Справедливо замечая, что «пермские солепромышленники много лет готовились к походу в Сибирь», в другом месте автор, входя в полное противоречие со своими утверждениями, уже и саму идею сибирской экспедиции приписывает Ермаку, а его дружину из вольных казаков, нанявшихся на службу к Строгановым, превращает в вольных разбойников. Вот его подлинные слова и рассуждения: «Видимо, даже в тот момент, принимая решение о зауральском походе, Ермак еще не помышлял о “сибирском взятии” – завоевании Кучумова царства. Казаки решили отправиться на Урал и “дойти до царя Кучума”, рассчитывая на богатую добычу». И далее там же: «...казаки предприняли РАЗБОЙНЫЙ набег на Сибирь в целях захвата добычи». Здесь уже нет места ни Строгановым, ни вольным казакам – остались одни разбойники! Скрынников упускает из виду некую малость, являющуюся на поверку самым главным: Ермак, будучи многоопытным казачьим атаманом, прекрасно понимал, что «богатая добыча», если даже допустить, что именно ее захват был основным побудительным мотивом предпринимаемого похода, возможна не тогда, когда казаки «дойдут до царя Кучума», а тогда и только тогда, когда они в жесточайших

сражениях разобьют его военную силу. Не к «разбойному на-бегу» готовились Ермак и его дружина (истинно разбойные казаки, по утверждению самого Скрынникова, остались на Волге), а, ПРИНЯВ ПРЕДЛОЖЕНИЕ Строгановых, взяли послужить им, а вместе с тем и Отечеству, как это бывало и раньше. Или народный герой, или разбойник, волею случая ставший героем, – третьего не дано.

Как будто задавшись целью до конца опорочить Строгановых, Скрынников живописует сцену, перемежая ее цитатами из Кунгурской летописи С. У. Ремезова⁶, первого историка Сибири, в которой казаки во главе с Иваном Кольцо, правой рукой Ермака, чуть не расстреляли Максима Строганова за его жадность и нежелание выдать им необходимое количество хлеба для похода. Возможно, какие-то размолвки и были, но несомненно одно: сумма в 20 тыс. руб., затраченная Строгановыми на снаряжение экспедиции, говорит сама за себя⁷. Подобные затраты были едва ли посильны даже для московского правительства.

Вопреки этому, Скрынников пишет: «Придет время, и Строгановы начнут доказывать, что их предки предоставили Ермаку “запасы многие”, а также пушечки, скорострельные “семипядные” пищали, дали им “вожей”, знающих “сибирский путь”, а, кроме того, отпустили с ними своих ратных людей из пермских городов – “предобрых воинов триста человек”...». И далее: «Ранние и более верные достоверные источники на-чисто опровергают эти ВЫМЫСЛЫ».

⁶ Ремезовская (Кунгурская) летопись возникла во второй половине XVII в., основана на изустном предании или на не поддающихся точному определению источниках. В полном виде текст Кунгурской летописи не сохранился и известен по включениям в первоначальный текст Ремезовской летописи, составленной в начале XVIII в. (Значение подобного источника для истории более чем сомнительно.)

⁷ Один рубль начала XVII в. равен по стоимости 15 руб. конца XIX – начала XX в.

Однако, вопреки этим «вымыслам», автор тут же, ничтоже сумняшеся, пишет: «Участие Строгановых в сибирской экспедиции СВЕЛОСЬ к тому, что ОНИ ОБЕСПЕЧИЛИ КАЗАКОВ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ, необходимым для дальнейшей экспедиции», а в другом месте указывает: «Полученного свинца и пороха было столько, что хватило Ермаку НА ДВА ГОДА, заполненных непрерывными боями». Продолжая свою линию на дискредитацию Строгановых, Скрынников тут же называет «фантастическими» сведения о том, что дружина Ермака насчитывала 5 тыс. человек и Строгановы (по Скрынникову, под воздействием угроз) выдали им на струги «на всякого человека по 3 фунта пороху и свинцу, и ружья, и полковые пушки, по три пуда муки ржаной, по пуду сухарей, по два пуда круп, по пуду толокна, по пуду соли и толико масла пудов». Фантастической здесь может называться только численность дружины Ермака – 5 тыс. человек. Можно подвергнуть сомнению и число «предобрых воинов», выделенных Строгановыми в помощь Ермаку. Наличие на северных границах строгановских владений воинов Алея не позволяло им, естественно, существенно ослаблять свои гарнизоны на Каме и Чусовой. Все остальное – более чем правдоподобно. Сам же Скрынников, упоминая о пребывании казаков в Орлегородке, замечает, что там они получили в свое распоряжение «пушечку, а, может, и другое оружие». В другом месте автор указывает, что «ржаной хлеб и каши составляли основу питания русского человека. Чтобы УТОЛИТЬ ГОЛОД, взрослому мужчине надо было МНОГО БОЛЬШЕ КИЛОГРАММА хлеба на день». Если исходить из этой нормы, то каждому казачу на день, только на хлеб и приварок, требовалось не менее килограмма с четвертью муки и крупы. В месяц на человека это составляет более двух пудов! А ведь отправлялись казаки в Сибирь, где собственно зерна было очень мало, и не на один месяц. Так что 7 пудов муки, крупы и сухарей на человека – это не «фантастическое» количество, а всего лишь тот скромный запас, которого при экономном расходовании могло хватить

ермаковцам на пять-шесть месяцев. Строгановы и Ермак не были людьми наивными и прекрасно понимали, что, отправляясь в канун зимы в сибирский поход, казаки в самом благоприятном случае не сумеют вернуться из него раньше начала следующей весны. Для всех было очевидно, что запасы должны быть соответствующими. В свете всего сказанного странным, по меньшей мере, выглядит риторический вопрос Скрынникова: «Что же помешало им (Строгановым. – Ю. Г.) возглавить экспедицию, когда ИХ ПЛАНЫ стали осуществляться на практике?» Ответ очевиден: возглавлять экспедицию лично для Строгановых, людей сугубо штатских, было совершенно бессмысленно и необязательно, все же остальное, что было в их силах и могло способствовать успеху предприятия, они сделали.

Умалить заслуги Строгановых в деле организации и снаряжения дружины Ермака в Сибирский поход нет ни малейших оснований. Народ разумен и памятлив. Воздавая должное мужеству, самоотверженности и героизму Ермака, пожертвовавшего жизнью, и его дружины, народ навечно связал воедино их имена со Строгановыми. Так вместе они и вошли в историю государства Российского, что вполне заслуженно и справедливо⁸.

Итак, 1 сентября 1581 г. (Скрынников отстаивает другую дату – 1 сентября 1582 г., в чем он, скорее всего, прав) Ермак с дружиной отбыл из Чусовских Городков в сибирский поход⁹.

⁸ Столь пристальное внимание и пространные комментарии к книге Скрынникова вызваны тем, что, будучи адресована молодому поколению и всем любителям отечественной истории, она может создать превратное понимание роли Строгановых в организации похода дружины Ермака в Сибирь.

⁹ Сведения о том, что, отплыв из Чусовских Городков, казаки заблудились и по ошибке попали в р. Сылу, где и вынуждены были зимовать – всего лишь сказка. Некоторые историки, опровергая эту легенду, ссылаются на то, что у Ермака были проводники, хорошо зна-

Узнав из донесения чердынского воеводы о том, что Строгановы отправили Ермака в Сибирь, Иван IV разразился в их адрес грозной грамотой, характеризуя их действия как «измену» и «воровство» и требуя немедленного возвращения казаков. В случае неповиновения царь грозил Строгановым «большой опалой», а казаков обещал «перевешать». И, хотя на этот раз для Строгановых все обошлось благополучно (их спасло известие о том, что Ермак, нанеся поражение Кучуму, занял его столицу), уже через год с небольшим после того, как в марте 1584 г. умер Иван Грозный, они подвергались суровой опале¹⁰. Будучи в Москве в 1588–1589 гг., английский посол Д. Флетчер писал: «Зависть и негодование на богатство, несогласное с тамошней политикой, в чьих бы то ни было руках, и в особенности в руках мужика, побудили царя отобрать у них (Строгановых), сначала по частям, иногда 20 тыс. рублей вдруг, иногда более, пока, наконец, в настоящее время сыновья их остались почти без капитала, удержав малую часть отцовского имущества, между тем как все прочее перешло в царскую казну».

Однако уже к концу царствования Федора Ивановича, вопреки проискам бояр-завистников, часть изъятых у Строгановых земель была им возвращена. При Борисе Годунове Строгановы снова попали в фавор и через десять лет после опалы

ющие эти места. Это, разумеется, довод, но все обстоит гораздо проще для знающих географию тех мест. Казаки не могли заблудиться (в этом случае) и без проводников, так как р. Сыла впадает в р. Чусовую километрах в пятидесяти НИЖЕ по течению от Чусовских Городков, и они проплывали мимо р. Сылы, добираясь до Строгановых. Направляясь к перевалам, Ермак, отплыв от Чусовских Городков, обязан был плыть вверх по течению и в этом случае не мог заблудиться и попасть в р. Сылу по воде.

¹⁰ Все дело в том, что уже при Иване IV и дворянские поместья, и боярские вотчины уступали землям, которыми фактически распоряжались Строгановы. Это вызывало зависть и раздражение московских бояр и чиновной верхушки.

Максим Строганов встречает прибывшего
в Чусовские Городки Ермака с дружиной.
Краткая Сибирская летопись (Кунгурская)

получили в придачу к старым владениям 500 тыс. десятин новых земель.

Чтобы кратко охарактеризовать ту помощь, которую Строгановы оказали всем государям, правившим после Василия Шуйского и до Петра I, ознакомимся с двумя документами. Первый относился ко времени Алексея Михайловича. Академик Н. Г. Устрялов писал: «Тут вступили на поприще чести доблестные Строгановы и стали грудью за царя законного, за Василия Ивановича Шуйского, помогали ему богатствами, воинскими дружинами, действовали в его защиту словом и делом». И далее: «В то самое время, когда Владимир, Кострома, Ярославль, Казань, Вологда и города Вятские и Пермские принимали сторону самозванца, Сольвычегодск был непоколебим в верности Василию Ивановичу».

Второй документ – грамота Петра I последнему именитому человеку – Григорию Дмитриевичу Строганову, в которой подсчитано, что в период междоусобицы и при Михаиле Федоровиче «взято в казну Строгановых – 423 706 рублей, да при царе Алексее Михайловиче – 418 056 рублей, а всего – 841 762 рубля». Для сопоставления отметим, что весь государственный бюджет 1701 г. составлял 2,5 млн рублей, а по курсу конца XIX в. строгановские пожертвования равнялись 3,5 млн рублей.

Подобная практика будет сохраняться и при Петре I. Строгановы помогали царю деньгами для выплаты жалованья стрельцам, для снаряжения народного ополчения (милиции) во время Северной войны. Григорий Дмитриевич Строганов, отец будущих баронов, построил и полностью оснастил, включая артиллерию, четыре боевых корабля. Два фрегата были построены в Воронеже, а два других – в Архангельском Адмиралтействе (позже они были переведены на Балтику). Отметим в очередной раз для сравнения, что к концу царствования Петра I в составе Балтийского флота было всего десять фрегатов. Когда для ведения Северной войны потребовалось много металла, на Строгановских землях было построено

более десяти (четыре из них – казенные) медеплавильных и железоделательных заводов с несколькими доменными печами. В результате этого Строгановы становятся, наряду с Демидовыми, крупными заводчиками. Петр I не только высоко оценил заслуги предков Строгановых перед Отечеством, но и сам жаловал их неоднократно своими милостями. Об отношении царя к Строгановым говорит тот факт, что, будучи в Воронеже в 1701 г., когда у бывших там же Григория Дмитриевича Строганова и его жены родился второй сын – Николай, Петр I вызвался быть крестным отцом младенцу. Честь, согласитесь, высочайшая, да и подарок крестнику был сделан воистину царский. Новорожденный был пожалован обширными землями по рекам Обве, Иньве, Косьве и их притокам «с погостами, волостями, деревнями и починками, и в них со крестьяны» – всего «16 погостов, несколько сот деревушек, и в них 3443 двора и 14 000 человек».

Однако вернемся на 90 лет назад, когда в жизни Строгановского рода настал первый звездный час. Усердие Строгановых в делах, их несомненные и отличные успехи, щедрая помощь правительству не остались незамеченными. Царь Василий Иванович Шуйский в 1610 г. пожаловал им звание «именитые люди»¹¹. До 1706 г. дворянство в России было только наследственным, по происхождению. Пожалование Строгановых званием «именитые люди» было событием неординарным. За последующие столетия жалование этим званием больше не практиковалось. В книге «Знаменитые россияне XVIII–XIX веков» (СПб.: Лениздат, 1995) как последний «именитый человек» упоминается Злобин Василий Алексеевич (1757–1814). Но, скорее всего, он был «именитым гражданином» – представителем сословной категории, введенной

¹¹ На исключительность этого события указывает и то, что оно было зафиксировано в Соборном уложении Алексея Михайловича 1649 года – кодексе законов Русского государства, – отдельной статьей (ст. 94, глава X).

Екатериной II в 1785 г. и упраздненной с введением новой сословной категории – «почетных граждан» в 1832 г. Однако вернемся к Строгановым.

Часто историки акцентируют внимание на том, что пожалование высокого звания давало Строгановым право писаться с окончанием «вич» в отчестве¹². В ту пору это было, разумеется, весьма престижным, но главное заключалось, прежде всего, в том, что Строгановы получили целый ряд льгот:

как именитые люди, они становились подсудными только суду царскому;

им разрешалось «креста самим не целовать» (не приносить присяги в суде);

разрешалось сноситься по всем важным вопросам непосредственно с центральным правительством, минуя местные власти;

дозволялось строить городки, крепости, содержать ратных людей, лить пушки;

они могли сами судить своих людей;

им предоставлялись льготы по постоям, податям и другим видам налогов;

Строгановы могли воевать с племенами, населяющими Уральские и Сибирские земли;

за «бесчестье» (оскорбление) Строгановых устанавливался штраф в размере 100 руб., тогда как за подобные действия в отношении гостя (купца) – 50 руб., «лучших посадских людей» – 5–7 руб., а за обиду простого крестьянина – 1 рубль.

Уже один только вывод Строгановых из-под юрисдикции всех судов, кроме царского, и право обращения по всем важным делам непосредственно к московскому правительству давали им значительную экономию времени и денежных средств,

¹² Полное отчество с «вичем» – знак особого достоинства, доступного в те времена только боярам и окольными чинам (второй после боярина думный чин).

освобождая от «опеки» уже тогда многочисленных, забюрократизированных, коррумпированных и алчных местных чиновников. Выгода для Строгановых была очевидной.

После того как родовая ветвь Якова Аникиева угасла на правнучке его, а ветвь Григория Аникиевича пресеклась еще раньше – на его сыне, все родовые богатства Строгановых грамотой Петра I от 25 марта 1692 г. были утверждены в вечном владении за Григорием Дмитриевичем (1656–1715) и его наследниками (ветвь Семена Аникиевича). Сам Григорий Дмитриевич был крупнейшим солепромышленником, на его варницах производилось 3 млн пудов соли в год, что составляло 60% производства ее в России. Вскоре после кончины Григория Дмитриевича сыновья последнего «именитого человека»: Александр, Николай и Сергей – были возведены Петром I в баронское достоинство. Для Строгановых это был второй звездный час. Третий случился 21 апреля 1798 г., когда Александр Сергеевич, граф Римской империи с 29 мая 1761 г., возведен императором Павлом Петровичем в графское достоинство Российской империи¹³.

¹³ Дворянские роды России пользовались (жаловались) тремя титулованными достоинствами: княжеским (сиятельство и светлость), графским (только сиятельство) и баронским (без особого титульного прибавления). Баронское достоинство самим фактом титулования считалось выше нетитулованного дворянства. Аналогичные титулы иностранных государств, даваемые российским подданным, дозволялись, но ценились ниже отечественных. Само дворянство в допетровские времена в России было только наследственным, по происхождению. После введения практики жалования титулованными достоинствами применялась она весьма сдержанно. Титулом князя с 1706 по 1881 г. было пожаловано немногим более тридцати человек. За тот же период пожалование графским достоинством случилось 126 раз, в результате чего графами стали 157 человек (по подсчетам автора). В этом ряду Строгановы стоят на 47-м и 77-м местах.

Но еще до этого события новоявленные бароны Строгановы оставляют свои владения и хозяйство на попечение управляющих и переходят на государственную службу по гражданской и военной линиям. Их достижения и успехи на новом для них поприще впечатляют. В уже упоминавшейся книге «Знаменитые россияне XVIII–XIX веков» Строгановы представлены десятью достойными именами, а в книге «Энциклопедия купеческих родов: 1000 лет русского предпринимательства» (М.: Современник, 1995) значится 68 Строгановых: 47 мужчин и 21 женщина.

Не имея возможности рассказать о всех, приведем самые краткие биографические сведения о некоторых из блестящей плеяды Строгановых.

Строганов Александр Сергеевич (1733–1811).

Граф, обер-камергер¹⁴ (4-й по счету из девяти человек, бывших в этом чине за весь XVIII в.), действительный тайный советник¹⁵, член Госсвета¹⁶, президент Академии художеств, директор Публичной библиотеки. Первый из Стро-

Александр Сергеевич
Строганов (1733–1811),
барон, с 1761 г. – граф
Римской империи, с 1798 г. –
граф Российской империи

¹⁴ Обер-камергер – высший придворный чин.

¹⁵ Действительный тайный советник – третий гражданский чин, 2-й класс Табели о рангах.

¹⁶ Член Госсвета – почетное членство; носители этого звания в заседаниях не участвовали.

гановых пожалован титулом графа Российской империи. В 1783 г. избран членом Российской Академии – «храма муз словесных» – наряду с Г. Р. Державиным, Е. Р. Дашковой и Д. И. Фонвизиним. Под его главным надзором и с привлечением личных средств было осуществлено строительство Казанского собора в С.-Петербурге. Главным архитектором собора был Андрей Никифорович Воронихин, а его помощником – И. Ф. Колодин: оба вольноотпущенные из крестьян А. С. Строганова. Воронихин воспитывался Александром Сергеевичем, образование свое вместе с И. Колодиным получил, будучи стипендиатом Строганова в Академии художеств. Строганов выполнял дипломатические поручения своего тестя, канцлера¹⁷ М. И. Воронцова, в Вене. Был в фаворе у Екатерины II, Павла Петровича и Александра I и считался их другом. Пожертвовал 40 тыс. руб. на войну с Наполеоном. Был страстным любителем и ценителем искусства, собирателем и меценатом. Его коллекции эстампов, камней, медалей и монет (более 60 тыс. единиц) не имели себе равных в России. Картинная галерея Строганова уже в 1793 г. содержала 87 картин наиболее знаменитых художников флорентийской, римской, ломбардской, венецианской, испанской, голландской и других школ.

Строганов Григорий Александрович (1779–1857).

Барон до 1826 г., обер-шенк¹⁸, действительный тайный советник, член Госсовета. Был послом России в Швеции, Испании, Турции, много сделал для улучшения положения сербов. После смерти А. С. Пушкина являлся председателем опекунского совета над детьми поэта. Отец графа С. Г. Строганова (1794–1882) и И. Г. Полетики. В 1826 г., в день коро-

¹⁷ Канцлер – высший гражданский чин, 1-й класс Табели о рангах; с 1867 г. – министр иностранных дел.

¹⁸ Обер-шенк – высший придворный чин, главный над царскими конюшнями.

нации Николая I, пожалован в графы.

Строганов Павел Александрович (1774–1817).

Граф, тайный советник¹⁹, сенатор, товарищ министра внутренних дел (1802–1807), генерал-адъютант²⁰. Заканчивал образование в Швейцарии и Франции, откуда за участие в революционных событиях был отозван в Россию. Был в дружеских отношениях с наследником престола (будущим императором Александром I). После его воцарения играл ведущую роль в создании Негласного комитета²¹. После отказа Александра I от либеральных реформ отошел от политической деятельности и вступил в военную службу волонтером²². Участвовал в Аустерлицком сражении и во всех сражениях Отечественной войны 1812 года. Отмечен орденами: Св. Георгия II ст., св. Александра Невского, св. Анны с алмазами I кл., св. Владимира II ст., золотой шпагой с алмазами и надписью: «За храбрость», медалью 1812 года. В 1814 г. вышел

Павел Александрович Строганов (1774–1817), граф

¹⁹ Тайный советник – высший придворный чин – 3-й класс Табели о рангах.

²⁰ Генерал-адъютант – звание, 1–3-й классы Табели о рангах. Будучи дежурным при дворе или в Ставке, имел право объявлять словесные повеления императора.

²¹ Негласный комитет – неофициальный совещательный орган при Александре I. Предполагалось, что он разработает государственные реформы и даже подготовит конституцию.

²² Волонтер – лицо, вступившее в военную службу добровольно.

Сергей Григорьевич
Строганов (1794–1882),
барон, с 1818 г. – граф

в отставку в чине генерал-лейтенанта ²³. В Эрмитажной галерее 1812 г. висит и его портрет. Глубоко скорбя о трагической гибели единственного сына – графа Александра Павловича, погибшего в бою во Франции, утратил здоровье и умер в возрасте 44 лет.

Строганов Сергей Григорьевич (1794–1882).

Граф, участник Отечественной войны 1812 года, зарубежных походов 1813–1815 гг., Русско-Турецкой войны 1828 года, Севастопольской кампании. До армии окончил корпус инженеров путей сообщения. Был военным губернатором в Риге и Минске. Некоторое время – московский генерал-губернатор. В 1860–1865 гг. главный руководитель воспитания цесаревичей: Николая, Александра, Владимира и Алексея. Был попечителем московского учебного округа, а в 1835–1847 гг. управлял московским университетом. На протяжении 37 лет являлся председателем общества «Истории и древностей Российских», которому исходатайствовал титул Императорского и постоянную субсидию. Под его руководством и частично на его личные средства изданы «Древности Российского государства» и другие труды по археологии, где он выступал в качестве автора. Его перу принадлежит археологическое описание Дмитриевского собора во Владимире-на-Клязьме, древности которого были отреставрированы на его же средства. Был отменным знатоком

²³ Генерал-лейтенант (с 30-х годов до конца XVIII в. генерал-поручик) – третье по старшинству воинское звание после генерал-фельдмаршала и генерал-аншефа.

Александр Григорьевич
Строганов (1797–1891),
граф

русской иконописи и нумизматики и обладал богатейшими коллекциями того и другого. Оставил о себе память в истории и как основатель в 1825 г. в Москве первой рисовальной школы – Строгановского училища. Графский титул воспринял от Павла Александровича Строганова, женившись на его дочери – Наталье Павловне ²⁴ и став графом раньше отца. Умер в чине генерала от кавалерии ²⁵ и в звании генерал-адъютанта.

Строганов Александр Григорьевич (1797–1891).

Граф, генерал-адъютант, член Госсовета, товарищ министра (1834–1836) и министр внутренних дел (1839–1841). Закончил корпус инженеров путей сообщения. Участник Отечественной войны 1812 года. Был военным губернатором С.-Петербурга (1854). В разное время, в общей сложности около 11 лет, – генерал-губернатор Черниговский, Полтавский, Харьковский, Новороссийский и Бессарабский. Был президентом Одесского общества «Истории и древностей Российских», коему сделал многие пожертво-

²⁴ Дабы не прервать эту славную ветвь Строгановского рода, дочь Павла Александровича – Наталья Павловна – была выдана замуж за барона Сергея Григорьевича Строганова (дальний родственник из другой ветви Строгановых. – Ю. Г.) с передачей ему графского достоинства и майората (недвижимого наследства) – свыше 80 тыс. крестьян и до 1,3 млн десятин земли.

²⁵ Генерал от кавалерии – звание, до 1796 г. – генерал-аншеф (полный генерал). Второй, после генерал-фельдмаршала, воинский чин.

вания, Громаднейшую личную библиотеку завещал Томскому университету.

Таковы самые краткие сведения о деяниях пяти представителей Строгановского рода. Путем женитьб и замужеств Строгановы породнились с известнейшими княжескими и графскими родами (Воронцовыми, Трубецкими, Мещерскими, Кочубеями, Голицыными и т. д.), войдя в высший слой российской аристократии.

Говоря о Строгановых, нельзя обойти вниманием тот факт, что Григорий Александрович и его вторая жена – Юлия Павловна, а также Сергей Григорьевич были тесно связаны с семьей А. С. Пушкина. Григорий Александрович являлся двоюродным дядей жены Пушкина – Натальи Николаевны, урожденной Гончаровой, а Сергей Григорьевич – двоюродным братом ее. Сводная сестра Сергея Григорьевича – Идалия Григорьевна Полетика, женщина красивая и умная, была внебрачной дочерью Григория Александровича, который, овдовев, женился на ее матери. Однако Идалию не удочерил, и она считалась «воспитанницей». Это обстоятельство, вероятно, и сформировало ее характер – злобный и мстительный. Пушкинисты до сих пор так и не могут выяснить истинную причину ее ненависти (то ли ее влюбленность и даже связь с Дантесом, то ли отвергнутая любовь ее к Пушкину), но все согласны с тем, что она строила козни против Пушкина и мстила ему даже после его смерти. Вот как говорят об этом И. Ободовская и М. Дементьев в своей книге «Наталья Николаевна Пушкина»: «...В течение всей своей остальной жизни Полетика продолжала ненавидеть Пушкина, и когда в старости она жила в Одессе, где собирались поставить памятник Пушкину, она говорила, что специально поедет, чтобы плюнуть на него». А ведь именно она явилась едва ли не главной виновницей гибели поэта, подстроив свидание-ловушку Н. Н. Пушкиной с Дантесом в своем доме, которое во многом предопределило неизбежность роковой для Пушкина дуэли. Думается, что не без пагубного влияния И. Г. Полетики граф Г. А. Строганов в истории с дуэлью принял сторону Дан-

теса²⁶, хотя, справедливости ради, следует отметить, что после смерти поэта возглавил опекунский совет над его детьми и неоднократно оказывал материальную помощь Н. Н. Пушкиной из собственных средств.

Осуждения потомков, в широком смысле слова, Строгановы избежали. Характерны в этом смысле слова Анны Ахматовой в ее прозаической заметке «Слово о Пушкине»: «...После этого океана грязи, измен, лжи, равнодушия друзей и просто глупости ПОЛЕТИК и НЕ-ПОЛЕТИК, РОДСТВЕННИКОВ Строгановых...». Однако не все так однозначно. Объективности ради рассмотрим несколько писем А. С. Пушкина и Н. Н. Пушкиной к Г. А. Строганову.

Письмо А. С. Пушкина к графу Г. А. Строганову. Не ранее 11 апреля 1834 г.: «Граф, весьма печально искупаю я заблуждения молодости. Лобзание Лелевеля²⁷ мне горше ссылки в Сибирь. Благодарю вас, однако ж, за то, что соблаговолили сообщить мне данную статью: она послужит мне текстом для проповеди. Прошу вас, граф, повергнуть меня к стопам супруги вашей и принять изъявление моего высокого уважения. Александр Пушкин».

Из письма Н. Н. Пушкиной брату Дмитрию Николаевичу от 2 ноября 1841 г.: «...Последние дни, что мы провели в деревне, были что-то ужасное, мы буквально заморозили. Граф Строганов, узнав о моем печальном положении, великодушно пришел мне на помощь и прислал необходимые деньги на дорогу...»²⁸

²⁶ Г. А. Строганов с женой были посаженными отцом и матерью со стороны невесты на свадьбе Дантеса с сестрой Н. Н. Пушкиной – Екатериной Николаевной Гончаровой.

²⁷ Лелевель – польский революционер-эмигрант. В одной из своих речей приписал Пушкину произведения, осуждающие николаевский режим, и утверждал, что Пушкин находится в ссылке. Текст статьи, направленной против речи Лелевеля, был передан Г. А. Строгановым А. С. Пушкину.

²⁸ Для возвращения из Михайловского в Петербург.

Из письма Н. Н. Пушкиной брату Дмитрию Николаевичу от 17 сентября 1842 г.: «Ты, может быть, будешь удивлен, дорогой, добрейший Дмитрий, увидев петербургский штемпель на моем письме. Столько разных неприятных обстоятельств, и самых тяжелых, произошли одни за другими этим летом, что я вынуждена была ускорить на два месяца мое возвращение. Это решение было принято после письма графа Строганова, который выслал мне 500 рублей на дорогу (зная, что у меня ни копейки), настоятельно рекомендуя мне вернуться незамедлительно...»²⁹

Из письма Н. Н. Пушкиной брату Дмитрию Николаевичу от 18 марта 1843 г., Петербург: «...Приезд сюда графа Сергея Строганова полностью изменил мои намерения. Он был так добр принять участие в моих детях, и по его совету я решила отдать своих мальчиков экстернами в гимназию, то есть они будут жить дома и ходить туда только на занятия...»

Приведенное свидетельствует о тесной связи Пушкиных со Строгановыми и о доверительном характере их отношений.

После смерти А. С. Пушкина Наталья Николаевна, уезжая из Петербурга в Полотняный Завод³⁰, подает на высочайшее имя прошение об утверждении опеки над детьми поэта. В нем она, в частности, писала: «...Дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было сие мое прошение принять, малолетних детей моих взять в заведывание С-Петербургской дворянской опеке и, утвердив поименованных выше лиц в звании опекунов детей моих, учинить распоряжение, как законы повелевают...» Опекунами, по представлению Натальи Николаевны, были утверждены: Г. А. Строганов, председатель опекунского совета,

²⁹ 18 августа 1842 г. в Петербурге умерла тетушка Н. Н. Пушкиной – Екатерина Ивановна Загряжская, любившая Наталью Николаевну и ее детей и много помогавшая им материально.

³⁰ Полотняный Завод – родовое гнездо Гончаровых в Калужской губернии.

В. А. Жуковский³¹, М. Ю. Виельгорский³² и Н. И. Тарасенко-Отрешков³³ – люди, которых вдова поэта уважала и на которых надеялась.

И еще одно свидетельство из уже упоминавшейся книги И. Ободовской и М. Дементьева: «...Графиня Юлия Павловна Строганова поддерживала родственные отношения с семьей Пушкиных и при жизни поэта. Он бывал у них в доме, часто встречались они в свете. Юлия Павловна “почти безотлучно” находилась в квартире умершего Пушкина...» Там же в то время были М. Ю. Виельгорский и Г. А. Строганов, который после смерти поэта взял на себя все расходы по похоронам.

Такова в общих чертах история взаимоотношений Пушкиных и Строгановых, обойти молчанием которую было бы несправедливо.

Меценатство и благотворительность были нередким явлением среди русских предпринимателей и промышленников, но и в этом деле Строгановы сумели отличиться. Еще Аника Федорович собрал громадную библиотеку, производя при этом многие щедрые «вклады» (книгами). Музыкальная традиция, восходящая к певческому искусству церковных хоров Урала и Севера, также связана с именем Строгановых.

Итак, Строгановы. На фамильном гербе Строгановых было начертано «Отечеству – богатство, себе – имя». Эти слова как нельзя лучше характеризуют сущность деятельности

³¹ В. А. Жуковский – русский поэт, друг А. С. Пушкина.

³² М. Ю. Виельгорский – государственный деятель, композитор-дилетант, меценат, друг Пушкина, автор музыки к некоторым песням на стихи Пушкина.

³³ Тарасенко-Отрешков – писатель, экономист. В 1832 г. сотрудничал с Пушкиным в период подготовки выпуска газеты «Дневник», которая так и не стала выходить. После 1832 г. общение с Пушкиным эпизодично. В опекунский совет вошел при покровительстве Г. А. Строганова, но возлагавшихся надежд не оправдал.

этих «лучших представителей дворянства, жертвовавших собой и всем, что им было дорого, во славу и на пользу Отечества».

Памятник Ермаку, покорителю Сибири (Из газеты «Пермские губернские ведомости»¹)

В «Приазовском крае» читаем следующую заметку, близко касающуюся истории наших пермских земель.

«В областном правлении получена модель памятника покорителю Сибири, атаману Ермаку Тимофеевичу, исполненная академиком Беклемишевым. Вопрос о сооружении в Новочеркасске этого памятника тянется уже многие годы, но теперь, по-видимому, он близок к окончательному решению. Несколько лет тому назад войсковому (казачьему) начальнику были представлены модель и рисунки памятника Ермаку, исполненные академиком Микешиним. Модель, однако, была признана не удовлетворяющей тем требованиям, какие были представлены войсковым начальством. Теперь она стоит в здании межевой комиссии. По проекту Микешина, памятник стоил очень дорого. Автор проекта получил от войска, кажется, 5000 руб., и дело сооружения было отложено.

Модель г. Беклемишева изображает знаменитого покорителя Сибири стоящим на скале со знаменем в левой руке, в кольчуге, жалованной ему царем Иоанном Грозным, с орлом на груди, в шлеме. Правая рука его опущена, в ней атаман держит булаву. На плечах Ермака шуба, пожалованная ему с царского плеча. Знамя падает красивыми складками. Внизу, на лицевой стороне скалы, выделяется выступ, на котором сидит орел, охраняющий корону сибирского царства.

В общем, модель исполнена вполне удачно и верно передает эпоху Грозного царя. В этом отношении модель г. Беклемише-

ва выгодно отличается от модели Микешина, у которого Ермак изображен в виде былинного богатыря, удалого добра молодца, что, собственно, и не понравилось лицам, знакомым с историей донского казачества, призванным высказывать свое мнение.

По проекту академика Беклемишева, памятник обойдется в 35 000 руб. с лишним, т. е. он будет стоить значительно дешевле, чем исчислялось по смете Микешина.

В настоящее время в распоряжении войскового начальства на сооружение памятника Ермаку имеется солидная сумма, достигающая 100 000 рублей».

Заметка эта наводит нас на многие размышления. Почему, например, памятник Ермаку сооружает донское казачество? Если потому, что он был уроженец Кочалинской станицы на Дону и, следовательно, донским казаком, то на это можно заметить, что происхождение Ермака в точности неизвестно: существует также предание, что он был родом с берегов Камы. Во всяком случае, мысль поставить памятник Ермаку делает честь донскому казачеству, которое не забывает прошлую судьбу отечества и людей, оказавших родине великие услуги.

А мы, пермяки, совершенно забыли, чем обязаны Ермаку. Не говоря уже об упомянутом предании, указывающем на происхождение Ермака с берегов Камы, следует помнить, что жизнь Ермака не прошла бесследно для нашего края, доказательством чего имеются и исторические памятники, как, например: Ермаково городище — имя нескольких урочищ в Пермской губернии, в Кунгурском уезде, на р. Серебрянской, и в Верхотурском уезде, на р. Тагиле, где, по преданию, было построено Ермаком укрепление. В Кунгурском уезде, на р. Чусовой, при впадении речки Ермаковки, находится береговая скала, носящая название «Ермак-камень», с пещерой внутри, которую предание связывает с именем Ермака, будто бы здесь зимовавшего и спрятавшего свои сокровища.

«Спасаясь от московских воевод, — говорится в энциклопедическом словаре Брокгауза, — дружина казаков (больше

¹ См.: Пермские губернские ведомости. 1898. 22 фев.

500 человек), под начальством атаманов: Ермака Тимофеевича, Ивана Кольцо, Якова Михайлова, Никиты Патана и Матвея Мещеряка, пошла вверх по Каме и в июне 1579 г. прибыла на р. Чусовую, в Чусовские Городки бр. Строгановых». Оттуда уже в 1581 г. Ермак выступил со своей дружиной в поход за Каменный Пояс (Урал).

Все эти исторические сведения доказывают неоспоримо факт пребывания Ермака в Пермской губернии. Но и, помимо одного факта пребывания Ермака в пределах Пермской губернии, самый важный момент из жизни дружины – покорение Сибири, обессмертивший имя ее атамана – Ермака, имеет громадное значение в развитии всего нашего края.

Благодаря завоеванию Сибири Пермская губерния завела обширную, в особенности транзитную в Сибирь, торговлю. Ирбитская ярмарка, занимающая после Нижегородской первое место в России, производит обширный обмен азиатских и европейских товаров, идущих из европейской России в Сибирь и обратно (с проведением Сибирской железной дороги значение г. Перми как транзитного пункта между Сибирью и Европой начнет умаляться). Все это в достаточной степени говорит о том громадном значении, какое имело завоевание Ермаком Сибири для нашего Пермского края.

Вообще наш город ничем не проявляет уважения к своей старине. Взять любой, более или менее благоустроенный город, и в нем можно найти хотя бы недорогой памятник какому-нибудь событию, имевшего серьезное значение в его истории и напоминающего потомкам о том славном былом, которое, хотя и кануло в вечность, но должно быть живо в сердцах всех горожан. У нас же в Перми нет ни одного памятника, как будто бы история как всего нашего края, так и города настолько бедна, что в ней не произошло ни одного события, достойного означенных. Между тем, хотя наш край сравнительно еще молод и первые исторические сведения о нем не касаются такой глубокой старины, как история некоторых внутренних областей России, но, тем не менее, и эти несколько сотен лет,

известных истории края, в высшей степени богаты событиями, оказавшими значительное влияние на последующую и настоящую жизнь края. Говорить о пользе изучения истории – это повторять азбучную истину.

Напомним только, что по уважению к своей старине можно судить о культуре народа.

Не можем отказать себе в удовольствии сказать кстати несколько слов о прошлом нашего края. В июне будущего года (1899) истекает 320 лет со времени прибытия Ермака со своей дружиной в пределы Пермской губернии. В текущем году (1898) исполняется 175 лет постройки Егошихинского завода, который дал повод к основанию Перми.

Почему бы нашей археологической комиссии не заняться хоть изданием популярных дешевых брошюр, которые знакомили население с его прошлым? Многие ли из пермяков знают историю не только своего города, но и всего края! На помощь такому важному в деле народного саморазвития, как издание популярно изложенных брошюр по истории края, предприятию, можно быть уверенным, придет каждое общественное учреждение.

Пожелаем, чтобы изложенное не осталось гласом вопиющего в пустыне, а было принято близко к сердцу теми гражданами, которым дорога судьба своего края.

Ермаковы лебеди

Из уральских сказов известного
русского писателя П. П. Бажова (1879–1950)

Так, говоришь, из донских казаков Ермак был? Приплыл в наши края и сразу в сибирскую сторону дорогу нашел? Куда никто из наших не бывал, туда он со своим войском по рекам проплыл?

Ловко бы так-то! Сел на Каме, попотел на веслах, да и забрался на Туру, а там гуляй по сибирским рекам, куда тебе

любо. По Иртышу-то вон, сказывают, до самого Китая плыви – не тряхнет!

На словах-то вовсе легко, а попробуй на деле – не то запоешь! До первого разводья доплыл, тут тебе и спотычка. Столбов не поставлено и на воде не написано: то ли тут протока, то ли старица подошла, то ли другая река выпала. Вот и гадай, – направо плыть али налево плавать? У куличков береговых, небось, не спросишь и по солнышку не смекнешь, потому – у всякой реки свои петли да изгибы и никак их не угадаешь.

Нет, друг, ты не думай, что по воде дорожка гладкая. На деле по незнакомой реке похитрее будет, чем по самому дикому лесу пробираться. Главная причина – приметок нет, да и не сам идешь, а река тебя ведет. Коли ты вперед ее по пути не узнал, так только себя и других намаешь, а можешь и вовсе с головами загубить.

Это по нынешним временам так-то, а в Ермакову пору и того мудренее было. Тогда, поди-ко, не то что в Сибири, а и по нашим местам ни единого русского человека не жило. Из здешних рек одну Каму знали да Чусовую маленько, а про Туру и Иртыш слыхом не слыхали. Вот и рассуди, как при таком положении заезжий человек пути-дороги по рекам разберет. Листов-то, на коих всяка речка-горочка обозначены, тогда и в помине не было, и жоака не найдешь, потому – никто из наших в той стороне не бывал.

Нет, брат, зряшний твой разговор выходит! Чусовские старики об этом складнее сказывают.

Так будто дело-то было.

Когда еще по нашим местам ни одного города, ни одного завода либо села русского не было, у Строгановых на Чусовой реке сельцо было поставлено. Сельцо малое, а городом называлось, потому – крепко огорожено. Канавы кругом, вал земляной, а по валу тын из высоких бревен-стояков. С двух сторон ворота высокие поставлены, да еще башни срублены. На случай, чтоб оттуда стрелять либо камнями бросать, а то

и кипятком поливать, коли кто непрошенный ломиться станет. И ратные люди в этом Чусовском городке жили. Ну, и крестьяне тоже.

В том числе был Тимофей Аленин. По доброй воле он туда пришел али ссылкой попал – это сказать не умею, только жил семейно. И было у него, ровно в сказке, три сына, только дурака ни одного. Все ребята ладные да разумные, а младший Васютка из всех на отличку. И лицом пригож, и речами боек, и силенкой не по годам вышел.

Хоть говорится, что атаманами люди не рождаются, а все-таки смолodu угадать можно, кому потом кашу варить, кому передом ходить.

Своей-то ровней этот Васютка с малых лет верховодил, а любимая забава была у него в развед ходить.

У ворот-то, дескать, стоять – не много увидишь, вот он и сбил из своих ровесников ватажку копейщиков, с саженными, значит, палками. Караульным при воротах, конечно, сказано было, чтобы одних мальцов без большого за городской тын не выпускать, только этот Васютка нашел дорогу. Он что придумал? Подойдет к тыну с веревкой: прислонит свою палку-копье к стене, захлестнет верхушку столба петлей, взлепит по узлам веревки на тын, перекинет первым делом свое копье на другую сторону, спустится туда же сам и палкой петлю снимет, да и покрикивает:

– Ну, кто так же?

Кому из ребят этого сделать не под силу, того сейчас же из игры долой.

– Нам таких копейщиков со слабиной не надо!

За такую игру Васютке и другим ребятам не раз доставалось от больших, да только ребятам все нейдет. Нет-нет – и утянутся за городской тын.

Вот раз убрался в лес далехонько, да и потеряли друг дружку из виду. Кто побоязливее, те сразу крик подняли и живо сбегались. Одного Васютки нет. Что делать? Хотели сперва домой бежать, да постыдились: как мы своего жоака оставим.

Стоят, значит, у какой-то речки да кричат, сколько голосу есть. Потом насмелились, вверх по речке пошли, а сами, знай, свистят да ухают.

А с Васюткой такой случай вышел. Он по этой же речке вверх далеко зашел. Вдруг слышит – шум какой-то. Васютка хотел повернуться, да спохватился:

– Так-то меня скорее услышат.

Он и прижался в кустах. Сидит, слушает. Шум близко, а понять не может, кто шумит. Васютка тогда взмогился потихоньку на сосну, огляделся и увидел... Выше-то речка надвое расходится. Островок тут пришелся. Островок высоконый, полой водой не заливает. Поближе к воде таловый куст, а из него лебедь шею вытянул, да и шипит по-гусиному, вроде как сердится. По речке, прямо к тому месту, медведь шлепает. Мокрехонек весь. Башкой мотает, а сам рычит, грызает. На него другой лебедь налетает, крыльями бьет, клювом с налету долбит. Лебедь, конечно, птица большая. Крылья распахнет, так шире сажени. Понимай, какая в них сила! И ноготок на носу, хоть красный, а не из клюквы. Долбанет им, так и медведь завизжит, завертится, как собака. Ну, все-таки где же лебедю с медведем сладить? Изловчился мишка, загреб лебедя лапами, и только перья по речке поплыли. Тут другой лебедь с гнезда снялся и тоже на медведя налетел. Только медведь и этому голову свернул и поволок на бережок, а сам ревет, будто жалуется, – вот как меня лебеди отделали! И лапой по глазам трет.

Вытащил убитого лебедя на травку береговую, почавкал маленько, да не до того, видно, ему. Нет-нет и начнет возить лапой под глазами. Потом что-то насторожился, уши поднял и морду вытянул. Постоял так-то, затряс башкой.

– Фу ты, пакость какая!

Забросал лебедя сушняком, прихлопнул ворох лапой, да в лес. Только сучья затрещали.

Как стихло, Васютка слез с дерева и пошел ко гнезду, – что там? Оказались лебединые яйца. Они на гусиные походят,

только много больше и позеленее кажутся. Пощупал рукой, – они вовсе теплые, нисколько не остудились. Васютке жалко лебедей-то, он и подумал:

– А что если эти яички под баушкину гусяшку подсунуть? Выведутся, поди-ко? Как бы то их в целости донести да не остудить?

Вытряхнул из своего мешка хлеб, надрал сухого моху, набил им мешок да туда и пристроил три яичка. Больше-то взять побоялся, как бы не разбить. И то подумал, – много-то взять, баушка скорее заметит.

Устроил все, да и пошел вниз по реке. Про то и не подумал, что заблудится. Знает, что речка к Чусовой выведет. Подошел маленько, слышит – ребята кричат да свистят! Тут Васютка и догадался, почему медведь убежал.

Известно, зверь и ухом и носом дальше нашего чует, и человеческого голосу не любит. Услышал, видно, ребят-то, да и убежал.

Откликнулся Васютка на ребячий голоса. Скоро все сошлись, и Васютка рассказал ребятам, что с ним случилось. Ребята как слышали про медведя, так и заоглядывались, – вдруг выскочит, – поскорей зашагали к дому. В другой раз Васютка настыдил бы своих копейщиков, а тут не до того ему. Об одном забота – как бы в сохранности свою ношу донести.

У Васютки матери в живых давно не было. Всем хозяйством правила баушка Ульяна. Старуха строгая, поблажки внучатам не давала, да и на отца частенько поварчивала.

Первым делом на Васютку накинулась: где шатался? Ну, он отговорился:

– За мохом в лес ходил. Угол у конюшенки законопатить. Помнишь, сама тятя говорила, да он все забывает. Я вот и при-тащил полный мешок. Только мокрый мох-то, подсушить его надо на печке.

И сейчас же на печь залез.

Баушка еще поворчала маленько, спросила – с кем ходил да почему не сказался, потом и наказывает:

– Ты потоньше расстели. По всей печке!

Васютке того и надо. Забился подальше на печь, вытащил лебединые яички, завернул их в тряпки, положил на самое теплое место, а мох по всей печке раструсил.

Как темно стало, шапку зимнюю надел, взял яички да полез к гусишке, которая на гнезде сидела. Та, понятно, беспокоится, клует Васютку в голову, в руки, а он свое делает. Вытащил из гнезда три гусиных яйца и подложил лебединые.

Гушишка и на другой день беспокоилась, перекатывая лапами яйца, а все ж таки чужие не выбросила. Баушка подходила поглядеть, да тоже не разглядела, подивилась только:

– Какие-то ноне яйца неровные. Которые больше, которые меньше! К чему бы это?

Васютка знай помалкивает, а чтоб улики не было, он вытащенные из гнезда яйца за городской тын выбросил.

Так оно и прошло незаметно. В одном не сошлось: гусиные яйца еще ничем-ничего, а лебедята уже проклюнулись, запопи-скивали. Баушка Ульяна всполошилась:

– Что за штука? До времени гусята вылупились! Беспременно это к мору или к войне!

Гусь этих своих детей к себе не подпускает, и гушишка, как виноватая, ходит, а все ж таки лебедят не бросила. Зато Васютка больше всех старается. Прямо не отходит, поит их, кормит вовремя. Баушка, на что строгая, и похвалила Васютку перед старшими братьями.

– Вы, абы, учились бы у малого, как баушке пособлять! Гляди-ко, вон он и моху притащил, и за гусятами ходит, а вы что? Из чашки ложкой – только и есть вашей работы!

Братья знали, в чем штука, посмеиваются:

– Осенью, баушка, по-другому не заговори!

Баушка пуще того сердится, ухватом грозит – уходи, значит, а не то попадет.

К осени, и верно, обозначилось, что у Алениных лебеди растут. Соседки подсмеиваются над баушкой Ульяной: не доглядела, вырастила лебедей, а куда их, коли колоть за грех счи-

талось. Баушка – старуха нравная, ей неохота свою оплошку на людях показать, она и говорит:

– Нарочно так сделала. Принес внучонок лебединые яйца, вот и захотела узнать, улетят лебеди али нет, если гушишка их выведет.

На Васютку все ж таки косо запоглядывала:

– Вон ты какой! Еще от земли невысоко поднялся, а какие штуки вытворять придумал!

У Васютки свое горе. Два-то лебеденка стали каждый день драться. Прямо насмерть бьются, и не подходи – сшибут, не заметят. А третий лебеденок в драку никогда не связывается, в сторонке ходит.

Кто-то из больших и объясняет Васютке:

– Это, беспременно, лебедка, а те, видно, лебеди. Пока один другого не отгонит, всегда у них драка будет. Как бы насмерть друг дружку не забили!

Баушка, на эту драку глядучи, вовсе взъедаться на Васютку стала, а он и так сам не свой, не придумает, как быть? Кончилось все-таки тем, что лебеденок с реки не вернулся. Остались двое – и драки не стало.

Утихомирилось ровно дело, а баушка Ульяна пуще того взъедаться стала. Видит, дело к зиме пошло, она и думает, сколько корму этой птице понадобится, а толку от нее никакого, если колоть нельзя. Ну, баушка и давай лебедей отгонять. С метлой да палками с ними бегает. Лебеди тоже ее невзлюбили: не тот, так другой налетит, с ног собьет да еще клювом стукнет.

Тут старуха и говорит сыну решительно:

– Что хочешь, Тимофей, делай, а убирай эту птицу со двора, не то сама уйду, – правься, как знаешь, с хозяйством!

Васютка видит – вовсе плохое дело выходит, приуныл. Дай, думает, хоть заметочку какую-нибудь сделаю: может, когда и увижу своих лебедей. Взял и привязал на крепкой ниточке каждому на шею по бусинке: лебедю – красненькую, а лебедушке – синенькую. Те тоже будто разлуку чувят, – так и льнут к Васютке, а он со слезами на глазах ходит. Ватажка – копейщики-то – подсмеиваться даже стала:

— Завяз наш вожачок!

Только Васютка вовсе и не стыдится.

— До слез, — говорит, — жалко с лебедями расставаться. Улетят ведь и забудут про меня!

Лебеди ровно понимают этот разговор. Подбегут к Васютке, шею свою ему под руку подсунут, будто поднять собираются, головами прижимаются да потихоньку и переговариваются.

— Клип-анг, клип-анг!

Дескать, будь спокоен — не забудем, не забудем!

Как вовсе холодно стало да потянулась вольная птица в полуденную сторону, так и эти лебеди улетели. Всю зиму их было не видно, а весной опять в этих краях появились. Только к Тимофею на двор больше не заходили, а где увидят Васютку, тут к нему и подлетят, поласкаются.

Да еще баушку Ульяну подшибли, как она на гору с ведрами шла. Не сильно все ж таки, а так только, попугали да водой оплеснули, вроде пошутили. Помним, дескать, Васюткину ласку и твою палку не забыли. Такой тебе от нас и ответ!

Дальше так и повелось. Как зима — лебедей не видно, а весной и летом хоть раз да к Васютке подлетят. Потом он сам научился их подманывать. Выйдет на открытое место да крикнет как они:

— Клип-анг, клип-анг!

Вскорости который-нибудь, а то и оба прилетят, только крылья свистят, будто тревожатся, — не обидел ли кто Васютку. Если близко человек случится, его так с налету шархнут, что сразу на землю кувырнется. А к Васютке заковыляют, шею чуть не по земле вытянут, крыльями взмахивают, шипят да подпрыгивают, как домашние гуси, когда к корму идут, — радуются.

Ну, вот... за летом зима, за зимой лето... сколько их прошло, не считал, а только из Васютки такой парень выправился, что заглядеться впору. И речист, и плечист, умом и ухваткой взял и лицом не подгадил: бровь широкая, волос мягкий, глаз веселый да пронзительный.

Из тысячи один, а то и реже такой парень выходит, и должность себе хорошую доступил. Парень приметливый да памя-

ливый и новые места поглядеть охотник. Хлебом его не корми, только дай сплавать, где еще не бывал. Вот он и узнал лучше всех речные дороги. Всех стариков, которые при этом деле стояли, обогнал.

Строгановы, понятно, заметили такого парня, кормщиком его поставили и похваливать стали:

— Хоть молодой, а с ним отправить любой груз надежно.

Скоро Тимофеича по всем строгановским пристаням узнали. Удачливее его кормщика не было. Как дорогой груз да дорога мало ведома, так его и наряжают.

И с народом у Василья обхождение лучше нельзя. Любили парня за это. С ребячьих лет кличка ему ласковая осталась — наш Лебедь.

С женитьбой у Василия заминка вышла. Все его товарищи семьями давно обзавелись, а он в холостых ходил, и отец его не неволил: как сам знаешь. Ну, вот видит Василий — пора, и стал себе лебедушку подсматривать.

Такому парню невесту найти какая хитрость! Любая бы девка из своей ровни за него с радостью пошла, да он, видно, занесся маленько. Тут у него оплошка и случилась.

В Чусовском городке, конечно, начальник был. Воеводой ли — как его звали. А у этого воеводы дочь в самой невестинной поре. Василий и стал на ту деваху заглядываться.

Родня да приятели не раз Василию говаривали:

— Ты бы на эти окошка вовсе не глядел. Не по пути ведь! А то, гляди, еще бока намнут.

Только в таком деле разве сговоришь с кем, коли сердцу припало. Не зря сказано — полюбится сова, не надо райской пташки. Зубами скрипнет Василий:

— Не ваше дело! — А сам думает:

«Кто мне бока намнет, коли у самого плечо две четверти и кулак полпуда».

Деваха та, воеводина-то дочь, по всему видать, из обманных девок припалась. Бывает ведь — лицом цветок, а нутром — головешка черная. Эта деваха хоть ласково на Василья поглядыва-

ла, а на уме свое держала. Раз и говорит ему из окошка тихонько, будто сторожится, чтоб другие не услышали:

– Приходи утром пораньше в наш сад. Перемолвиться с тобой надо.

Василий, понятно, обрадовался. На заре, чуть свет, забрался в воеводский сад, а тут его пятеро воеводских слуг давно ждали, и мужики здоровенные, на подбор. Сам воевода тут же объявился, распорядок ведет:

– Вяжи холопа! Волоки на расправу!

Тимофеичу что делать? Он развернулся и давай гостинцы сыпать: кому – в ухо, кому – в брюхо. Всех разметал, как котят, а сам через загородку перемахнул. Шум, понятно, вышел. Еще люди набежали, а воевода, знай, кричит:

– Хватай живьем!

Василий видит – туго приходится, к Чусовой кинулся. Ворота городские по ранней поре еще заперты, да ему что! Сорвал с себя пояс, на бегу петлю сделал, захлестнул за стояк да старым обычаем и перекинулся за городской тын. Выбежал на берег, выбрал лодочку полегче да шест крепче и пошел по Чусовой сверху.

Время, видишь, внешнее. Чусовая в полную силу шумела. На веслах вверх не выгребешь и с шестом умеючи надо, чтоб, значит, все гривки-опушышки на дне хорошо знать. Василий и понадеялся на свою силу да сноровку.

– Ну, кому, дескать, по такой воде меня догнать.

Только не так вышло.

Сколько ведь силы ни будь у человека и хоть как он реку ни знай, а не уйти ему против воды от погони, коли там шесту веслами помогают и смена есть. Как на грех, в одном месте промахнулся – ткнул шестом, а не маячит: дна не достает. Лодку и закружило. Пока Василий справлялся, погоня – тут она. На трех лодках человек, может, сорок, а то и больше. Одно Василью осталось – в воду и на берег. А там что будет. Только тоже дело не надежное: чует, что из сил выбился, да и весной в лесу мудрено прятаться, – потому след сдалека видно.

Воевода на задней лодке на корму взмогнулся, будто сам правит. Увидел Васильеву неустойку – радуется:

– А, попался, холопья душа!

Василий оглянулся, хотел ответным словцом воеводу стегнуть и видит – высоко в небе над рекою два лебедя летят. И от солнышка видно, что на шеях у них как искорки посверкивают.

Обрадовался Василий, куда и усталость ушла, во весь голос закричал по-лебединому:

– Клип-анг, клип-анг!

А лебеди знают свое дело. Сверху-то, видно, все разглядели.

Налетел один на заднюю лодку и так крылом воеводушибанул, что того вниз головой в воду бултыхнул. Другой лебедь на передней лодке двух шестовых опрокинул, да и весловых успел погладить: у кого нос в крови, у кого на лбу шишка.

Большая у погони заминка вышла: воеводу из воды добывать пришлось. Мужик сырой да тяжелый, а внешняя вода, известно: легкая да игривая. Любо ей со всякой колодиной побаловаться. Подхватила она воеводу и давай крутить – вот-вот пузыри пустит. Поймали все-таки, выволокли. Чуть живой с перепугу, зуб на зуб не попадает, а свое не забыл:

– Живьем хватайте! Не уйти ему.

А чего не уйти, коли Василья давно не видно. Лебеди сполуху погоне наделали, сели на воду, подплыли к Васильевой лодочке, один справа, другой слева кормы как зажали лодку-то, да и повели так, что лес на берегу бегом побежал. Известно, против лебедя на воде птицы нет. Сдаля поглядеть – будто не шевельнется, а попробуй – поровняйся с ним!

Так и потерялся Василий. Сколько воевода ни гонял людей, даже следа не видали. И то сказать, побаивались воеводские посланцы далеко по реке заходить, а Василий с лебедями всю Чусовую до края прошел. Все речки-старичи изведаль, да и в окрестности поглядел. Любопытствовал к этому.

Вот тогда ему, может, первому из наших и довелось сибирской водицы из Тагила-рски попить. Дошел, видишь, до какой-то

неведомой речки и по уклону понял, что она на восход солнца пошла. Василия и потянуло, — что там, дальше-то, да лебеди заартачились, крыльями замахали: не выдумывай! Василий их и послушался, не пошел по Тагилу.

Эти лебеди в то лето гнезда себе не вили, все около Василия старались. Мало что от воеводы ухранили да речные просторы показали, они еще открыли ему все здешнее богатство.

Поднимет лебедь правое крыло, так покажет на горку какую либо на ложок, поглядит Василий на то место и увидит насквозь: где какая руда лежит, где золото да каменья. Поднимет лебедь левое крыло, и Василию весь лес на берегу на многие версты откроется: где какой зверь живет, какая птица гнездится. Ну, как есть все.

При таких лебедях, понятно, об еде да питье Василию и заботы не было. Подведут лебеди лодочку к какому-нибудь крутику, похлопают крыльями, и откроется в том крутике ходок, как проточка малая. Заведут лебеди лодку в эту проточку, а там как пещера выкопана, и в ней поесть и попить приготовлено.

Все бы ладно, да без людей тоскливо. И то Василию покою не дает — воеводина дочь из мыслей не выходит. Думает, что она не по своей воле его подвела, а кто-нибудь разговор подслушал. Ну, Василий и жалел эту деваху.

— Теперь, поди, взаперти сидит да слезы льет, моя горюшенька!

Тосковал-тосковал и надумал:

— Жив не буду, а вызволю ее!

Лебеди видят — к дому Василья потянуло, головами покачивают:

— Ни к чему придумал! Ой, ни к чему!

Дорогу все-таки не загораживают:

— Воли, дескать, с тебя не снимаем, — как хочешь!

Когда Василий лодку в домашнюю сторону повернул, лебеди даже пособили ему. В один день лодку с самого верху

до Чусовского городка довели. Посчитай, сколько на час придется!

Довели Василья до знакомых ему мест, поласкались маленько, как простились, а сами одно наговаривают:

— Клип-анг! Клип-анг!

Вроде наказ дают: когда тебе надо, кричи нам!

Поднялись лебеди, улетели. Остался Василий один. Гребтись ему поскорее в город пробраться. Еле-еле потемок дождался, даром что время к осени и темнеть рано стало.

В городок попасть, чтобы караульные не видели, Василью привычно. Переметнулся через тын, где сподручнее, и пошел по городку. Идет спокойно, ни одна собачонка не гавкает. Недаром, видно, говорится — на смелого и собаки не лают.

Хотел сперва Василий понаведаться к кому-нибудь из старых своих ватажников-приятелей, разузнать про здешние дела, да мимо родного дома как пройдешь. Любопытно Василью хоть через прясло поглядеть. Остановился он, постоял и чувствует — не так будто стало, не по-старому, а в чем перемена — понять не может.

«Дай, — думает, — погляжу поближе».

Перелез тихонько в ограду, походил в потемках-то — живым вовсе не пахнет. Сунулся к дверям в сенки, там крестовина набита — никто, значит, не живет.

— Что за беда стряслась? Куда все подевались?

Сел Василий на крылечко, задумался. В городке вовсе тихо. Только все ж таки еще копошатся люди. То двери скрипнут, то кашляет кто, слово какое долетит. И вот слышит Василий — близехонько кто-то не то поет, не то причитает:

Лебедь ты мой Васенька!

Где летаешь ты, где плаваешь?

Поглядеть одним бы глазоньком,

Перемолвиться словечушком!

Поет эдак, собирает разные девичьи жалостливые слова про кручину свою лютую да про злу-разлучницу, как она насме-

ялася, утнала лебедя милого, загубила его батюшку родимого, милых братцев в беду завела.

Слушает Василий — про него песня сложена, голос густой да ласковый, а кто поет — домекнуть не может. Тут голос слышно стало. Вроде как мать заворчала:

— Опять ты за свое! Добры люди спать легли, а ей все утому нет! Про лебедя своего воет! Возьму вот за косу! Не погляжу, что в сажень вымахала. Бесстыдница!

Тут только Василий понял, кто песню пел. В близком соседстве росла долгоногая да глазастая девчушка-хохотушка. Аленкой звали. Года на четыре, а то и на пять помоложе Василья. Он и считал ее маленькой, а того не заметил, как из нее выровнялась девица — голову отдай, и то мало! Да еще вон какие песни складывает!

Затихли голоса, и песни не стало, а все ж таки Василий чувствует — не ушла Аленка из ограды, на крылечке сидит.

Василья и потянуло на ласковый девичий голос. Выбрался из своей ограды, подошел к соседней избушке и окликнул потихоньку:

— Аленушка!

Та ровно давно этого ждала, сейчас же отозвалась:

— Что скажешь, Василий Тимофеевич?

Удивился Василий:

— Как ты в потемках меня разглядела?

Она усмехнулась:

— Глаз у меня кошачий. Тебя вижу ночью, как днем, а то и лучше.

Потом без шутки сказала:

— С вечера твоих лебедей углядела и подумала — скоро ты должен в городке объявиться. Вот и сидела, караулила да голос подавала, чтоб предупредить тебя.

Тут Аленка и рассказала все по порядку.

Баушка Ульяна с весны померла. Воевода хоть лютовал, а семейных у Василья сперва не задевал. Да на беду сам Строга-

нов приехал. Как узнал про побег, так принародно на воеводу медведем заревел:

— Бревно ты словое, а не воевода! Гоняешь людей бестолку, будто им другого дела найти нельзя. Ты мне так сделай, чтобы утеклец сам повинную принес и чтоб другим неповадно было в бега кинуться! Полenom тут кормить надо, а не калачами.

И сейчас велел привести Тимофея с сыновьями, под батоги их поставил. Пусть, дескать, другие казнятся, что их семьям будет, ежели кто бежать удумает. Потом велел Тимофея и всю семью, от старого до малого, отправить на самую тяжелую работу — соль в кулях перетаскивать к пристаням, а дом и все добро на себя перевел.

Дознался тоже Строганов, какие люди в карауле стояли, когда Василий ушел, и велел их батожем бить и на солетаску нарядить с той только разницей, что семейных у этих людей в избах оставил.

Как поехать из города, велел Строганов народ собрать и погрозились:

— Кто увидит утекльца Ваську да не доведет мне, тому это же будет!

Сказывали потом, что Тимофей после батогов-то недолго проработал, а братья живы. Ну, а воеводина дочь вскорости за строгановского приказчика замуж вышла. На свадьбе перед подружками своими, сказывают, похвалялась — вот-де я какая, глазом мигну, так любого парня вокруг пальца оберну! Головы не пожалеет, прибежит по моему зову. Вон по весне позвала в сад кормщика Василья, а сама батюшке сказала, чтоб хорошенько этого холопа проучил. Пусть свое место помнит!

Выслушал все это Василий, да и говорит:

— Спасибо тебе, Аленушка, осветила мне дорогу. Теперь знаю, что делать. Коли Строганов придумал кормить моих полenom, так и от меня ему мягких не будет! А ту змею ногой раздаваю! — Потом вздохнул: — Эх, не знал, не ведал, что моя лебедушка верная через двор живет.

Алена и отвечает:

– Слово скажи – за тобой пойду.

Василий подумал-подумал и говорит:

– Нет, Аленушка, не подходит это. Вишь, вовсе трудная у меня дорога пойдет. Семейно по ней не пройдешь.

– Коли, – отвечает, – так тебе сподручннее, вязать не стану. Иди один!

Василий притуманился:

– Ты, Аленушка, все ж таки подожди меня годок-другой!

Алена так и вскинулась:

– Об этом не говори, Василий Тимофеич! Один ты у меня! Другого лебедя в моих мыслях весь век не будет.

Тут наслезилась она девичьим делом и подает ему узелок.

– Возьми-ко, лебедь мой Васенька! Не погнушайся хлебушком с родной стороны да малым моим гостинчиком. Рубахи тут да поясок браный. Носи – не забывай!

Подивился Василий вещему девичьему сердцу, как она вперед угадала, что придет, сам чуть не прослезился и говорит:

– Не осуди, моя лебедушка, коли худо про меня сказывать будут.

– Худому про тебя, – отвечает, – не поверю. Сам тот худой для меня станет, кто такое о тебе скажет. Ясным ты мне к сердцу припал, ясным на весь век останешься!

На том они и расстались. Ушел Василий, никому больше не показавшись. Вскорости слух прошел: появились на строгановских землях вольные люди. В одном месте соленосов увели, в другом приказчика убили, его молодую жену из верхнего окошка выбросили, а дом сожгли. Дальше заговорили, – поселились будто эти вольные люди в береговой пещере пониже Белой реки и строгановским караванам проходу не дают. И вожаком будто у этих вольных людей Василий Кормщик.

Строгановы, понятно, забеспокоились. Чуть не целое войско снарядили. Тем людям, видно, трудно пришлось, – они

и ушли, а куда – неизвестно. Слуху о них не стало. О Василье в городке и поминать перестали. Одна Аленушка не забыла:

– Где-то лебедь мой летает? Где он плавает?

Сколько отец с матерью ни бились, не пошла Алена замуж, да и женихов у ней не много было. Она, видишь, хоть приходящая и на доброй славе была, а сильно рослая. Редкий из парней подходит ей в пару, а она еще подсмеивалась:

– Какой это мне жених! Ненароком сшибешь его локтем, – на весь городок опозоришь.

Так и осталась Алена одна век вековать. Как обыкновенно, рукодельницей стала, – ткальей да прялей. По всему городу лучше ее по этому делу не было. Да еще любила с ребятишками водиться. Всегда около нее много мелочи бегало. Алена умела всякого обласкать. Кого покормит, кого позабавит, кому песню споет, сказку скажет. Любили ее ребята, а матери прозвали Аленушку – Ребятня Радость и, как могли, ей сновывали.

Годы, конечно, всякого заденут: малому прибавят, у старого из остатков отберут, не пощадят. Отцвела и наша Аленушка. Присекаться волос стал, черную косу белые ниточки перевили, только глаза ровно еще больше да краше стали.

К этой поре старые хозяева Строгановы все перемерли. На их место сыновья заступили. Народу на Чусовой умножилось. Сибирского хана сын с войском нежданно-негаданно на Чусовской городок набежал. Еле отбились горожане. По этому случаю старики все про Василья вспоминали:

– Вот бы был наш Тимофеич дома, не то бы было. Спозранок он бы разведал про незваных гостей и гостинцев бы им припас не столько. Напредки бы забыли дорогу к нашему городу! Дорогой человек по этому делу был. Зря его загубили!

Вскорости после этого слух прошел – к Строгановым поволжские вольные казаки плынут, а ведет их атаман Ермак Тимофеич.

По всей Волге на большой славе этот человек. Не то что бухарские и других земель купцы его боятся, и царские слуги

сторонкой обходят те места, где атаман объявится. И ватага у этого атамана на отбор.

У него, видишь, не было той атамановской повадки, чтоб на свою руку побольше хапнуть. Он и других к тому не допускал. По этому правилу и ватагу составил. Чуть кто неустойку окажет, такого сейчас из ватаги долой.

— Нам, — скажет атаман, — с такой слабиной людей не надо. Как тебе ватага поверит, коли ты о себе одном стараешься. Иди на все стороны да со мной, гляди, напредки не встречайся, а то худой разговор выйдет!

И крепко то атаманское слово было. Не помилует и того, кто надумает поблажку в таком деле дать да и отговаривается, не доглядел этого пустяка.

— Это, — отвечает атаман, — не пустяк, потому — может разговор в артели сделать. В первую голову всяк за этим гляди, чтоб у нас все шло на артель, в одну казну, в один котел!

За это будто атамана и прозвали Ермаком, как это слово по-татарски, сказывают, котел обозначает на всю артель. А Тимофеичем, видно, по отцу величают, как обыкновенно у нас ведется. И еще сказывали, не любит атаман Ермак, чтоб ватажники себя семьями вязали. Сам одиночкой живет и других к тому склоняет:

— Трудная наша дорога. Не по такой дороге семейно ходить да детей растить.

Слушает эти разговоры Алена и дивится:

— Его слова! И Тимофеичем величают. Не он ли? Лебедь мой, Васенька?

К осени опять слух донесся:

— К Строгановым на Каму приплыл Ермак с войском. По осенней воде пойдут на стругах вверх по Чусовой сибирского хана воевать. Скоро атаман с казаками в Чусовском городке будет.

Все, понятно, ждут. Как пришла весточка, в какой день будут, весь народ из городка на берег высыпал, и Аленушка туда же прибежала.

Завиднелись струги. Легко против осенней воды на весах идут. Песни казаки поют. Поближе подходить стали, в народе говорок пошел, как диво какое увидели. Глядит Алена, а у переднего струга два лебедя плывут и на шеях у них как искорки посверкивают: у одного красненькая, у другого синенькая.

Как стали струги к берегу подплывать, лебеди поднялись с воды, покружились над городком и на восход солнца улетели.

Первым на берег атаман вышел. Годов за полсотни ему. По кучерявой бороде серебряные струйки пробежали, а поглядеть любо. Высок да статен, в плечах широк, бровь густая, глаз веселый да пронзительный.

Одет ровно попросту, — не лучше других казаков. Только сабля в серебре да в дорогах каменных.

Глядит Алена — он ведь! Он самый! — а все признать не намерелся. Да тут и углядела — рубаха-то у атамана пояском ее работы опоясана. Чуть не сомлела Аленушка, все ж таки в ногах устояла и слова не выронила. Стоит белехонька да с атамана глаз не сводит.

А он своим зорким глазом еще со струга Аленушку приметил и по девичьему убору догадался, что незамужницей осталась.

Поздоровался атаман с народом, потом подошел к Аленушке, поклонился ей, рукой до земли, да и говорит:

— Поклон тебе низкий от вольного казацкого атамана Ермака, а как его по-другому звать — сама ведаешь. Не обессудь, моя лебедушка, что в пути запозднился. Не своей волей по низу до седых волос плавал, когда смолodu охота была против верховой воды плыть. И на том в обиде не будь: не забывал тебя и поясok твой ни в бою, ни в пиру с себя не снимал.

Поговорили они тут. Понял тогда народ, кто есть донской казак атаман Ермак, какого он роду-племени, в каком месте его лебедушка ко гнезду ждала.

Два дня, а то и три простоял Ермак со своим войском в Чусовском городке. Не один раз за те дни с Аленушкой побесе-

давал. Всю свою жизнь ей рассказал. Как он братьев и друзей своих из неволи вызволил, как с ними строгановские караваны топил, как потом на Дону казачил да по Воле гулял. Ну, все как есть. И про то объяснил, почему на Чусовую пришел.

— Много, — говорит, — в нашу казну богатства добывали, а нет против того, какое мне лебеди по нашей реке в горах показывали.

Вот и надумал этим богатством себе и всей ватаге — головы откупить, а кому не случится голову свою снести — тому добрую память в людях оставить. Лебеди как подслушали мою думу... Давно их не видал, а тут оба появились и будто манят плыть, куда надумал. Всю дорогу с нами плывут, а где остановка — улетают, и всегда в ту сторону, куда дальше путь идет...

В осенний праздник, в Семенов день, собрался атаман дальше плыть. Из Чусовского городка народу в войско прибыло. Ну, и проводы вышли вроде как семейные, потому — с заезжими казаками своих отправляли. На берег многие так семьями и шли, — кто брата, кто сына провожал.

Аленушка рядом с атаманом шла. Она, конечно, годами на другую половину жизни клонилась, а красоту свою не вовсе потеряла. Принарядится праздничным делом, так еще заглядишься.

Атаман тоже для такого случая приоделся. Верховик на шапке малиновый, кафтан цветной парчи, рубаха дорогого шелку, а сабля и протчая орудия — глаза зажмурь. И то углядели люди — новый у атамана пояс. Широкий такой, небывалого узору: по голубой воде белые лебеди плывут. Это, видно, Аленушка опоясала своего лебедя на незнакомую дальнюю дорогу.

И вот идут они, как лебедь да лебедушка. Оба высокие да статные, красивые да приветные, как погожий день в осени. Далеко их в народе видно. А кругом ребятишки — мелочь выются. Это Аленушкины прикормленники да приспешники со всего города сбежались. Известно, большому лестно, а малому и подавно охота близко такого атамана поглядеть, рядом по улице пройти.

Как атаман на берег, так лебеди — на воду, сразу кверху поплыли, оглядываются да покрикивают:

— Клип-анг! Клип-анг!

Вроде поторапливают:

— Пора, атаман! Пора, атаман!

Тут атаман простился с народом, с Аленушкой наособицу, сам на струг — и велел отваливать.

Отплыл — и концы в воду.

Сперва добрые вести доходили, как Грозный царь за это всем казакам старые вины простил и подаренье свое царское отправил. И про то сказывали, будто велел Грозный царь сковать атаману для бою кольчатую рубаху серебряную с золотыми орлами. Дивились царевы бронники, как Ермаковы посланцы стали про атаманов рост сказывать. Сильно сомневались в том бронники, а все-таки сковали рубаху, как было указано, от вороту до подола два аршина, а в плечах — аршин с четвертью, и золотых орлов посадили.

Прикинь-ко, какой силы и росту человек был, коли мог эту тягость на себе в бою носить!

Радовалась Аленушка эти вестям. Всем ребятишкам, какие около нее вились, рассказывала — вот, дескать, какой атаман удачливый да смелый.

Года два такими вестями Аленушка тешилась, потом перемена вышла: вовсе не слышно стало о казацком войске, как снегом путь замело. Долго ждала Аленушка, да и дождалась: в осенях приползла в городок черная молва.

— Мало в живых казаков осталось, и сам атаман загиб. Изменой заманили его с малым войском да ночью, как все казаки спали в лодках, и навалились многолюдством. Атаману, видно, надо было с одной лодки на другую перескочить, да опрометился он и попал в воду на глубокое место. В кольчатой-то рубахе царского подарения и не смог выплыть. И лебеди не могли атамана ухранить, потому — ночью дело вышло, а эта птица, известно, ночью не видит.

Вслушала все это Аленушка, слова не выронила и ушла в свою избу, а вскоре ребятишки по всему городу заревели — умерла Аленушка.

Отцы-матери побежали поглядеть. Верно – умерла Аленушка, Ребятня Радость. Лежит на скамейке у окошечка, и руки на смерть сложены, а сарафан и весь убор на ней тот самый, в каком она атамана в поход провожала. Поплакали тут которые, вспоминая тот день, пожалели:

– Вот была пара, да гнезда не свила.

От какой причины неожиданная смерть Аленушке пришла, так никто и не узнал. На том порешили:

– По-лебединому умерла наша Аленушка. У них ведь известно, как ведется: один загиб – другому не жить.

Так вот оно как дело-то было! Приплыл казак на родимую сторонку – на реку Чусовую. Это присловье про Ермака и сложено. В прежние-то годы, сказывают, такое часто случалось. Набродно на Дону было, со всех сторон туда люди сбегались, кому дома неведомогу пришлось. Ну, а этот из Чусовского городка был, Васильем Тимофеичем Алениным звали, а на Дону да по Волге он стал Ермак Тимофеич.

Здесь-то реки он с молодых годов знал. Ему, брат, вожак не надо было! Сам первый вожак по речным дорогам был! И то ни в жизнь бы ему в сибирскую воду проход не найти, кабы лебеди не пособили.

Куда потом эти лебеди улетели – сказать не умею.

По нашим местам эту птицу сильно уважают. Кто ненароком лебедя подшибет, добра себе не жди: беспременно неожиданное горе тому человеку случится. А хуже того, коли оплошает охотник из старателей. Такому и вовсе свое земельное ремесло бросать надо, потому удачи на золото после того не станет. Что хочешь делай, а даже золотины в ковшике не увидишь. Испытанное дело. Да вот еще штука какая у стариков велась – ставили деревянных лебедей на воротах.

А это в ту честь, что лебеди первые нашему русскому человеку земельное богатство в здешних краях показали. За это им и почет, и Василью Тимофеичу с Аленушкой память. Это – что парой-то!

Вот в чем тут загвоздка.

П. П. Бажов и его «Ермаковы лебеди»

...История народа сохраняется не только в письменных данных, но и... в легендах...

Р. Ф. Итс¹

Вероятно, трудно найти русского человека, который не читал бы сказы П. П. Бажова, его «Малахитовую шкатулку». Павел Петрович написал 52 сказа, и все они, кроме одного, о Свердловской области, о Восточном Урале². Единственный – «Ермаковы лебеди» – повествует о событиях, происходивших на Урале Западном, а точнее – в Чусовском Городке.

Кто он, П. П. Бажов – сказочник, сказитель? Чем отличается сказ от сказки? Как случилось, что этот признанный мастер написал самый «реальный» сказ о нашем земляке Василии Тимофеевиче Аленине? О Нижнем или Верхнем Городке идет речь в сказе? А лебеди – шипуны или кликуны? И множество других вопросов возникает у читателя равнодушного.

Без кратких упоминаний биографических данных не обойтись.

Павел Петрович Бажов родился 15 (27) января 1879 г. в Сысертском заводе бывшего Екатеринбургского завода Пермской губернии. С 1889 по 1893 г. учился в Екатеринбургском духовном училище, а с 1893 по 1899-й – в Пермской духовной семинарии³. Окончив курс по первому разряду, он поступил учителем начальной школы в деревню Шайдуриха нынешнего Невьянского района, а затем – учителем русского языка в Ека-

¹ Итс Р. Ф. Введение в этнографию: Учебное пособие. Изд-е Ленинградского государственного университета. 1991. С. 11.

² Хоринская Е. Наш Бажов. Свердловск, 1968. С. 101.

³ Пермяк Е. Долговекий мастер. М., 1974. С. 41.

Е. В. Камшилова. Павел Петрович Бажов. 1954 г. Бумага, карандаш

песни. Позднее в беседе с литературоведом М. А. Батиным Павел Петрович говорил: «...Скорее, это была работа краеведческая. Ею я занимался, имея в виду не художественную литературу, а именно краеведение...»⁵

...В 1918 г. П. П. Бажов был принят в партию и в конце этого года зачислен в Особую советскую роту, которую впоследствии причислили к отряду Жукова, потом Окулова (шла Гражданская война). Павел Петрович вел работу по агитации и пропаганде. В октябре он стал секретарем ячейки штаба 29-й дивизии, заведовал подотделом дивизии, а еще раньше был назначен фактическим редактором дивизионной газеты «Окопная правда» (агитвагон). Вся эта работа протекала в условиях боевой обстановки. Пять лет спустя о событиях Гражданской войны на Урале Павел Петрович писал: «...Общая обстановка тогда была жуткая. Черное кольцо, замыкавшее Республику

теринбургское духовное училище, где и работал вплоть до ноября 1917 г.⁴ Обычно летние вакации (каникулы) он посвящал разъездам по разным уральским городам, где собирал фольклорный материал, интересовавший его с детства. Ставил перед собой задачу сбора побасок-афоризмов, связанных с определенной географической точкой. Но и еще в юности во время каникул изучал Бажов уральское народное творчество – предания, сказки, легенды,

Советов, становилось все теснее и теснее и, казалось, с каждым днем увеличивалось в своем объеме»⁶. В бою с колчаковцами под Пермью П. П. Бажова тяжело контузило, он попал в руки врага и после зверского избиения заключен в тюрьму. Через некоторое время ему удалось бежать...

Напомню, что отдельные уже небоеспособные части 29-й дивизии оставили Верхние Чусовские Городки в ночь на 18 декабря 1918 г. и в самых тяжелейших условиях продолжали отступать к Перми.

Где, у какого населенного пункта был контужен П. П. Бажов? Заходил ли он в наше село в том морозном голодном декабре? А в юности и в молодости бывал ли он в Городках? Где и когда услышал он о «ермаковых» лебедях?

На все эти вопросы ответить трудно по той причине, что шесть бажовских тетрадей с полной паспортизацией: где, когда записано, от кого слышал, – бесследно исчезли во время Гражданской войны, когда белые захватили Екатеринбург. Об этом пишут многие, в частности, Е. Хоринская: «...Когда в Свердловске решили издать книгу уральских преданий, песен, сказов, частушек, Павел Петрович живо на это откликнулся. Стал разбирать свои записи. Он вел их много лет. Было собрано целое богатство. Но когда белые захватили Екатеринбург, бажовская библиотека была разграблена. Вместе с книгами погибли и тетради ценных записей. Многое пришлось вспоминать, восстанавливать...»⁷

А память, по свидетельству людей, его знавших, была у Бажова изумительная. Вот что пишет по этому поводу Евг. Пермяк: «Про писательскую память кто-то сказал, что она является главной кладовой таланта. Павел Петрович обладал невероятной памятью. Начиная с имен и отчеств сотен знакомых, кончая датами, местами действия сотен различных событий, хранилось

⁴ Хоринская Е. Указ. соч. С. 80.

⁵ Некоторые вопросы литературного творчества. Беседы с М. Батиным. Бажов П. П. Избранные произведения. Т. 2. М., 1964. С. 313.

⁶ Бажова В. А. О муже // Павел Бажов: Сборник. М., 1961. С. 226–227.

⁷ Хоринская Е. Указ. соч. С. 81.

Павел Петрович Бажов с друзьями-партизанами

в большой бажовской голове, как в хорошо организованной картотеке...»⁸

Н. Олесов вспоминает: «...[Бажов] к моему большому удивлению, стал называть заметки, какие я присылал в редакцию. Он называл и те, что напечатаны, и те, что были забракованы. Память оказалась у него на редкость цепкой. Можно было подумать, что он специально готовился к нашему разговору...»⁹ 1936 год – период первых публикаций, хотя раньше, по словам самого П. П. Бажова, он никогда не думал, что когда-нибудь придется писать. Фольклор восстанавливался в памяти. «...Восстановить этот материал через пятьдесят лет по памяти с текстуальной точностью, конечно, было нельзя, но я пытался это сделать... Я сам давал первые сказы именно как восстановление фольклора...»¹⁰

Напомню: нас интересует сказ «Ермаковы лебеди», и впервые «вылетели» они на печатные страницы в 1940 г.

⁸ Пермяк Е. Простой человек // Павел Бажов: Сборник. М., 1961. С. 272–273.

⁹ Олесов Н. Дружба с газетой. Там же. С. 241.

¹⁰ Бажов П. П. Избранные произведения. Т. 2. С. 315.

Сам Павел Петрович неоднократно говорил, что занимается только обработкой фольклорного материала, а на первое место «выставляет» фактический материал¹¹. «...Против народного творчества не создашь... Всякая попытка изменения выйдет хуже того, что там... Элементы преувеличения в устной передаче имеются. И это, на мой взгляд, как раз то, что называется фольклором. Это свидетельствует о том, что шла передача устная, причем передача многократная, и из каждого факта выросла легенда... Сказов без элементов легендарности нет»¹².

На вопрос М. Батина: «Как вы понимаете соотношение понятий “сказ” и “сказка”?» – Павел Петрович ответил пространно: «...К тому, что рассказывает сказка, относились заранее как к вещи, которая занимает, развлекает, поучает младших. А к сказу относились по-другому, в сказе есть элементы действительной жизни, истории. Сказка тоже может быть исторической, но история там далека и не воспринимается как история, а в сказе она еще сравнительно близка; несмотря на фантастику отдельных образов, люди чувствуют, что это рассказ о недавних людях... В основе лежит истинное происшествие, и эта близость к истине и отличает сказ от того, что в народном понимании является сказкой»¹³.

Подобный же вопрос задавала П. П. Бажову и Л. И. Скоринно: «...Он [Бажов] знал, что я еду на конференцию с докладом о нем, и осторожно, стараясь меня не обидеть, направляя мое внимание на основу своих сказов – на историю края»¹⁴, – так пишет биограф П. П. Бажова и рассказывает, как сам мастер объясняет слово «сказ»¹⁵. Сказ – «...это рассказ с элементами

¹¹ Хоринская Е. Указ. соч. С. 110.

¹² Бажов П. П. Избранные произведения. Т. 2. С. 424.

¹³ Там же. С. 410.

¹⁴ Там же. С. 318.

¹⁵ Там же. С. 325–326.

фантастического, неправдоподобного. Побывальщина – иное, там нет фантастики. Прошлое подкрашено чуть-чуть. А сказ – это всего лишь недостоверное свидетельство... Удобна форма сказа, подходяща... Возьмите вот Ермака... Все, что говорится о нем у меня в сказе “Ермаковы лебеди”, я и от горщиков слышал, и в печатном виде видел. Но все это исторически недостоверно. Не имею права рассказывать об этом, как о фактах, а вот в форме сказа говорить можно. Сказ – неписанная история, изустно передаваемая в народе из поколения в поколение. Тут и документальности нет, и фантастика подмешивается, но все же в основе быть... Надо знать свой край, и как люди жили, о чем думали...»¹⁶

Легко ли был написан сказ «Ермаковы лебеди»? В опубликованной литературе о П. П. Бажове, в его многочисленных письмах, воспоминаниях знавших его людей сказано об этом очень мало. Ничего конкретного и нового не получила я и на свой запрос по этому поводу из музея П. П. Бажова в Екатеринбурге. А дочь Павла Петровича Ариадна Павловна, с которой встретился в Москве и говорил на эту тему по моей просьбе Александр Иванович Воробьев¹⁷, сообщила только, что этот сказ они дома часто обсуждали всей семьей.

Снова и снова изучаю доступную литературу и анализирую сказ.

«– ...Знаю я эту реку, плавал. Неожиданная вся. Народ там интересный. Богатая река! На Чусовой у пришлого Тимофея

¹⁶ Скорино А. Уральские встречи // Павел Бажов: Сборник. С. 162, 163.

¹⁷ Воробьев Александр Иванович (род. 1927) – редактор краеведческого сборника «Быль Чусовских Городков», кандидат исторических наук. В течение многих лет принимал участие в работе Союза журналистов СССР как ответственный секретарь Пермской организации, был членом Правления Союза журналистов СССР и членом Правления Московской организации. С 1990 года на пенсии. Живет в Москве.

Аленина в вотчине Строгановых сын родился, Ермак... Много я оттуда записей вывез... да потерял, жаль...»¹⁸

Немного. А ценность-то какая! Значит, здесь, у нас, были сделаны записи, да еще и много. Пусть мы не знаем точно, в каком году это было, пусть эти записи пропали во время Гражданской, но они были! И «большая бажовская голова»¹⁹ сохранила услышанное и записанное когда-то.

«...В работе над “Ермаковыми лебедями” Бажова смущали многие моменты. Однажды он сообщил с некоторой нотой виноватости в голосе:

– “Ермаковы лебеди” выходят реальными, без фантастики...

...В один из январских дней 1940 г. Павел Петрович... сказал:

– “Ермаковы лебеди” что-то заело, туго идет...

...Спустя дней десять он сообщил:

– Я наконец завершил затруднение в “Ермаковых лебедях”. Мне дали справку, что лебеди живут сто и больше лет, бывает – и триста. А то я думал ввести вторую пару, а мне этого не хотелось. Надо было бы прибегнуть к разным фокусам»²⁰.

Здесь – каждое слово – на вес золота! «Реальными, без фантастики» «Лебеди» «получились» потому, что это – реальность. Реальностью оказался рассказ старожил о том, что лебеди, выращенные мальчиком, – долгожители. Они провозжали (могли провозжать) Василия Аленина, уже взрослого, признанного атамана Ермака, в сибирский поход. Не хотел «прибегать к фокусам» великий мастер, честный краевед – значит, ему можно верить, можно верить практически всему, о чем говорит он в этом сказе.

О том, с какой ответственностью относился П. П. Бажов к работе над сказом, свидетельствует Б. Рябинин, в присутствии которого состоялся разговор писателя с глухими стариками.

¹⁸ Маркова О. Незабываемое // Павел Бажов: Сборник. С. 259.

¹⁹ Выражение Е. А. Пермяка.

²⁰ Рождественская К. В издательстве // Павел Бажов: Сборник. С. 181.

«Косой Брод – старинное золотоискательное селцо на восточном склоне Уральского хребта, родной брат деревни Подневой...

– Лебеди у вас тут были, – говорит Павел Петрович, – на воротах. Не помните?

– ...

– Лебеди-то на воротах наклеплены были, топором вытесаны, – пытается разъяснить бригадир.

– Вот где-то здесь, на въезде, – помогает Павел Петрович. – Дом небольшой, резьба интересная... Криуля стояла в виде гуся на воротах, на крыше... Забыл?

...Была криуля на манер гуся (помнили)... Не вспомнили старики, куда исчезли деревянные лебеди...

– Жаль... Хороший сказ я о них знаю. Хотел кое-какие детали в память восстановить...

...И все же главного Павел Петрович достиг – старики подтвердили, что деревянные лебеди на одной из изб в Косом Бору были, память не обманывала его...»²¹

В самом же сказе лишь одно предложение: «Да вот еще штука какая у стариков велась – ставили деревянных лебедей на воротах».

Кое-кто может сказать: «Одно дело Косой Бор Свердловской области и совсем другое – Чусовские Городки». Такому ответу: заселение бассейна реки Чусовой русскими началось с Чусовских Городков, а подробно вдаваться в эту тему не буду – не место.

О каком же Чусовском Городке, Верхнем или Нижнем, говорится в «реальной» сказке? Еще раз напомним слова писателя, записанные О. Марковой: «...Знаю я эту реку... На Чусовой у пришлого Тимофея Аленина в вотчине Строгановых сын родился, Ермак...»

Не сомневаюсь, сыщутся «знатоки», утверждающие, что в то время Верхнего Чусовского Городка еще не существовало. Без лишних слов отсылаю их к статье Ю. В. Герасимчука в краеведческом сборнике «Быль Чусовских Городков» (Екатеринбург, 2000. С. 11–28). Здесь уместно сделать оговорку: даже в официальных документах в начале XX в. село Верхне-Чусовские Городки часто называлось просто Чусовские Городки, а еще раньше – Чусовской Городок.

Однако внимательно прочитаем сказ.

«...Вот раз убрались [ребята] в лес далеконько. Стоят, значит, у какой-то речки да кричат, сколько голосу есть. Потом насмелились, вверх по речке пошли... А Васютка по той же речке далеконько зашел... взмогился потихоньку на соню, огляделся и увидел... Выше-то речка надвое расходится. Островок тут пришелся. Островок высоконький, полой водой его не зальет...».

Надо знать, где и как текут речки Комаришка, Усолка и Рассошка. Около Нижнего Чусовского Городка подобной реки, описанной в сказе, нет. Комаришка надвое нигде не расходится, и нет на ней места, удобного для гнездования лебедей. Речь идет и не об Усолке, в устье которой расположен Верхний Чусовской Городок, ибо деревни по Усолке появились раньше, чем был таковой построен, и ребята непременно вышли бы к этим деревням. Речка, которая «надвое расходится» – Рассошка. Описывается место слияния Косой и Прямой Рассошек. Извилистые речки текут под углом примерно 120°. Здесь и сейчас есть небольшой островок. По переписи Кайсарова 1623–1624 гг. Рассошка названа Малой Усолкой, и числилось по ней 36 дворов, но это – уже через 70 лет после событий, о которых рассказали в свое время чусовские старики будущему писателю. Да так подробно описали, что, по-видимому, в «большой бажовской голове» отпечаталась четкая картина местоположения гнездовья лебедей, и более чем через 40 лет Павел Петрович воспроизвел ее с необыкновенной точностью, «не прибегая к фокусам».

²¹ Рябинин Б. По следам легенды // Павел Бажов: Сборник. М., 1961. С. 55–58.

По прямой местечко это находится от Верхних Чусовских Городков (имеется в виду старый поселок, до перенесения его на левый берег Чусовой) не далее как в километрах в трех-четыре, ну а по извилистой речке для ребят это «далеконько».

Итак, речь в сказе идет о Верхнем Чусовском Городке, и П. П. Бажов отлично знал, что Васютка Аленин родился и жил именно здесь.

Лучший, по словам самого Павла Петровича, иллюстратор бажовских сказов пермский художник Олег Дмитриевич Коровин на одной из своих персональных выставок представил два рисунка на простых альбомных листах: на одном – Вася Аленин, мальчик со своими лебедями-красавцами, на другом – тоже с лебедями – атаман Ермак. Второй рисунок сразу же был приобретен Пермской художественной галереей; о судьбе первого ничего не знаю.

Хороши рисунки. От лебедей трудно оторвать взгляд. Только художник изобразил шипунов, а не кликунов. Немногим отличаются эти два вида, но места их гнездования и распространения различны. У нас гнездятся (до сих пор!) кликуны. Именно о них повествует и Бажов. Как Васютка подзывал своих питомцев?

«...Выйдет на открытое место да как крикнет, как они:
– Клип-анг! Клип-анг!

Вскоре который-нибудь, а то и оба прилетят...».

И тут П. П. Бажов не погрешил против истины. Так что же получается: настоящий писатель, истинный признанный мастер так от себя ничего и не добавил к услышанному? Добавил. И получился «прокол» (как и у О. Д. Коровина).

«...Лебедь, конечно, птица большая. Крылья распахнет, так шире сажени. Понимай, какая в них сила! И ноготок на носу, хоть красный, но не из клюквы...».

«Клюквенный ноготок» на красном «носу» – у шипуна. Это и будем считать «фантастическим элементом» (конечно же, есть и другие) в «реалистичном» сказе.

О лебедях Ермака упоминает и Павел Александрович Северный в «Сказании о старом Урале»²², упоминает вскользь, как о факте всем известном. Кстати, в этом же произведении автор рассказывает и о первых русских поселенцах на Чусовой, рассказывает о том, что сохранили и передавали местные жители из поколения в поколение вплоть до наших дней, т. е. на протяжении пяти столетий.

Приведу еще несколько высказываний самого Павла Петровича Бажова.

«...Ведь я занимаюсь только обработкой фольклорного материала. Правда, состою членом писательского Союза и даже веду организаторскую работу, но подлинным писателем в высоком смысле этого слова, то есть человеком, который художественными средствами решает важнейшие проблемы жизни, считать себя не могу...»²³. «...Литературоведы не раз укоряли меня в том, что я неправильно выставляю на первое место фактический материал, а я продолжаю думать, что обработать и понять факты народного творчества – это тоже творческое качество... Писать, следуя за фактами, дело простое, не очень трудное, но найти в многообразии народного творчества факт, понять его и целеустремленно направить – это процесс творческий, ничего общего с фактографией не имеющий...»²⁴. «...Народность сказов прежде всего должна определяться бережным отношением к основному факту, если даже он находится в противоречии с документами архивов или литературных источников...»²⁵.

Особое внимание читателей хотелось бы обратить на следующие строки в конце сказа: «...По нашим местам эту

²² Первую книгу «Сказания о старом Урале» под названием «Рукавицы Строганова» П. А. Северный посвятил О. Д. Коровину.

²³ Бажов П. П. Избранные произведения. Т. 2. С. 424.

²⁴ Там же. С. 410.

²⁵ Там же.

птицу сильно уважают. Кто ненароком лебедя подшибет, добра себе не жди: беспременно нежданное горе тому человеку случится...».

В текстах арабских историков тысячелетней давности есть свидетельства о существовании на Черном море Острова Русов. Страна русов – Арсания – возникла раньше Киевской Руси на два-три столетия и оставила в памяти народа ослепительно яркий след. Молва о чудо-острове передавалась из уст в уста по всей русской земле вплоть до XIX в. Римский поэт Овидий писал, что скифские женщины могут оборачиваться птицами с помощью зелий. Образы крылатых существ, напоминающих поздних христианских ангелов, историки находят задолго до эпохи Острова Русов. Их увековечили еще этрусские мастера в первом тысячелетии до нашей эры.

Современный исследователь историк Владимир Щербаков пришел к выводу: главная богиня славян в древности – Лебедь. Полеты лебедей были своеобразной путеводной нитью. Люди ориентировались по ним и принимали решения о походах и переселениях на новые места. Мало того, исследователь убежден, что тонкий мир, не всегда видимый, но всегда существующий, – мир богов – реальность, а богиня Лебедь с удивительного Острова Русов здравствует и поныне, т. к. это сама Богоматерь²⁶.

И не случайно в нашем чудовском крае лебедь всегда считалась птицей священной. Есть что-то символическое в том, что наш земляк Василий Аленин, а впоследствии легендарный атаман Ермак, еще мальчиком спас от верной гибели и вырастил этих прекрасных птиц.

Итак, единственный сказ Павла Петровича Бажова о пермском крае имеет под собой реальную основу. В то время описанные в сказе события не могли быть зафиксированы документально, что вполне естественно и объяснимо. Оста-

ется только сожалеть о том, что сказ «Ермаковы лебеди» не привлек внимания как составителей учебников, так и краеведов-литераторов.

Э. Цейслер

Предки наших кораблей

После присоединения к России Западной Сибири начинается усиленно развиваться речное судоходство. Волго-Камскую и Обь-Иртышскую водные системы соединили притоки великих рек. Правда, не все притоки были пригодны для судоходства, кое-где на водоразделах грузы перетаскивались волоком, но транспортная связь с Сибирью была.

Наиболее удобным считался путь с Вишеры на Лозьву и Тавду. Ежегодно по нему сплавлялись десятки тысяч пудов различных грузов под присмотром земских целовальников. С ними обязательно плыли рабочие-плотники, они занимались постройкой судов.

На Лозьвинской верфи-плотбище строили два типа судов – струги и дощаники. Для основания струга брали чаще всего липу. Ствол выдаблывали. Получалась так называемая струговая труба. Для окончательной отделки корпуса внутри него устанавливали словые округи, или ребра, – шпангоуты. По бортам нашивали доски в несколько поясов.

Длина обычного струга равнялась 16–20 м, ширина – 2–3 м. Осадка не превышала одного метра. На судах полагалось иметь одно кормовое весло, или кормило, и от 6 до 20 пар загребных весел.

Дощаники – суда плоскодонные, строили их разных размеров. Большое судно, длиной до 20 м и более, так и называлось дощаником, меньшее по размерам – насадом, а еще меньше – кладной лодкой.

²⁶ Щербаков В. Владение князя Гвидона в сказке и наяву // Чудеса и приключения. 1999. № 12. С. 46, 47.

Кроме этих судов на Лозьве строили лодки специального назначения – завозни и паузки. Завозня, до 6 м длиной, была с рассохой (шесть с развилкой) с кормы к носу. По ней ходил канат от завозного якоря.

Паузок – мелководное судно. Оно служило для перевозки клади с больших судов на мелководье.

Дощаник мог везти 200 тонн груза, насад – около 60, а кладная лодка – 3–8 тонн. Большие суда использовались только в один конец – в нижнюю путину. После этого суда шли на слом. Они отличались грубой постройкой. Крепились только отдельные части обшивки. И использовались для этого деревянные гвозди и деревянный же набор шипов.

Суда, предназначенные для повторного плавания, были более прочными. Для их крепления применялись железные гвозди и скобы.

Особую роль в судоходстве тех лет играли все-таки струги. Из них состояла флотилия Ермака. На них ходили за Урал царские воеводы, основавшие первые русские крепости. Они были самыми подходящими судами для перевозки грузов.

На суда ставили паруса только при попутном ветре. Помогало передвигаться течение реки. Использовали также шесты и весла. Когда шли против течения, гребцы и рабочие выходили на берег и тянули суда лямкой. Если же берегом невозможно было пройти, судно передвигалось с помощью завозных якорей. Для этого якорь закладывали впереди судна и вытягивали к нему судно. Таким образом, хотя и медленно, но оно двигалось против течения.

В 1597 г. началась прокладка нового пути в Сибирь – Бабиновой дороги. Основали здесь город Верхотурье. Бабинову дорогу, сухопутную, которой можно было пользоваться почти круглый год, объявили правительственным трактом взамен отмененного водного «тракта» по Лозьве и Тавде.

Кропачевы. Большая семья¹

Введение

...В отношении управления вся Пермь Великая постепенно разделилась на три главные части: уезд Чердынский, который тогда назывался Пермским, уезд Усольский и обширные вотчины Строгановых. Главные начальники края, великолепные воеводы, жили сначала в Чердыни, потом в Соликамске. В 1579 г. в Пермь Великую послан был из Москвы писец Иван Яхонтов, который и переписал земли и людей как в обоих уездах, так и у Строгановых, составив первые «писцовые книги» для всего нашего края. В одной из трех его книг, а именно в Чердынской, при переписи погоста Редикора на р. Вишере, Яхонтов упоминает в числе безземельных

¹ Павел Николаевич Кропачев. Биография и семейная хроника его. Пермь, 1898. Книга отпечатана «стараниями» сына, известного пермского купца Александра Павловича Кропачева. Отдельные главы помещены в этом сборнике с минимальными сокращениями и в современной орфографии.

Александр Павлович
Кропачев (1824–1906)

крестьян его Лучку Кропача, которого можно считать родоначальником позднейшей фамилии Кропачевых. Через 44 года, а именно в 1623–1624 гг., всю Пермь Великую вторично переписывал писец Михаил Кайсаров. В его писцовой книге по имениям Строгановых в Верхнем Чусовском городке... мы встречаем Макария Кропачева. Можно думать, что эта фамилия переселилась на Чусовую с Вишеры, где Лука Кропач был безземельным крестьянином.

С тех пор фамилия Кропачевых в Верхних Чусовских Городках существует донныне.

В половине XVIII столетия Кропачевы, как достоверно известно, были крепостными людьми барона Сергея Николаевича Строганова, который в 1773 г. принадлежащую ему часть Пермских имений продал сенатору Всеволоду Андреевичу Всеволожскому, уступив ему при этом в числе крепостных людей семью Кропачевых. С этого времени история рода Кропачевых может быть изложена последовательно до нашего времени. Все дальнейшее изложение основано на материалах, старательно собранных Иваном Николаевичем Ощепковым в течение многих лет.

I

Предки Павла Николаевича Кропачева

С половины прошлого столетия начинается достоверное и непрерывное родословие Кропачевых. Иван Александрович Кропачев является первым из этой фамилии, о жизни которого есть некоторые сведения. Он уже владел землею и был доволь-

но состоятельным человеком по тому времени; между прочим, сохранились купчие, указывающие, что И. Ал. к своим угодьям прибавил еще 3 покоса. Его сын, Александр Иванович, родился около 1746 г. Женат он был на Матрене Сафоновне и имел от нее 4 сыновей: Николая, Петра, Прокопия, Даниила. Первый из них один только остался при отце; Петр, женившись, выдился, и от него пошло другое поколение Кропачевых; Прокопий умер еще молодым в Нижнетагильском заводе, а Даниил в один из первых при Екатерине В[еликой] рекрутских наборов поступил в военную службу и домой не возвратился. Известно, что Александр Иванович был грамотен, в то время среди крестьян – явление редкое. Вероятно, благодаря своей грамотности и зажиточности, он и был избираем обществом в сельские старосты, освобождаясь за это от платы повинностей за 2 души; по семейному же положению в 1796 г. ему приходилось платить за 6 $\frac{3}{4}$ души. Служа сельским старостою, Алекс. Ив. отличался замечательной аккуратностью, внося даже иногда из своих денег подати, если их нельзя было собрать к сроку с общества. Владея значительным капиталом, Алекс. Ив. расширял свое хозяйство, *приступая* (присоединяя. – Прим. ред.) к унаследованному от отца пашни и покосы; кроме земли у него был лучший в уезде кожевенный завод. Об этом свидетельствует письмо некоего Ивана Канцлерова с заказом Александру Ивановичу.

Умер этот Кропачев после 1801 г., прожив, таким образом, около 60 лет. Могила его находится в южном углу местного нового кладбища с краю; на могиле лежит плита с высеченным на ней крестом и буквою А; древнее этого памятника на кладбище нет. Матрена Сафоновна пережила мужа и умерла около 1830 г. Сестра ее Ирина, известная среди старожилов под именем бабушки Сафоновны, была еще жива в 1836 г.

Николай Александрович, сын Александра Ивановича, родился в 1766 г., умер в 1837 г. Он был высокого роста, крепкого телосложения и отличался силой и отвагой. Об этом даже сохранилось предание. Рассказывают, что Николай Александрович,

сплавляя по реке Косье камни, благодаря своей силе не допустил остановить плоты напавшим на него вооруженным крестьянам села Перемского.

В домашнем быту Николай Александрович был очень прост: носил обыкновенную белую холщовую рубашу, белые азам и простые подшивные сапоги; работая в поле, надевал лапти.

Грамотный, как и отец, он был старостой еще при жизни последнего. Состояние Николая Александровича было уже настолько велико, что среди односельчан своих он более походил на помещика, чем на крестьянина. Усадьба его занимала площадь в 1400 кв. саж.; здесь расположен был дом пятистенный с кухней и отдельной горенкой, под которыми помещалась швальня. Дом выходил на улицу, вход в него был со двора, через большие сени с чуланом и кладовыми, в большую горницу, разделенную перегородкою на две половины. В горницах печи были изразцовые, стены оклеены обоями. Около ограды, окружавшей всю усадьбу, расположены были конная кожемяка, дуботолчея, амбары, погреба и пр. службы. Кроме этих строений против часовни стоял амбар, на том месте, где теперь воздвигнута лечебница, гумно и скотный двор. В усадьбу вели раскрашенные ворота с чучелом жеребенка наверху. Мимо гумна шел въезд с полей, который и теперь зовется Кропачевским.

В мае 1830 г., в воскресенье, во время обедни от упавшей с божницы у крестьянина Березина заженной свечи воспламенился порох, огонь моментально охватил дом. Пожар уничтожил 140 домов; сгорел и дом Николая Александровича. Памятен этот пожар, между прочим, тем, что в местной сельской церкви горел теплый придел, в холодном, однако, священник продолжал служить литургию, по окончании которой его едва успели вывести из церкви под руки. Священник этот был Иоанн Варушкин.

Николай Александрович, сейчас после пожара, стал заготавливать материал для постройки дома. Место под усадьбу выбрано было им новое – против церкви у р. Усолки, но его

приходилось брать с бою, так как приказчик барона Югов, не соглашаясь на постройку дома Николая Алекс. в этом месте, собирався разрушить построенное, лишь только рабочие отойдут от постройки. Сила оказалась на стороне Николая Александровича, он успел скоро срубить первый этаж, и в это же время Югов примирился с ним, приняв в подарок фунт чаю.

Хозяйство Николая Александровича было в цветущем состоянии: одних покосов было у него до 30, коров он держал до 15, лошадей до 20. Кожевенное дело он вел так же, как оно шло при отце. Кроме того, он занимался добычей жернового и горнового камня, добывал точильный камень и алебастр по р. Косье. Жернова поставлял он на мельницы, горновой камень – на Пожевской завод, точильный камень и алебастр – на заводы по р. Койве.

Николай Александрович женат был на дочери местного диакона Варушкина, Ирине Васильевне. Она дожила до глубокой старости и умерла в 1862 г., почти 100 лет от роду. В течение всей жизни только один раз болела в 1847 г., после чего прожила еще 14 лет, хотя за семь до смерти лишилась зрения. В 1846 г. она гостила у внука своего Никанора Павловича в Пожевском заводе и здесь была представлена владельцу Никите Всеволоду Всеволодскому. Не терпя никаких излишеств, старуха называла даже самовар разорителем. Одевалась она просто. Была примерная, заботливая хозяйка и ревностная христианка. Посты соблюдала строго, принимая пищу по средам и пятницам великого поста один раз вечером. В семье от нее установился обычай хранить четверговую соль, употребляя ее во время болезни детей и выпуска весною скота на поле. Обычай служить ежегодно 22 октября у себя на дому молебен также остался в семье от нее. Относясь к себе в жизни строго, она то же советует в письмах своим внукам, убеждая их вести себя воздержанно, самим заниматься делом, не поручая слугам. За ее постоянные заботы родные называли ее молитвенницей и слезосветильницей.

От брака Николая Александровича с Ириной Васильевной явилось на свет до 20 детей, но из них один только Павел,

девятый по порядку, остался жив. Приемную дочь, которую им подкинули перед появлением на свет Павла, они воспитали, как родную, и выдали замуж.

II

Жизнь Павла Николаевича, его семья и первоначальная деятельность

Павел Николаевич родился в январе 1807 г. В детстве родители не баловали и не нежили его, хотя он и был единственный сын. С 6 лет Павла Николаевича послали учиться грамоте в Нижние Чусовские Городки к отцу местного диакона. Писать учился он в с. Успенском у волостного писаря Платона Степановича Гашева. Ходить в Нижние Городки учиться было не близко, да и само обучение не было легко, если вспомнить, как учили в то время детей. Желая освободиться от неприятного учения, мальчики однажды придумали оставить в лесу все свое верхнее платье и в слезах вернулись домой, говоря, что платье у них отняли в лесу неизвестные люди. Уловка эта, однако, не удалась. Старшие отправились на поиски и нашли на деревьях все платье мальчиков. Павел Николаевич впоследствии сам признавал, что не старался учиться грамоте, больше же любил ездить верхом. Сохранился один из учебников Павла Николаевича «Азбука скорописная для малолетних детей», 1798 года, литографированная, на синей бумаге. В этом учебнике под каждою буквою алфавита мелким рукописным почерком напечатано какое-либо нравственное изречение вроде: «видит Бог всю тайну человеческую»; «чего себе не желаешь, того не твори и иным» и пр. Дальше следует таблица умножения, молитвы и указание, как писать письма. Грамотностью в то время завершалось все образование, приобреталось только умение читать книги церковной печати, писать письма и знание таблицы умножения.

Шестнадцати лет Павел Николаевич был уже женат. Свадьба состоялась 5 февраля 1823 г. еще при жизни родителей и ба-

бушки. Ему готовили в невесты богатую девушку из семейства Булюкиных: брак этот, однако, не состоялся. Женился Павел Николаевич на другой, именно на Татьяне Александровне Звягиной. Замечательно то, что они родились в один день, и, как говорят, повивальная бабка, принимавшая их обоих, предсказала тогда же, что это будущие жених и невеста. Жили они счастливо, прожив вместе с родителями 14 лет и с вдовствующей матерью 25 лет; в кругу детей они праздновали 50-летний юбилей счастливой своей супружеской жизни. Мать Павла Николаевича, происходя из духовного сословия, была женщина развитая и имела на всю семью благотворное влияние. От родителей своих Павел Николаевич усвоил лучшие начала семейной жизни, которых и держался всегда строго. Вероятно, благодаря этому в семье сохранился обычай, выходя из-за стола, благодарить хотя бы даже отсутствующего Павла Николаевича.

Находясь большею частью по делам вне дома, Павел Николаевич вел со своей женой и матерью постоянную переписку, в которой касался не только хозяйства, требовавшего больших забот, но и семейных дел, воспитания детей. Чтобы представить картину семейной жизни Павла Николаевича, мы воспользуемся этой перепиской.

«Любезный дружочек Танюшка, — писал он жене, — занимай на старости лет мою родительницу и помогай ей по дому, кому же делать больше, как не нам? У нас с тобою дети малы, надеяться не на кого... С матушкой Ириной Васильевной всякое дело делайте с согласия и без упущения. Где в доме мир и согласие, тишина и спокойствие, там Бог пребывает и во всех делах помогает. От кого мы должны ожидать помощи в делах своих? От кого мы должны ждать защиты от злых и ненавистных людей? Все сие от Всевышнего Небесного Творца! Просите его во всякое время, чтобы Он вам помогал в управлении, в делах и намерениях ваших. Не забывайте Бога и всегда призывайте Его, Он для нас, грешных, долготерпив и многомилостив».

«Друг мой, Татьяна Александровна, — пишет он в другом письме, — прошу вас быть к старшим в повиновении, иметь их

в почтении, к ближним своим снисходительнее, к подчиненным тебе, как к детям своим. Рабочих людей на вашу волю предоставляю».

«Вообще с матушкой и ближними своими родными советуйтесь, что делать к лучшему. Зря не начинайте делать дело, прежде обсудите, как лучше, так и делайте, и я на то буду согласен, как ваши родные и ближние присудят. Дружочек, будь поосмотрительнее, живите поучетистее, в долг товара не раздавайте, и то все наше имущество в людях».

Татьяна Александровна и без этих советов мужа была хозяйка экономная. «Носи платье, не складывай, – говорила она, – терпи горе – никому не сказывай, – стерпится – слюбится». А терпеть ей приходилось. Строгий муж однажды писал ей: «...я тебе пишу письма по долгу к родительнице, иначе я тебе ни одного письма не написал бы, столь мне здесь тяжело слышать о домашней вашей распре».

«Любезный друг, – писал в другой раз Павел Николаевич жене, – приятное письмо от вас получил и благодарю, только за то не спасибо, что ты плачешь, напрасно слезы льешь, глаза портишь. Вы дома тоскуете, а меня здесь в горшее чувство приводите. Теперь весна, прошу не тосковать обо мне. Я вам, кажется, пишу не редко, нарочно чаще пишу, чтобы вы не тосковали».

«Здравствуй, почтенная чувствяночка, природная вертелка, 39-летняя молодухка! – писал в шутиливой форме Павел Николаевич. – Я хотел подъехать к тебе в гости, но получил письмо из дому, в котором от тебя приглашения мне не было сделано, и побоялся, буду домой, а, может, у меня любезной Татьяны Александровны и дома нет, она охотница по свадьбам ездить да у приказчиков гостить. Отсрочил, домой не поехал, подожду холодной зимы, знаю, что зимою больше дома сидишь».

«Впрочем, я не запрещаю, ходи и к священнику, и к тем, от кого мы можем перенять полезное, но не ходи в те дома, кото-

рые отбирают от нас сведения и пользуются нашей простотою. Любезный друг, на меня не сердись, а с дураками не водись».

В другом письме в том же тоне Павел Николаевич писал своей жене: «Здравствуйте, любезные чувствяночки, три Танюшки и одна Аннушка! В письме сына Никанора упомянуто, что любезный мой друг, Татьяна Александровна, отъезжает в Екатеринбург вместе с сыном, но за каким делом – неизвестно. Ах, если бы знали, что такое я чувствовал! Я не знаю покоя; ужасно удивило меня, неужели моя жена решила меня оставить одного жить в доме? Что? или вы решились идти в монастырь в монашенки? Я уже рассердился на бывших в прошедшем году у нас монашенок, но не они ли переманили? Сколько я раскаивался, что послал тебе деньги!»

«Вы мне ни черты не пишете, я на вас стану сердиться. Мне без ваших писем тоскливо, когда получу твое письмо, тогда я ровно всех на лицо вижу. Вы подумайте, когда от меня писем не будет, каково вам самим терпеть». Шутя, он часто подписывался: «Весь ваш, вернейший друг, села Чусовских городков крестьянин, муж Татьянин, Павел Кропачев, кланяюсь низехонько».

В свою очередь и Татьяна Александровна писала мужу: «Давно уже с вами не виделась, очень соскучилась, теперь рада даже и письму вашему. Любезная матушка, Ирина Васильевна, отправилась в Пожевской завод к детям, а я теперь одна при доме с малюткой, любезною дочерью Аннушкой. Она только единственная моя утеха: начинает ходить и говорить; когда закличет вас, того дня непременно получаем от вас письмо».

У Павла Николаевича было четыре сына: Александр, Никанор, Павел и Михаил и две дочери: Татьяна и Анна. Признавая свое образование недостаточным, Павел Николаевич заботился, чтобы дети его в этом отношении сделали больше. В письмах своих он постоянно подробно касался воспитания детей, требуя от матери и жены заниматься возможно больше этим, так как самому ему при частых и продолжительных отлучках из дому следить было трудно за воспитанием детей. Чтобы

проверять успехи детей в грамоте, он требовал их подписей в письмах и, если это не исполнялось, строго выговаривал жене. «Кажется, я вам и прежде писал, как обходиться с детьми и как их учить, вы, видно, их отвлекаете от письма. Если правда, что они писать не могут, в таком случае станете за детей отвечать Богу. Что же хвалить мою пустую грамоту, когда я тебе не могу, мой дружок, написать ни одной грамотки обстоятельно, а другим способом и подавно не смею писать по той самой причине, что худо учен». «Прошу их, — писал однажды Павел Николаевич о детях, — научиться добрым делам, а не баловать, дабы они отца под ноги не топтали. Я для их образования ничего не жалею; для их просвещения, чтобы они имели понятие об обязанностях к Богу и Государю, к родителям и господину своему, друг к другу и ближним; знали, как велит Бог родителей почитать, в старости их покоить, в повиновении быть у старших, в послушании и любви к ближнему своему; самые драгоценные купил книжки». Стараниями и заботами своими о детях Павел Николаевич достиг того, что все они были грамотны, хотя в то время школ не было и учиться было трудно. Все сыновья Павла Николаевича в жизни своей доказали, что труды и заботы о них отца не пропали даром; трое из них удостоились наград за свою полезную деятельность. Павел, оставшийся в доме отца при хозяйстве и кожевенном заведении в крестьянском звании, за деятельность свою по учебному ведомству награжден медалью; Михаил, вышедший в купечество, награжден золотой медалью на Александровской ленте; старший же Александр, давно уже купечествующий, за свою деятельность состоит в звании Коммерции Советника и Всемиловнейше пожалован орденом св. Владимира 3-й степени. Дочери Павла Николаевича обе вышли замуж: Татьяна за кунгурского купеческого сына Ивана Матвеева Бабина, Анна — за студента духовной семинарии Евграфа Матвеевича Кудрявцева, 30 лет священствующего при городской церкви и Всемиловнейше награжденного орденом св. Анны 3-й степени.

Еще молодым человеком при жизни отца Павел Николаевич вел самостоятельно дела промышленные и торговые. Об этом периоде его деятельности сохранилось мало указаний, вследствие пожара 1830 года, который уничтожил все письменные данные. В 1834 г. Павел Николаевич на Нижегородской ярмарке, по поручению комиссионера г. Всеволожских, исполнял разного рода дела, кредитовался, делал закупки на значительные суммы, например, им было куплено одних рукавиц для заводов Всеволожских на 2 тыс. рублей. Кроме того, в то же время он имел от вотчинного Пожевского управления свидетельство, что человек он благонадежный, может исполнять подряды и кредитоваться до 2 тыс. Таким образом, в это время Павел Николаевич пользовался значительным уже доверием. В 1835 г. он подрядяет крестьянина Надеждина с товарищами добыть 10 пар жернового камня для Пожевского завода. Павел Николаевич продолжает начатое отцом его дело поставки горного, бутового камней и алебастра для Пожевского и Никитинского (т. е. Майкорского) заводов. О размере дел, которые ведет в это время Павел Николаевич, лучше всего говорит письмо его к родителям, писанное в один из разъездов из Екатеринбурга: «Вперед доехал до Билимбаихи на своих конях и тут товар весь сдал, сам уехал в Екатеринбург на своих лошадях, а из Екатеринбурга на переменных до Шадринска. Я купил в Шадринске армяков 80, полушубков 125, говядины 1000 пудов, одну лошадь, которую посылаю домой, а сам еду в Тагил на переменных. Из Тагила поеду в Верхотурье. Батюшка, всепокорнейше прошу вас отправить вачеги, сапоги, шлеи, узды, коты второй и третий сорт в Пожву. Пимов прошу шить большую половину с подошвами из сибирских кож, коты шить на большие деревья, я подрядился доставить домой самой лучшей доброты и большой величины. Шитье кож как можно умножьте, мне надо котов до Пасхи сшить 4 тыс., тюней круглых чтобы было к моему приезду 200 пар. Ежели у вас дуба недостаточно, то прошу отнестись к И. В. Касьянову, он деньги брал в дуб. Прошу всех стараться

шить как можно лучше и поуспешнее. Любезной супруге Т. А. прошу объявить, чтобы каждое воскресенье выезжала торговать на базар сама с работниками и деньги бы получала себе. Ежели не сама, то чтобы сын Никанор... Прошу рыбу судачину вывозить на базар»...

В 1836 г. он заключает условие на поставку на заводы и промысла всякого рода нужных им вещей на сумму 32 820 рублей. В этом же году он обязался вместе с односельцем Бражкиным поставить в Ижевский оружейный завод точил на 11 830 рублей, за исправную доставку их командиром завода г. лейтенантом Нератовым выдан ему аттестат от 15 июля 1837 г. за № 3748. На этот же завод он поставляет алебастр. В счет уплаты за поставку П. Н. отпущено было заводами: Пожевским 2469 пуд. железа, Ижевским – 1520 пуд. Это железо в 1837 г. Павел Николаевич сплавил в Нижний Новгород. Деньгами с Всеволожских получил он только 1805 р., на остальные 1900 р. выдано заемное письмо; несмотря на это П. Н. закупает в Нижнем товара на 5000 руб.

В 1835 г. у него существовали две лавки в Пожевском заводе, в следующем году он открыл лавку в Кизеловском заводе, а в 1837 г. – и в Александровском. Все эти лавки торговали преимущественно кожевными товарами своего изделия и всякого рода необходимыми для заводов предметами. В торговле П. Н. помогали племянник матери его Лев Варушкин, Семен Серебряников и Григорий Ушаков – они сидели в лавках; на ярмарках и в поставках по подрядам помощниками его были М. Звягин, М. Кучумов и другие родственники. В это же время он уже пробовал приучать к торговле своего 12-летнего старшего сына.

III Испытание

Как уже было сказано, Кропачевы были крепостными Всеволожских. Тайный советник Всеволод Алексеевич Всеволож-

ский в 1773 г. купил за 300 т. р. часть Строгановских имений в Пермской губернии. В 1796 г. имение это перешло к племяннику Всеволода Алексеевича – Всеволоду Андреевичу, от него же по духовному завещанию 1832 г. – к детям сыновей Александра и Никиты. Последние получали право пожизненного пользования имением. Павлу Николаевичу приходилось вести дела свои в тесной связи с делами г. Всеволожских. Никита Всеволожский, по словам поэта Пушкина, был нечто вроде маленького Людовика XI, он был жесток по убеждению. Павлу Николаевичу пришлось перенести целый ряд неприятностей вследствие упомянутой связи его с делами своего барина.

Мы уже упоминали, что в 1837 г. Павел Николаевич для продажи железа ездил на Нижегородскую ярмарку. Железо продано было выгодно; на свое судно господской клади на обратный путь он не получил. Тогда же на ярмарке ему следовало получить от комиссионера Всеволожских за поставку на заводы их 20 000 р., однако из всей суммы он получил только 2000 р. наличными, на остальную сумму было выдано заемное письмо. Ожидая денег, Павел Николаевич оставался в Нижнем и, по распоряжению комиссионера Рутковского, вместе с караванными Ф. Левиным и И. Чертуловым был назначен приемщиком товаров, закупавшихся на ярмарке для заводов Всеволожских.

Левин, как и Павел Николаевич, был человек прямоты необыкновенной и соблюдал строго интересы владельцев. Исполняя возложенные обязанности, они узнали о злоупотреблениях при покупке товаров и между прочим, как приемщики, подвергли сортировке покупавшуюся для суконной фабрики шерсть. Это вызвало споры, и дело получило огласку. Павла Николаевича и Чертулова вызвали в Петербург.

Второго ноября Павел Николаевич писал домой: «Я ездил в деревню к известному вам человеку, о котором я вам ранее сказывал. По секрету вам пишу, они доносили господам о нашей обиде (неудовлетворение деньгами, лишение доставки господской клади, обременительные повинности), потому

и требуют в Петербург; и теперь тоже получил письма и наставления. Прошу никому не объявлять, господа примут меня, когда было мое желание видиться с ними».

В письме от 7 ноября он сообщает, что пока остается в Нижнем, ожидая Чертулова, которого владельцы потребовали тоже к себе. Через две недели он писал: «За необходимую обязанность считаю уведомить вас, матушка, о своем приезде в С.-Петербург с И. В. Чертуловым ноября 20 по вечеру в 6 ч., прямо в дом Всеволожского. Того же числа явились к управляющему Рутковскому, который был на ярмарке. Мы жили в Петербурге на квартире, а 23 числа меня отправили в Рябово за 25 верст от Петербурга, там вотчина наших господ, в ожидании Никиты Всеволодовича. Он уехал в Москву до нас за сутки и проживет там до 5 декабря, а непременно будет к 10 декабря. Что меня заставят делать в Рябове, мне еще неизвестно. Куда поступаю и чем займусь, уведомляю вскоре, а вы мне погодите писать письма. Надо писать, так пишите Ф. Я. Левину в Нижний Новгород. Здесь строго запрещено письма писать. Мне здесь до решения Никиты Всеволодовича никакого спросу и решения не будет, он меня требовал сам. Если нет нужды, ко мне не пишите». Дальше в следующем письме П. Н. сообщает, что Никита Всеволодович приехал только 28 числа и что туда же приехал управляющий Пожевским заводом Лельковский.

«В 8 число января в Рябово, — пишет Павел Николаевич, — приехал барин Александр Всеволодович, призвал к себе, спрашивал о главном управляющем нашем А. И. Лельковском, о его плутнях, о которых я ему с ярмарки донесение делаю. Он меня принял хорошо и говорил, как отец с сыном, жалел о домашних моих происшествиях, давал наставления. Он уже знает про меня с хорошей стороны. Здешний главноуправляющий фальшиво нанес на меня, будто я с Лельковским мотаю вместе, я объяснил хорошо. Верно, меня для улики Лельковского потребовали, и будет нам с ним очная ставка. Сего числа мы ждем сюда Никиту Всеволодовича, я его еще не видел, у них здесь

дел премножество. Лельковского в Петербург к Никите Всеволодовичу не пускают и ему дадут вопросные пункты на счет управления в Перми; не бывать ему у нас в Перми, он отдан законному суду. Я ничего о себе не знаю и предаю все во власть Всевышнего создателя, как Ему, Батюшке, угодно, так Он с нами и поступит по делам нашим».

В дальнейших письмах Павла Николаевича домой нет указаний, когда и как он представлялся грозному барину. Вероятно, не желая тревожить своих домашних, Павел Николаевич об этом вовсе не писал, а беспокоиться им приходилось, так как бывали случаи, что по приказу грозного Всеволожского крепостных людей без суда засекали до смерти.

Впоследствии Павел Николаевич рассказывал домашним о том, как первый раз он являлся к Никите Всеволодовичу в начале 1838 г. Дело происходило в Рябове. «Меня с караванным Чертуловым... ввели в зал, поставили у дверей на колени и велели ожидать барина. Вот двери из внутренних палат отворились, и вышел барин!.. но это был не барин, а грозный паша; он был одет в турецком кафтане, в широких шароварах, с четырехугольной шапкою на голове, по углам шапки болтались кисти. Вошел в зал, кинул на нас огненный взгляд и, обращаясь ко мне, с чувством нескрываемого гнева громко произнес: "Как ты смел с меня брать векселя? Знаешь ли ты, кто я? Я твой барин, что захочу, то из тебя и сделаю, разорву на клочки и собакам брошу!"»

«Ваше превосходительство! я их не брал, — дрожащим голосом вымолил Павел Николаевич. — Я отказывался, не соглашался их брать и даже плакал, но управляющий силой всучил их мне».

«Я тебя на очную ставку сведу с Рутковским!» — «С радостью готов встать на очную ставку с ним», — отвечал Павел Николаевич. Этим кончилось представление барину. Однако Павла Николаевича все еще держали в неопределенном положении. Долго еще он не знал, как поступят с ним и каково будет в дальнейшем отношении господ к нему. Приятель его Левин докладывал господам о невинности Кропачева и Чертулова. К тому времени Лельковский покаялся господам, а другой